

Главный редактор

Л. В. Шкваря, д-р экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: destard@rambler.ru

Заместитель главного редактора

С. Ю. Муртузалиева, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Председатель редакционного совета

А. В. Шишкин, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры маркетинга Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Редакционный совет

Р. С. Гринберг, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Москва, Россия
E-mail: grinberg@inecon.ru

М. В. Кулаков, д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: mkulakov39@yandex.ru

Н. Н. Неновски, д-р экон. наук, профессор Университета Пикардии имени Жюль Верна, член Правления Болгарского национального банка, Амьен, Франция,
E-mail: nenovsky@gmail.com

А. А. Праневич, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе Белорусского Государственного экономического университета, Минск, Беларусь
E-mail: pranevich@bseu.by

В. А. Шлямин, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института североамериканских исследований Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия
E-mail: shlyamin@petrsu.ru

Б. Д. Хусаинов, д-р экон. наук, профессор, академик Казахстанской национальной академии естественных наук, Алматы, Казахстан
E-mail: bkhusainov@gmail.com

Хэ Минцзюнь, канд. экон. наук, старший преподаватель Куньминского университета науки и техники, Куньмин, КНР
E-mail: sldj2005@163.com

О. А. Ястребов, д-р экон. наук, профессор, ректор Российского университета дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: rector@rudn.ru

Chief Editor

L. V. Shkvarya, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: destard@rambler.ru

Deputy Editor-in-Chief

S. V. Murtuzalieva, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Chairman of the Council

A. V. Shishkin, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the Marketing Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Editorial Council

R. S. Grinberg, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: grinberg@inecon.ru

M. V. Kulakov, D. Sc. (Economics), Professor, Head of the Laboratory Studying Social and Economic Problems of Developing Countries, of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: mkulakov39@yandex.ru

N. N. Nenovsky, D. Sc. (Economics), Professor of the University of Picardie Jules Verne, Member of the Board of the Bulgarian National Bank, Amiens, France
E-mail: nenovsky@gmail.com

A. A. Pranevich, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus
E-mail: pranevich@bseu.by

V. A. Shlyamin, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Nordic Studies, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
E-mail: shlyamin@petrsu.ru

B. D. Khusainov, D. Sc. (Economics), Professor, Academician of the Kazakhstan National Academy of Natural Sciences, Almaty, Kazakhstan
E-mail: bkhusainov@gmail.com

He Mingjun, PhD (Economics), Senior Lecturer of the Kunming University of Science and Technology, Kunming, China
E-mail: sldj2005@163.com

O. A. Yastrebov, D. Sc. (Law, Economics), Rector of the RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: rector@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Р. Бышарова, канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: byasharova.ar@rea.ru

Т. В. Воронина, д-р экон. наук, доцент,
заведующая кафедрой «Мировая экономика
и международные отношения» Южного
федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: tvoronina@sfedu.ru

Н. В. Захарова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: zakharova.nv@rea.ru

С. В. Иванова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ivanova.sv@rea.ru

Л. Константи, д-р экон. наук, профессор,
Американский университет
в Центральной Азии, Бишкек, Киргизия
E-mail: konstants_l@auca.kg

Т. И. Кузьмина, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: kuzmina.ti@rea.ru

Л. Ф. Лебедева, д-р экон. наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, руководитель центра социально-
экономических исследований Института США
и Канады РАН, Москва, Россия
E-mail: liudran@mail.ru

Д. В. Муха, канд. экон. наук., доцент,
директор ГНУ «Институт экономики НАН
Беларуси», Минск, Беларусь
E-mail: mukha@economics.basnet.by

Г. В. Подбиралина, канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: podbiralina.gv@rea.ru

И. А. Родионова, д-р геогр. наук, профессор,
главный научный сотрудник АО ЦНИИ
«Электроника», Москва, Россия
E-mail: iarodionova@mail.ru

А. В. Рыжак, д-р техн. наук, профессор,
профессор кафедры товароведения
и товарной экспертизы Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ryzhakova.av@rea.ru

Е. Д. Фролова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры международной экономики
и менеджмента Уральского федерального
университета, Екатеринбург, Россия
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

EDITORIAL BOARD

A. R. Byasharova, PhD (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: byasharova.ar@rea.ru

T. V. Voronina, D. Sc. (Economics), Associate
Professor, Head of the World Economy
and International Economic Relations Department
of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tvoronina@sfedu.ru

N. V. Zakharova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: zakharova.nv@rea.ru

S. V. Ivanova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: ivanova.sv@rea.ru

L. Konstants, D. Sc. (Economics), Professor
of the American University of Central Asia,
Bishkek, Kyrgyz Republic
E-mail: konstants_l@auca.kg

T. I. Kuzmina, D. Sc. (Economics),
Professor, Professor of the World Economy
Department of the Plekhanov Russian University
of Economics, Moscow, Russia
E-mail: kuzmina.ti@rea.ru

L. F. Lebedeva, D. Sc. (Economics), Professor, Honored
Worker of Science of the Russian Federation,
Head of the Social and Economic Research Center
of the Institute for US and Canadian Studies of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: liudran@mail.ru

D. V. Mukha, PhD (Economics), Associate Professor,
Director of the Institute of Economics of the National
Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
E-mail: mukha@economics.basnet.by

G. V. Podbiralina, PhD (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: podbiralina.gv@rea.ru

I. A. Rodionova, D. Sc. (Geography), Professor,
Chief Researcher of JSC Central Research Institute
"Electronics", Moscow, Russia
E-mail: iarodionova@mail.ru

A. V. Ryzhakova, D. Sc. (Technology), Professor,
Professor of the Commodity Science and commodity
Examination Department of the Plekhanov Russian
University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: ryzhakova.av@rea.ru

E. D. Frolova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the Department of International
Economics and Management
of the Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

Содержание

Мировая экономика и международные экономические отношения

<i>Смирнов Е. Н.</i> Трансформация международной торговли в условиях современных шоков развития мировой экономики.....	5
<i>Меньшиков П. В., Меньшикова А. М.</i> Актуальные аспекты медийной составляющей современных мирохозяйственных связей.....	27
<i>Болвачев А. И., Саврадым В. М.</i> Уровень монетизации экономики как показатель состояния финансовой системы: обзор мировой практики.....	38

Международная торговля

<i>Кутенина И. А., Чернявская Н. П.</i> Защита прав при международной торговле интеллектуальной собственностью в ЕАЭС.....	61
<i>Ливенец М. И.</i> Методический подход к оценке диверсификационной активности экспортной деятельности региона.....	74
<i>Шкваря Л. В.</i> Султанат Оман: новый этап развития двусторонней торговли с Китаем.....	88

Евразийская интеграция

<i>Бирюкова О. В., Хасанов К. А. угли, Бугаева Д. С., Смагин Е. А.</i> Проблемы сопряжения ЕАЭС и организации тюркских государств в современных условиях.....	101
<i>Шумкоски Г.</i> Промышленная политика, выбор отрасли и стратегии развития экспортных рынков на примере Киргизской Республики.....	125
<i>Масолыгин А. В.</i> Бедность в России в международных сопоставлениях: динамика ключевых индикаторов в 2018–2023 гг., вызовы и задачи.....	137

Образование и наука

<i>Каржанова Н. В., Аввакумова И. В.</i> Высшее образование в ССАГПЗ и его трансформация в XXI веке.....	155
--	-----

Цифровизация и цифровая экономика

<i>Бяшарова А. Р.</i> Цифровое развитие стран Персидского залива и его влияние на международную экономику и торговлю: эмпирический анализ.....	165
<i>Приходько Д. В., Шеров-Игнатьев В. Г.</i> Информационно-коммуникационные технологии: влияние на внешнюю торговлю африканских стран.....	177

Contents

World Economy and International Economic Relations

<i>Smirnov E. N.</i> Transformation of International Trade in the Context of Modern Shocks in the Development of the World Economy.....	5
<i>Menshikov P. V., Menshikova A. M.</i> Topical Aspects of the Media Component of Modern World Economic Relations.....	27
<i>Bolvachev A. I., Savradym V. M.</i> The Level of Monetization of the Economy as an Indicator of the State of the Financial System: Overview of World Practice.....	38

International Trade

<i>Kutenina I. A., Chernyavskaya N. P.</i> Protection of Rights in International Trade of Intellectual Property in the EAEU.....	61
<i>Livenets M. I.</i> Methodical Approach to Assessing the Diversification Activity of a Region's Export Activity.....	74
<i>Shkvarya L. V.</i> Sultanate Oman: a New Stage in the Development of Bilateral Trade with China.....	88

Eurasian Integration

<i>Biryukova O. V., Khasanov K. A. Ugli, Bugaeva D. S., Smagin E. A.</i> Problems of Coupling the EAEU and the Organization of Turkic States in Modern Conditions.....	101
<i>Sumkoski G.</i> Industrial Policy, Sector Selection and Export Markets Strategies. The Case of the Kyrgyz Republic.....	125
<i>Masolygin A. V.</i> Poverty in Russia in International Comparisons: Dynamics of Key Indicators in 2018–2023, Challenges and Tasks.....	137

Education and Science

<i>Karzhanova N. V., Avvakumova I. V.</i> Higher Education in the GCC and its Transformation in the 21st Century.....	155
---	-----

Digitalization and the Digital Economy

<i>Byasharova A. R.</i> Digital Development of the Persian Gulf Countries and its Impact on the International Economy and Trade: an Empirical Analysis.....	165
<i>Prikhodko D. V., Sherov-Ignatev V. G.</i> Information and Communication Technologies: Impact on the Foreign Trade of African Countries.....	177

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА Т. 11, № 1 (41) 2025

Ответственный секретарь **Е. В. Золотова**

Редактор **Т. Л. Савельева**
Оформление обложки
Ю. С. Жигалова

Адрес редакции:
109992, Москва,

Стремянный пер., 36.
Тел. **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**

E-mail: **mtp@rea.ru**

Подписано в печать 18.03.2025.

Формат 70 x 108 1/16.

Печ. л. 12,5

Усл. печ. л. 17,5.

Уч.-изд. л. 14,19.

Тираж 1 000 экз.

Заказ .

Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г. В. Плеханова».

115054, Москва,

Стремянный пер., 36.

INTERNATIONAL TRADE AND TRADE POLICY Vol. 11, № 1 (41) 2025

Executive Secretary
E. V. Zolotova

Editor **T. L. Savel'eva**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**

Editorial office address:

36 Stremyanny Lane,

109992, Moscow.

Tel.: **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**

E-mail: **mtp@rea.ru**

Signed for print: 18.03.2025.

Format 70 x 108 1/16.

Printed sheets 12,5

Conv. sheets 17,5.

Publ. sheets 14,19.

Circulation 1,000.

Order

Free price.

Printed in Plekhanov
Russian University
of Economics.

36 Stremyanny Lane,
109992, Moscow.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-5-28>

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ШОКОВ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Е. Н. Смирнов

Государственный университет управления, Москва, Россия

В настоящем исследовании приведена оценка механизмов и направлений трансформации международной торговли в условиях современных вызовов развития мировой экономики. Анализ новейших трендов в динамике глобальной торговли свидетельствует об усилении ее неоднородности в разрезе стран-участниц и торгуемых товаров, что во многом связано с ростом применения новых ограничительных мер в торговле. Сформулированы ключевые факторы, воздействующие на международную торговлю в контексте усиления геополитической напряженности в мире. Обсуждены дискуссионные вопросы по поводу формирования нового режима международной торговли, что позволило сделать выводы о постепенном ее отходе от приоритетов либерализма и экономической глобализации. Определены новые детерминанты трансформации международной торговли вследствие более агрессивной торговой политики и с учетом растущей концентрации экспортных рынков. Показана особая роль волатильности товарных сырьевых рынков в трансформации современной международной торговли.

Ключевые слова: экспортные ограничения, торговая политика, глобализация, экспорт, импорт, геополитическая напряженность.

TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL TRADE IN THE CONTEXT OF MODERN SHOCKS IN THE DEVELOPMENT OF THE WORLD ECONOMY

Evgenii N. Smirnov

State University of Management, Moscow, Russia

This study provides an assessment of the mechanisms and directions of transformation of international trade in the context of modern challenges of global economic development. Analysis of the latest trends in the dynamics of global trade indicates an increase in its heterogeneity in the context of participating countries and traded goods, which is largely due to the growing use of new restrictive measures in trade. The key factors affecting international trade in the context of increasing geopolitical tensions in the world are formulated. Controversial issues regarding the formation of a new international trade regime are discussed, which allowed us to draw conclusions about its gradual departure from the priorities of liberalism and economic globalization. New determinants of the transformation of international trade are identified due to a more aggressive trade policy and taking into account the growing concentration of export markets. The special role of the volatility of commodity raw materials markets in the transformation of modern international trade is shown.

Keywords: export restrictions, trade policy, globalization, export, import, geopolitical tensions.

Введение

В настоящее время, в отличие от предыдущих десятилетий, международная торговля растет гораздо медленнее, чем мировое производство. За последние два года международная торговля растет даже медленнее, чем в последнее десятилетие, считающееся самым медленным периодом динамики глобального экспорта после Второй мировой войны. Более того, в 2023 г. при устойчивости роста международной торговли услугами товарная торговля продолжила снижаться.

Деятельность Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) с 1947 г. была нацелена на последовательное снижение тарифов в международной торговле, и ее правопреемник, Всемирная торговая организация (ВТО), продолжила этот тренд на либерализацию торговли и трансграничного движения капитала в 1980–1990-е гг. Однако после 1990-х гг. страны стали больше акцентироваться на установлении внутренних норм и стандартов, и глобальная архитектура регулирования изменилась, принеся, по мнению Д. Родрика, выгоды для крупного транснационального капитала [22], для которого в современных кризисных условиях становятся характерными новые, более агрессивные модели и механизмы интернационализации [3]. В результате с точки зрения выгод, получаемых разными странами, международная торговля становилась все более асимметричной, вызывая недовольство свободной торговлей прежде всего со стороны развивающихся стран. Острейшая дискуссия последних лет о справедливой архитектуре регулирования международной торговли концентрируется на гипотезе о том, что издержки углубления торговли между странами теперь могут быть весьма значительными. В. Хадсон особо отмечает, что в основе регулирования торговли доминируют стратегические интересы государства, которые все чаще и более комплексно вмешиваются в функционирование мировых рынков [16].

Тот факт, что дискуссия вокруг регулирования международной торговли претерпевает значительные изменения, подтверждается использованием принципиально иной, чем ранее, терминологии («деглобализация», «фрагментация», «решоринг», «открытая стратегическая автономия» и пр.). Глобальную экономическую взаимозависимость теперь принято описывать со стратегических позиций и приоритетов политики (ускорение энергетического перехода, повышение устойчивости и сокращение неравенства).

В данной связи целью нашего исследования является анализ направлений и механизмов трансформации международной торговли под воздействием новых вызовов, обусловивших хрупкое состояние мировой экономики на современном этапе.

Новейшие тренды в динамике глобальной торговли

Нестабильность в развитии международной торговли особенно проявилась после пандемии; в последние годы она стала в большей степени неоднородной, фрагментарной, отклоняющейся от устоявшихся тенденций и испытывающей влияние серьезных геополитических проблем. В связи с этим в перспективе глобальные модели торговли будут претерпевать существенные изменения.

Спад в мировой торговле в 2020 г. был самым серьезным с периода кризиса 2008–2009 гг., однако в 2021 г. торговля восстановилась за счет роста мировых цен на сырье и глобального спроса. Восстановление продолжилось и в 2022 г. и стало затухать лишь во втором полугодии вследствие геополитической напряженности, экономической неопределенности и изменений в моделях торговли. Соответственно, в 2023 г. мировая торговля вступила в состояние падения. В 2022 г. отношение мирового экспорта к мировому производству уменьшилось на 1,5% с рекордных за всю историю 30,5% [25]. При этом следует отметить, что торговля в рамках региональных торговых соглашений (РТС) в последние годы была более устойчивой, что обусловлено самой спецификой РТС, где предусмотрены стабилизирующие механизмы для сравнительно быстрого восстановления торговли.

Важно, что темпы роста внешней торговли отдельных стран стали серьезно различаться, тогда как до 2020 г. этот рост был в разрезе стран более равномерным (особенно в группе развитых стран). Поскольку постпандемическое восстановление мировой экономики было неравномерным, а влияние шоков 2022 г. на страны было различным, то и динамика торговли в разрезе стран стала более дифференцированной. Частично такая неоднородность обусловлена волатильностью мировых цен на сырье, однако наблюдаются различия в темпах роста торговли даже у стран со схожей структурой экспорта. В целом по сравнению с историческими тенденциями нынешняя торговля демонстрирует повышенные неоднородность и волатильность.

Объем международной товарной торговли в 2022 г. составил 25 трлн долларов, услугами – 6,5 трлн долларов. Пострадав от пандемии в 2020 г., мировая торговля хорошо восстанавливалась в 2021–2022 гг. Исторически более устойчивая торговля услугами, обвалившись в 2020 г., восстанавливается медленнее торговли товарами, особенно в развитых странах. За последнее десятилетие международная торговля товарами была более нестабильной – в 2011–2014 гг. она почти не росла, упала в 2015–2016 гг., вновь достигла пика в 2019 г., резко сократилась в 2020 г., резко восстановилась в 2021 г. и достигла очередного пика в 2022 г. С 2010 г. международная торговля товарами возросла на 40%. При этом, например, торговля Китая возросла почти вдвое (однако этот рост остановился в 2022 г.). Среди характерных тенденций следует отметить, что начиная с

2016 г. в развивающихся странах темпы роста импорта превышали темпы роста экспорта, что объясняется ростом потребительского спроса в этой группе стран. В 2022 г. импорт развитых стран рос быстрее этого показателя в развивающихся странах (импорт США особенно быстро стал расти после пандемии).

Если стоимостный объем международной торговли равномерно распределен между развитыми и развивающимися странами, то в торговле услугами ее две трети приходится на развитые страны. В целом значение развитых стран как экспортеров снижается, но торговля по-прежнему концентрируется в данной группе стран, а также в Восточной Азии. Доля торговли в рамках «Юг – Юг» возросла в 2010–2022 гг. с 17% до 21% от совокупного объема международного обмена, но здесь значительная доля торговли приходится на Китай [25. – С. 9]. В 2022 г., несмотря на начало специальной военной операции (СВО), торговля росла по крупнейшим двусторонним потокам, однако, например, по торговле природными ресурсами в Европейском союзе (ЕС) наблюдались самые большие изменения (табл. 1).

В структуре международной товарной торговли свыше 40% принадлежит промежуточной продукции (свыше 10 трлн долларов). В целом в товарной торговле доминирует продукция обрабатывающей промышленности (3/4 товарной торговли), однако в 2022 г. на 50% выросла торговля природными ресурсами (предварительно пострадав в 2015 и 2020 гг.) [25. – С. 12].

Международная товарная торговля дифференцируется исходя из стадий переработки. В зависимости от того, на каком этапе глобальной цепочки создания стоимости (ГЦСС) используются товары, они могут быть первичными, промежуточными, потребительскими, капитальными (средства производства другой продукции). В торговле развитых стран более 50% приходится на промежуточные товары, а также высока доля капитальных и потребительских товаров, однако и для развитых стран промежуточная продукция играет все более значимую роль в их торговле. Самые большие товарные потоки в международной торговле формируют коммуникационное оборудование, продукция химической промышленности, нефть, уголь и газ. Кроме того, активно торгуются на мировом рынке продукция транспортного машиностроения, нефтепродукты и металлы. В торговле услугами ключевыми являются услуги туризма и транспортные услуги, однако существенно растут в последние годы телекоммуникационные услуги и услуги профессионального консалтинга.

Т а б л и ц а 1

**Изменение стоимостного объема ключевых двусторонних потоков
в международной торговле, в разрезе товарных групп, 2021–2022 гг.***

Сельскохозяйственная продукция			
Экспортер	Импортёр	Изменение в 2021–2022 гг., %	Объем в 2022 г., млрд долл.
ЕС	ЕС	5	427
Бразилия	Китай	16	51
ЕС	Великобритания	10	50
Мексика	США	14	45
Канада	США	15	42
США	Китай	4	38
ЕС	США	13	34
США	Канада	12	28
США	Мексика	11	21
Бразилия	ЕС	26	20
Природные ресурсы			
ЕС	ЕС	63	334
Канада	США	50	167
Россия	ЕС	26	156
Австралия	Китай	-16	115
США	ЕС	170	113
Россия	Китай	55	89
Австралия	Япония	77	79
Норвегия	ЕС	113	72
Саудовская Аравия	Китай	46	67
Великобритания	ЕС	155	60
Готовая продукция			
ЕС	ЕС	0	2753
Китай	ЕС	15	636
Китай	США	6	558
ЕС	США	15	479
Мексика	США	17	376
ЕС	Китай	-7	260
США	ЕС	10	255
Китай	Гонконг	-16	252
Тайвань	Тайвань	-5	237
ЕС	Великобритания	-5	231

* Источник: [25. – С. 11].

Многие развивающиеся страны зависят от импорта, однако экспорт также занимает большую долю в их валовом внутреннем продукте (ВВП), особенно для стран Юго-Восточной Азии, Центральной и Восточной Европы, а также Африки. В целом современная международная торговля существенно несбалансирована; самым большим профицитом в ней обладает Китай, а также такие страны, как Россия, ОАЭ и Саудовская Аравия. США традиционно имеют высокий дефицит во внешней торговле, также он характерен для Японии и Индии. В основном для стран мира (за исключением Африки) торговые дисбалансы стран невысоки по от-

ношению к их ВВП, т. е. в целом для экономики страны эти дисбалансы нельзя назвать значимыми.

Существенную долю в экспортной корзине развивающихся стран составляют природные ресурсы и сельскохозяйственная продукция, что особенно характерно для стран Африки, Латинской Америки и некоторых стран Ближнего Востока. Экспортная корзина развивающихся стран слабо диверсифицирована по направлениям и ассортименту. С 2015 г. диверсификация экспорта отдельных развивающихся стран осуществляется неоднородно. Что касается сложности продукции, то самый ее низкий уровень в экспорте характерен для стран Африки, а самый высокий – для развитых стран (что подтверждается анализом специального индекса сложности экспорта EXPY, а также PRODY).

Устойчивое снижение международной товарной торговли наблюдалось со второй половины 2022 г., тогда как торговля услугами, напротив, росла. В 2023 г. объем международной торговли составил 31 трлн долларов, она снизилась на 3% по сравнению с 2022 г., в то же время торговля услугами увеличилась на 8% [24. – С. 2], отражая более заметное падение товарной торговли. Уменьшение стоимостного объема мировой торговли в основном связано с падением спроса развитых стран и слабостью торговли стран Латинской Америки и Восточной Азии. Рост торговли услугами обусловлен дальнейшим восстановлением туризма. В целом развитие международной торговли остается существенно подверженным геополитической напряженности, высокому уровню задолженности стран и росту транспортных издержек экспорта товаров и услуг.

При общем падении международной товарной торговли в 2023 г. российский импорт, например, вырос на 6%, тогда как экспорт снизился. ЕС и Бразилия в свою очередь увеличили экспорт (табл. 2). Исходя из статистических данных видно, что торговля Индии и Китая возвращается к росту, поэтому для ряда экономик тенденции внешней торговли улучшились.

Более выраженно уменьшилась торговля развивающихся стран – экспорт упал в 2023 г. на 5%, импорт – на 7%, тогда как у развитых стран – на 3% и 4% соответственно [24. – С. 5].

Большинство регионов столкнулись со снижением торговли, за исключением внутрирегиональной торговли в Африке. В целом модели двусторонней торговли стран продолжают испытывать сохранение геополитической напряженности (табл. 3).

Что касается отраслевой структуры, то международная торговля в 2023 г. снижалась во всех секторах, за исключением транспортного машиностроения и фармацевтических товаров. Наибольшее снижение испытала торговля транспортным оборудованием (на 17%), энергоносителями (на 17%), продукцией химической промышленности (на 10% за год), одеждой (на 12%) и офисным оборудованием (на 13%) [24. – С. 7].

Т а б л и ц а 2

Внешняя торговля товарами и услугами отдельных стран в 2023 г.

Страна	Товары, % к предыдущему году		Услуги, % к предыдущему году	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
Бразилия	3	4	-12	2
Китай	0	-4	-5	-5
Индия	-8	0	-7	-6
Япония	3	-1	-12	-4
Южная Корея	3	-2	-12	-8
Россия	-12	-8	6	-27
ЮАР	3	8	-3	-10
США	-2	2	-5	-2
ЕС	1	1	-14	2

* Источник: [24, с. 4].

Т а б л и ц а 3

Пары стран с увеличивающейся и снижающейся зависимостью в торговле, 2023 г.*

Растущая торговая зависимость		Изм. за год, %	Снижающаяся торговая зависимость		Изм. за год, %
Зависящая страна**	Зависит от		Зависящая страна	Зависит от	
Россия***	Китай	7,1	Россия	ЕС	-5,3
Украина	ЕС	5,8	Южная Корея	Китай	-1,2
Бразилия	Китай	3,0	США	Китай	-1,2
Великобритания	ЕС	1,6	Бразилия	США	-1,1
Вьетнам	Китай	1,4	Вьетнам	США	-0,9
Япония	США	1,3	Китай	США	-0,8
Индия	Китай	1,2	Индия	Саудовская Аравия	-0,6
Индия	ЕС	1,2	ЕС	Россия	-0,6
США	ЕС	1,0	Япония	Китай	-0,6
США	Мексика	0,8	Вьетнам	Южная Корея	-0,6

* Составлено по: [24. – С. 6].

** Торговая зависимость двух стран рассчитывается как доля их взаимной торговли в совокупном объеме торговли зависимой экономики;

** Оценка.

В последние годы актуализировались новые циклические тренды в международном обмене. Так, после пандемии и сбоя в глобальных цепочках поставок в 2020–2022 гг. в целом международная торговля и ее структура нормализуются, ослабляя давление на цены после существенного увеличения спроса на промышленные товары вследствие пандемии. Транспортная логистика по поставкам товаров также стабилизируется и адаптируется под введенные антироссийские санкции и нынешние военные конфликты в мире. О нормализации международной торговли также свидетельствует резкое снижение фрахтовых ставок на международные морские перевозки навалочных грузов и контейнеров уже во втором полугодии 2022 г. (их рост до исторических максимумов наблюдался после начала пандемии).

Аналогично восстанавливаются и международные авиаперевозки: в частности, в мае 2023 г. на 9% по сравнению с допандемическим уровнем снизился так называемый индикатор глобального коммерческого пассажиро-километра (PRK), хотя до этого он вырос на 50% за год. В основном снижение показателя произошло за счет открытия Китаем своих международных рынков, вследствие чего в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) число перевозчиков возросло втрое. В итоге международная торговля уже в 2022 г. рекордно возросла (даже по сравнению с 2019 г. и в текущих ценах – на четверть) в основном за счет повышательной ценовой динамики на мировых сырьевых рынках (она была обеспечена в основном энергоносителями) [1]. В постоянных же ценах международная торговля увеличилась лишь на 3,5% [23. – С. 38]. Вместе с тем сохраняются высокие риски замедления международной торговли ввиду ослабленного мирового спроса и геополитической напряженности.

Ключевым *факторам*, оказывающим воздействие на международную торговлю в последнее время, следует отнести:

- 1) положительный экономический рост, хотя он еще ниже исторических значений и неравномерен по отдельным странам, что воздействует на структуру мировой торговли;
- 2) увеличение мирового спроса на сырье и контейнерные перевозки;
- 3) сохранение волатильности мировых цен на сырье и рынков этого сырья вследствие продолжающейся геополитической напряженности;
- 4) удлинение глобальных цепочек поставок вследствие изменений в торговой политике стран;
- 5) рост применения ограничительных мер во внешней торговле и субсидий, искажающих торговлю;
- 6) нарушение традиционных маршрутов экспорта товаров в результате сбоев в морском судоходстве (Суэцкий канал, Красное море), что ведет к росту транспортных издержек и удлинению цепочек поставок.

Дискуссия по поводу формирования нового режима международной торговли

Геоэкономическая фрагментация может оказать влияние как на динамику доходов, так и на международную торговлю уже в ближайшие годы. Статистика двусторонней торговли до начала СВО и после нее свидетельствует о продолжении этой фрагментации, поскольку с началом СВО замедление торговли между геополитически отдаленными странами было более значимым, чем между дружественными странами, т. е. геополитически близкими друг другу. МВФ разделяет такие гипотетические блоки исходя из результатов голосования в ООН 2 марта 2022 г. на группу, поддержавшую Россию или воздержавшуюся от голосования, и группу, не поддержавшую нашу страну. Оказалось, что с начала СВО товарная торговля между блоками значительно ослабла по сравнению с внут-

риблоковой торговлей, особенно это ослабление проявляется по таким отраслям, как машиностроение и химическая промышленность (исследователи МВФ в доказательство представляют данные, рассчитанные на базе гравитационных моделей международной торговли [15]).

Существует значительная степень неопределенности по поводу того, возникает или нет новый режим международной торговли, но фактом остаются ее серьезные изменения хотя бы на уровне реструктурирующихся глобальных цепочек поставок, особенно в условиях, когда растут риски на глобальных финансовых рынках, экономический рост замедляется, а инвестиционный климат многих стран ухудшается. Широкое распространение агрессивной промышленной политики и односторонних протекционистских мер в торговле со стороны развитых стран отрицательно воздействует на структурные реформы и экспорт во многих развивающихся странах. Поэтому для многих развивающихся стран реструктуризация ГЦСС не является очевидной, поскольку необходимы справедливые правила игры в торговле и доступ стран к дешевому и надежному финансированию. Необходима также политика по снижению монопольного доминирования транснациональных компаний (ТНК) и действия по упрощению передачи технологий, что позволит развивающимся странам нарастить долю внутренней добавленной стоимости в своем экспорте, углубляя, например, переработку сырья.

Кроме того, появляются элементы, свидетельствующие о появлении новой модели торговли и торговой политики. После Второй мировой войны развитие международной торговли базировалось на приверженности стран открытости, сдерживавшейся лишь незначительно соображениями безопасности и отраслевыми приоритетами, а также на признании факта преимущественного совпадения мест производства товаров с местами создания рабочих мест и регистрации (реинвестирования) прибылей. В основном в послевоенные десятилетия международная торговля рассматривалась как катализатор положительных взаимосвязей между занятостью, производительностью, инвестициями и доходами. Даже у стран с отсутствующими или слабыми связями с международной торговлей либеральный режим торговли, встроенный в глобальную архитектуру регулирования, предоставлял многие возможности для этих стран.

Со временем либерализации торговли, рынков капитала, развитие ГЦСС и финансиализация ТНК резко сузили возможности для многих стран с точки зрения учета местных приоритетов социально-экономического развития. В ряде развивающихся стран это дополнялось неравномерностью экономического роста (взлеты и падения), слабой (и еще более ослабляющейся) диверсификацией экономики, ведя к так называемой преждевременной деиндустриализации национальных экономик и усилению их зависимости от экспорта сырья. Следует отметить, что такие трудоемкие модели экономического роста, основанные на позиции стран

в международной торговле как поставщиков сырья, обнаружили неравные выгоды, получаемые разными странами и группами стран от участия в международной торговле, и этот аспект вызывал различные дискуссии в научном и экспертном сообществе еще до пандемии. Однако после 2022 г. эти дискуссии переросли в некий новый консенсус о том, что либерализация международной торговли и экономическая глобализация не являются безусловными приоритетами, а первостепенную роль должны играть устойчивость глобальных цепочек поставок, занятость в экономике, вопросы цифровой безопасности и справедливый энергетический переход. Более того, в политической экономике международной торговли перестало доминировать убеждение о том, что выгоды от участия в международной торговле будут распространяться по широкой группе стран.

Детерминанты трансформации международной торговли

В новой модели международной торговли значимым триггером является, во-первых, *торговый конфликт Китая и США*. В начале XXI в. Китай вытеснил США с позиции лидирующего глобального экспортера готовой продукции, а торговый дефицит США в торговле с Китаем рос на протяжении многих лет. Это привело к тому, что с 2017 г. США стали постепенно увеличивать тарифы на китайский импорт, что привело к его существенному перенаправлению в страны ЕС и Мексику. Торговый конфликт США и Китая стал важным аспектом фрагментации торговли. С момента начала роста взаимных тарифов в 2017 г. доля Китая в американском импорте сократилась в 2017–2023 гг. с 22% до 14% [17. – С. 24]. Одновременно М. Ванг и С. Ханнан указывают, что за 2017–2022 гг. китайские источники импорта в США частично перераспределились на другие страны, включая Вьетнам и Мексику [26]. В итоге отмечается удлинение глобальных цепочек поставок и снижение их общей эффективности [21]. При сохранении фрагментации и дополнительных ограничениях на торговлю утрачивается международная специализация и выгоды от эффекта масштаба.

Основной парадокс китайско-американского торгового конфликта выражается в нынешнем возврате импорта США из Китая к своим допандемическим значениям, поскольку Китай серьезно нарастил экспорт продукции, в отношении которой тарифы США не вводились. В 2022 г. импорт США из Китая достиг исторического максимума в 564 млрд долларов, что, вероятно, отражает тренд роста международной торговли услугами, однако США остаются ключевым направлением товарного экспорта Китая. Несмотря на восстановление импорта США и Китая, напряженность привела к росту торговых издержек, снижению реальных доходов в обеих странах и, как на это указывает П. Фейгельбаум, исследуя торговые войны на примере США и Китая, – к тому, что основное бремя роста цен приняли на себя потребители импортных товаров в США [13; 14]. В свою очередь страны ЕС или Азии, куда перенаправлялся

китайский экспорт (вместо США), могут быть бенефициарами китайско-американского торгового конфликта, поскольку могут обеспечить себе новые инвестиции в инфраструктуру торговли, либо дополнительные инструменты содействия торговле и инвестициям, либо использовать новые возможности экспорта в разных отраслях.

Следует также указать на все большую *агрессивность торговой политики стран мира*, что находит свое выражение в новых формах и механизмах экспортного контроля, целью которого становятся:

1. *Обеспечение внутренних поставок товаров*; в этом случае правила ВТО оправдывают применение экспортного контроля необходимостью устранить или предотвратить критический дефицит ключевых товаров. Однако важно, чтобы меры экспортного контроля были соразмерны масштабам этого дефицита, и самая сложная задача – в определении такой соразмерности. Классическим примером можно считать пандемию, когда свыше 80 стран запретили экспорт медицинских средств индивидуальной защиты. Другой пример в практике ВТО – когда с началом СВО свыше 30 стран прибегли ко многим ограничениям экспорта аграрной продукции [28], ссылаясь на соображения продовольственной безопасности, что, безусловно, подрывает устойчивость международной торговли этими товарами.

2. *Экспортные ограничения в отношении конкурентов по геополитическим соображениям*, когда начинает применяться, например, неполное возмещение НДС на экспорт, неавтоматическое лицензирование или полный запрет на экспорт. Статья XXI ГАТТ предусматривает положения о национальной безопасности, которой ряд стран уже давно прикрывается, чтоб отступать от правил ВТО. Данная позиция резко укрепилась с 2022 г. После введения рядом экспортеров таких мер существенно пострадал экспорт сырья, в том числе значимого для производства продовольствия или перехода к зеленой экономике. Экспортные ограничения такого рода могут быть связаны и с поставкой высокотехнологичных запчастей или компонентов, например, технологий производства чипов в зарубежных странах, или с их продажей США в Китай (как это было, в частности, в конце 2022 г.). Также США, опять же исходя из соображений безопасности, предпринимают усилия, чтобы исключить компании Китая из разработки глобальной цифровой инфраструктуры (подводные кабели). Наконец, хороший пример – запрет на импорт зерна из Украины, введенный рядом восточноевропейских стран.

3. *Стимулирование инвестиций в национальные перерабатывающие компании*. Страна, стремясь к тому, чтобы увеличить долю добавленной стоимости, создаваемой внутри страны, будет ориентироваться на ограничение экспорта сырья. Так, Индонезия в рамках энергетического перехода последовательно в 2009–2014 гг. ограничивала экспорт никеля, в итоге полностью запретив его, что было обусловлено стимулированием ин-

вестиций в местную переработку руды. Данная политика оспаривалась ЕС в ВТО, и к Индонезии было предъявлено требование привести свою практику в соответствие с нормами Соглашения ГАТТ 1994 г. Кроме того, в 2022–2023 гг. Замбия и Намибия запретили экспорт лития и других редкоземельных металлов, что также было мотивировано стремлением к большей ориентации цепочек поставок этого сырья на переработку внутри страны. Конечно, в случае с принятием таких мер необходимо рассматривать, насколько другие экспортеры способны заменить тот или иной товар на мировом рынке, на котором могут быть альтернативные экспортеры, которые могут получить дополнительный выигрыш от указанных запретов.

4. *Расширение применения субсидий*, особенно в развитых странах, которые в рамках своей промышленной политики все чаще используют их для содействия инвестициям и занятости в национальной экономике, а также в рамках перехода к зеленой экономике. Так, США приняли несколько законов, касающихся, например, снижения инфляции, стимулирования производства полупроводников, инвестирования в инфраструктуру. Эти нормативные акты стимулируют как новые расходы, так и налоги. Кредитование нацелено на поддержку производства автомобилей, полупроводников, возобновляемой энергии, а также на выравнивание рынка труда и сглаживание региональных социально-экономических диспропорций.

В ЕС реализуется политика открытой стратегической автономии, в США также принимались аналогичные законодательные инициативы. В их рамках допускается внутреннее субсидирование чистой энергетики и других отраслей. Однако, в отличие от США, эти инициативы не прописаны в бюджете. В частности, следует особо упомянуть так называемую «Зеленую сделку» (Green Deal Industrial Plan, GDIP), в которой отдельно предусмотрен механизм корректировки углеродных границ. Этот план предусматривает покупку европейскими импортерами так называемых углеродных сертификатов, что, как предполагается, предотвратит утечку углерода, т. е. не допустит, чтобы импортеры ЕС перенаправились на покупку зарубежных товаров, которые могут быть дешевле европейских, но с большими объемами выбросов. По сути, эта мера представляет собой лишь дополнительный тариф на импорт, соответствующий цене на выбросы углерода в ЕС. Еще одной инициативой ЕС является требование к зарубежным импортерам в ЕС ряда товаров (например, древесины, кофе, говядины, какао) доказать, что производство указанных продуктов не вело к деградации лесов (например, что для пастбищ не вырубались леса).

Подобного рода инициативы были восприняты негативно развивающимися странами, и Китай намеревается в рамках ВТО оспорить углеродные сертификаты, апеллируя к тому, что они нарушают основополагающий принцип режима наибольшего благоприятствования, лежащий

в основе ВТО. Развивающиеся страны в целом мотивируют свое неприятие к указанным инициативам тем, что разным по уровню развития странам предъявляются равные требования. Основной аргумент сводится к тому, что более развитые страны исторически делали больше выбросов углекислого газа или вырубали больше лесов. Важно и то, что не имело места многостороннего обсуждения указанных инициатив.

В сложившихся условиях изменения модели международной торговли совершенно по-иному, чем ранее, трактуются распределительные последствия международной торговли. Рост международной торговли не всегда способствовал социально-экономическому развитию. Гиперглобализация вместе с ростом ГЦСС, контролируемых ключевыми ТНК развитых стран, способствовала расширению международной торговли. Однако развивающиеся страны были встроены в ГЦСС в самых их низкоприбыльных звеньях, где использовалась избыточная неквалифицированная рабочая сила, и именно это заявлялось развитыми странами в качестве сравнительного преимущества развивающихся стран. Нет никаких достоверных доказательств успешности или пагубности такой модели. Развивающиеся страны в свою очередь сделали ставку на то, что будут иметь место некоторые побочные эффекты вследствие их участия в международной торговле промежуточной продукцией. Воспроизвести подобную модель в мире удалось лишь небольшому числу восточноазиатских стран, которые в свое время за счет эффективного встраивания в ГЦСС получили значительный доход, инвестировали его в производство и обеспечили свое быстрое социально-экономическое развитие.

В дополнение к этому, по мере того как росла концентрация экспортного рынка крупнейшие ТНК усилили свое ренто ориентированное поведение и возможности. Резкий рост прибыльности ключевых ТНК, доминирующих в международном обмене, вместе с ростом их концентрации во многом способствовал снижению доли в мировом ВВП доходов от труда как фактора производства, и это обстоятельство во многом способствовало развитию неравной международной торговли. Концентрация экспорта в развивающихся странах росла в последние годы (в том числе и до пандемии), обеспечивая все большими доходами собственников капитала – крупнейшие в мире ТНК. Речь идет о двух ключевых аспектах:

- *усиление концентрации на экспортных рынках.* Длительное доминирование ТНК в международной торговле и трансграничных инвестициях обусловило неравный доступ к рынку и неравные выгоды для участников рынка. Так, в большинстве развивающихся стран на незначительное число ключевых компаний приходилась высокая доля экспортных доходов страны, и данный показатель концентрации экспорта имел тенденцию к росту в последние годы, особенно в период пандемии.

- *усиление асимметрии глобального распределения доходов в пользу владельцев капитала.* ЮНКТАД отмечает снижение глобальных трудовых до-

ходов в 2000–2022 гг. с 57% до 53 % [23. – С. 48], что указывает на усиление доминирования в международной торговле ТНК, однако риски и кризисы мировой экономики лишь усиливают асимметрию между глобальными доходами, получаемыми от труда и капитала.

Реформы торговой политики должны предусматривать дифференцированные режимы для разных стран. Следует учитывать и новые формы промышленной политики развитых стран, ведущие к сокращению глобальных цепочек поставок, а также то, что развивающиеся страны, чтобы географически диверсифицировать свой экспорт, будут вынуждены искать новые рынки сбыта. Поэтому торговля в формате «Юг – Юг» даст в будущем большие возможности для развивающихся стран. В данном формате торговля растет быстрее мировой торговли. При этом в 2022 г. на торговлю между собой приходилось более половины всей внешней торговли развивающихся стран.

Данное направление (при сохранении торговли с развитыми странами) обеспечило развивающимся странам отличную возможность для диверсификации их производства и экспорта (так же, как и РТС способствуют такой диверсификации). Вероятно, программа «Глобальная система торговых преференций (ГСТП)», разработанная еще в 1988 г. в рамках ЮНКТАД, может способствовать дальнейшему снижению тарифов во взаимной торговле развивающихся стран, поддерживая их переход к зеленой экономике. Нынешнее расширение объединения БРИКС, вероятно, будет способствовать открытой многосторонней торговле, однако в рамках БРИКС торговля в основном идет между Китаем и другими странами-членами, т. е. имеются определенные дисбалансы [5]. В свою очередь ГСТП также может способствовать укреплению торговли по направлению «Юг – Юг». Эта система действует на основе так называемой разрешительной оговорки, принятой в рамках ГАТТ, однако в 2010 г. она получила новый импульс в рамках Сан-Паульского раунда переговоров.

Воздействие волатильности товарных рынков на трансформацию международной торговли

Ряд исследований последних лет посвящен воздействию динамики цен на мировых рынках сырья на трансформацию международной торговли и экономический рост [2; 4]. Рост мировых цен на сырье вследствие пандемии и начала российско-украинского конфликта прекратился к концу первой половины 2022 г., далее замедляясь, по оценкам, в основном за счет энергоносителей [23. – С. 51]. Основным фактором снижения цен стало ухудшение ситуации с глобальным спросом, обусловленное беспрецедентным ужесточением монетарной политики, ослабившей интенсивность глобального экономического роста. Также ограничительная денежно-кредитная политика стимулировала перевод инвесторами своих капиталовложений из сырья в активы, где процентная ставка была выше.

Помимо прочего, слабое восстановление экономики Китая замедлило рост цен на сырье, чему также способствовала переориентация торговых потоков энергетического сырья Россией и решение вопросов зернового экспорта в рамках Черноморской инициативы.

Если рассматривать отдельные товарные группы сырья, то самое резкое снижение цен наблюдалось со второй половины 2022 г. до мая 2023 г. на мировых рынках энергоносителей (на нефть – 33%, на газ – 67%), даже несмотря на сокращение добычи в рамках сделки ОПЕК+, поскольку резко возросла добыча в странах, не входящих в ОПЕК, и стали активно использоваться стратегические резервы нефти отдельных стран. Антироссийские санкции перенаправили потоки энергоносителей из нашей страны по заниженным ценам в Китай и Индию, поэтому глобальные поставки нефти не пострадали, что делало цены на нефть стабильными. Европа, отказавшись от российского газа, увеличила поставки СПГ из США (а также и из России). Это оказало повышательное давление на цены на газ в Европе в силу дороговизны самого СПГ, поставляемого по спотовым (а не долгосрочным) контрактам. В свою очередь снижение мировых цен на металлы, наблюдавшееся в 2022–2023 гг., было обусловлено в основном экономическими проблемами в секторе недвижимости Китая, предъявляющего огромный спрос на промышленные металлы. Этот дефицит частично удалось компенсировать увеличением госрасходов Китая на реализацию инфраструктурных проектов.

С августа 2023 г. по февраль 2024 г. наблюдалось незначительное снижение мировых цен на сырье, что преимущественно было связано с понижающей ценовой динамикой на рынке нефти и ростом ее предложения со стороны США, при этом перспективы роста спроса являются весьма неоднородными. Цены на газ, так же как и на нефть, снижались вследствие обильного предложения; в долгосрочной перспективе, скорее всего, будет происходить незначительное (не такое, как по нефти) снижение цен. Отмечался рост цен на продовольствие (из-за феномена Эль-Ниньо), железную руду (из-за рекордного выпуска стали в Китае) и золото (которое чаще обычного рассматривалось в качестве актива «убежища»).

Самое значительное негативное влияние, которое испытали развивающиеся страны от волатильности мировых цен, оказала группа продовольственных товаров, поскольку еще до начала конфликта мировые цены на продовольствие были близки к историческим максимумам, увеличивая бремя для стран-импортеров. В 2022 г. рост цен продолжился (особенно по пшенице и подсолнечнику), стабилизировавшись лишь в 2023 г. При этом мировые и внутренние цены на продовольствие все еще остаются высокими, оказывая давление на продовольственную безопасность стран-импортеров, усугубляемую также слабыми валютами этих стран и их высокой долговой нагрузкой. Наконец, следует отметить возросшее

монопольное доминирование на мировых рынках продовольствия крупнейших ТНК-экспортеров. Как следствие, свыше 300 млн человек в мире (из которых треть находится в странах тропической Африки) испытывают дефицит продовольствия, что вдвое больше, чем было в 2019 г. [27]. Также следует отметить, что спекуляции на рассматриваемом рынке, экономические шоки и негативные климатические условия обусловили рост числа голодающих в мире уже с 2014 г.

Кроме того, следует отметить неоднозначный характер воздействия высоких цен на распределение доходов внутри стран. Как отмечают С. Мохтади и Д. Кастельс-Кинтана, если для страны характерна сравнительно высокая капиталоемкость производства с высокой концентрацией земель в руках крупных фермеров, высокие цены на продовольствие создают ренту, выгодную крупным богатым землевладельцам [20]. Кроме того, К. Деконник дополнительно указывает на то, что в глобальных цепочках поставок продовольствия, где роль малых фермеров незначительна, рост цен на продовольствие происходит по вине крупных ТНК, концентрирующих полностью торговлю, хранение и переработку продовольствия [12]. Преимущественно рост цен на продовольствие обусловлен увеличением неравенства в развивающихся странах, что подчеркивает значимость политики обеспечения социальной защиты как потребителей, так и производителей продовольствия. Вероятно, необходимы механизмы, которые бы обеспечивали интеграцию фермеров в мировой рынок, однако барьером на этом пути стоят господствующие на рынке монополистические продовольственные ТНК.

Геоэкономическая фрагментация вносит заметный вклад в волатильность рынков сырья. Так, в исследовании Дж. Альвареса оцениваются последствия фрагментации международной торговли сырьем по 48 ключевым видам сырья, и отмечается значительное влияние фрагментации на волатильность цен в этой группе товаров, особенно если торговля будет концентрироваться в геополитических блоках [7. – С. 1]. Несмотря на нормализацию мировых цен на большинство видов сырья в 2023 г., геополитическая напряженность сохраняет и риск геоэкономической фрагментации международной торговли сырьем. Сырье – важный фактор как производства, так и потребления, оно широко используется во всех группах стран, и для него характерна низкая эластичность спроса. Однако следует отметить географическую концентрацию производства сырья – три крупнейших поставщика обеспечивают 75% глобального производства, и многие из импортеров полагаются лишь на незначительное количество поставщиков.

Усиление геоэкономической фрагментации создает риски более высокой волатильности мировых цен на сырье, но эти эффекты зависят от того, какова будет степень дисбалансов между спросом и предложением вследствие фрагментации, а также от эластичности спроса и предло-

жения по цене по отдельным видам сырья. Ценовые эффекты, например, важны для товаров, значимых с точки зрения энергетического перехода (никель, медь), а также видов сельскохозяйственной продукции, широко продаваемой во многих странах (в случае, если международная торговля будет происходить в рамках геополитических блоков, торговля этими товарами может пострадать существенно).

Каковы возможности адаптации сырьевых рынков к шокам последних лет? Пандемия и нынешние конфликты вызвали серьезную волатильность мировых цен на сырье, которая в свою очередь сделала неустойчивой инфляцию, усложнив монетарную и фискальную политику для многих стран. Изменение климата и геоэкономическая фрагментация могут еще больше дестабилизировать мировые рынки сырья и усиливать волатильность цен, которая зависит преимущественно от эластичности предложения и спроса по цене. С. Альбрицио отмечает, что чем эта эластичность ниже, тем сильнее будет реакция цен на внезапные изменения спроса и предложения [6]. В связи с этим важно понимание скорости реакции спроса на сырье и его предложения, сравнение меры чувствительности спроса и предложения, в том числе в долгосрочной перспективе. Также важна оценка эластичности в разрезе разных групп товаров.

Последние исследования МВФ основаны на передовых работах, связанных с оценкой шоков на сырьевых рынках [7], что противоречит методикам, представленным ранее [10]. Некоторые модели проводят оценку сразу по нескольким товарам [9], что является ошибочным, равно как не совсем корректным представляется использование для таких оценок векторных моделей авторегрессии [19]. Подход МВФ предполагает оценку индивидуальных изменений производства и потребления сырья по отдельным странам, чтобы в итоге оценить средневзвешенную глобальную ценовую эластичность. Однако это применимо в случае масштабных шоков, сила которых велика, чтобы оказать влияние на цены. Это в свою очередь ведет к повышенной концентрации производства и потребления, которая и характерна для товарных рынков сырья. Таким образом, если производство товара сконцентрировано у небольшого числа стран, то шок в производстве в одной стране окажет серьезное воздействие на цены на этот товар во всем мире.

Такого рода потрясения в конкретных странах могут оказать серьезное воздействие на волатильность мирового производства и потребления сырья, однако также необходимо принимать во внимание и шоки в глобальных цепочках поставок (например, проблемы с судоходством – важный фактор со стороны предложения). Значение таких общих факторов в последние годы особенно возросло в производстве промышленных и продовольственных товаров [18], что объясняется большей степенью синхронизации глобальных бизнес-циклов [11. – С. 21]. Вместе с тем для рынка сельскохозяйственного сырья (в отличие от промышленного) не-

специфические шоки производства существеннее, чем шоки потребления, поскольку, например, на рынки сельскохозяйственного сырья большее влияние оказывают климатические потрясения (например, наводнения и засухи ведут к снижению урожайности).

Следует принимать во внимание и эластичность предложения, которая по металлам (особенно для цинка и меди) будет самой низкой, тогда как для сельскохозяйственного сырья – самой высокой (рост мировых цен на зерно на 10% ведет к увеличению их производства в течение года на 6%). Такая разница вполне объяснима, поскольку для открытия новых шахт необходимо гораздо больше времени, чем для внесения удобрений (и увеличения урожайности) или смены культур. Однако и в разрезе разных культур наблюдается дифференциация: краткосрочное предложение менее эластично у многолетних культур, чем у однолетних. Так, чтобы новые деревья какао начали плодоносить, необходимо пять лет, а масличной пальмы – лишь два года. Если рассматривать эластичность предложения по энергоносителям, то она выше, чем у металлов, но ниже, чем у сельскохозяйственной продукции.

Важную роль при оценке эластичности играют характеристики конкретных товаров, а именно возможность их замещения, позволяющая корректировать спрос. В исследованиях МВФ указывается, что эластичность спроса на рис по цене почти нулевая, поскольку лишь 10% этого товара продается на мировом рынке, а в Азии цены на рис субсидируются. По таким товарам, как пшеница, хлопок и чай ценовая эластичность превышает 0,4, тогда как по углю и сырой нефти – менее 0,2 (низкий показатель здесь отражает трудности замены этих товаров в краткосрочной перспективе). По меди и цинку ценовая эластичность спроса приближается к нулю, а на олово и свинец составляет 0,2–0,3, поскольку цинк и медь, которые используются в производстве стали и электроприборов, сложнее заменить [17. – С. 32]. Вместе с тем по мере адаптации рынков к шокам спрос и предложение на сырье будут становиться более чувствительными, особенно по металлам, и в меньшей степени – по сельскохозяйственным товарам.

Большая неэластичность предложения многолетних культур по сравнению с однолетними объясняет резкий рост цен на пшеницу после начала СВО и их последующее серьезное падение. Кроме того, свою роль сыграла эластичность спроса, предполагая возможность замещения одних зерновых другими. Особенно неэластичны предложение и спрос на минеральное сырье. Страны с наилучшим доступом к мировым рынкам сырья с низкой эластичностью (металлы) могут создавать пространство для монетарной политики и бюджетные буферы, чтобы быть готовыми к возможным шокам. Поэтому, если аграрные и энергетические субсидии будут заменяться целевыми трансфертами, то это будет способствовать росту эластичности предложения и спроса на сырье и уменьшит волатильность мировых цен на него. Дж. Альварес указывает, что за счет меж-

дународной торговли возможно смягчить негативные последствия шоков на рынке сырья [7], что особенно актуально в условиях фрагментации международной торговли и геополитической напряженности.

Список литературы

1. Антропова М. Ю. Механизмы воздействия глобальных экономических кризисов на развитие мирового рынка никеля // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 46–48.
2. Глобальные вызовы развития внешней торговли Российской Федерации. – Новосибирск : ООО «СИБАК», 2023.
3. Мога И. С., Пасько А. В., Смагулова С. М., Камара П. Управленческие паттерны послекризисного развития стратегий трансграничных слияний и поглощений в мировой экономике (часть вторая) // Международная экономика. – 2022. – № 8. – С. 550–558.
4. Смагулова С. М. Волатильность цен на мировых рынках сырья и ее взаимосвязи с глобальным экономическим ростом // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 5. – С. 17–32.
5. Смирнов Е. Н. Эволюция триггеров хрупкости мировой экономики в условиях кризиса // Россия и Азия. – 2023. – № 1 (23). – С. 6–18.
6. Albrizio S. et al. Sectoral Shocks and the Role of Market Integration: The Role of Natural Gas // AEA Papers and Proceedings. – 2023. – Vol. 113. – P. 43–46.
7. Alvarez J. et al. Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets // IMF Working Paper. – 2023. – N 23/201.
8. Bogmans C. et al. The Power of Prices: How Fast Do Commodity Markets Adjust to Shocks? // IMF Working Paper. – 2024. – N 24/77.
9. Bolhuis M., Chen J., Kett B. Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities // IMF Working Paper. – 2023. – N 23/73.
10. Dahl C. Dahl Mineral Elasticity of Demand and Supply Database (MEDS) // Colorado School of Mines Working Paper. – 2020. – N 2020-2. – April.
11. De Soyres F., Gaillard A. Global Trade and GDP Co-movement // International Finance Discussion Paper. Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2020. – N 1282. – May.
12. Deconinck K. Concentration and Market Power in the Food Chain // OECD Food, Agriculture and Fisheries Paper. – 2021. – N 151.
13. Fajgelbaum P.D. et al. Trade War and Global Reallocations // NBER Working Paper. – 2023. – N 29562.
14. Fajgelbaum P. D., Khandelwal A. K. The Economic Impacts of the US-China Trade War // Annual Review of Economics. – 2022. – Vol. 14. – P. 205–228.

15. *Gopinath G. et al.* Changing Global Linkages: A New Cold War? // IMF Working Paper. – 2024. – N 24/76.
16. *Hudson W. M.* Revisiting Albert O. Hirschman on Trade and Development. *American Affairs*. – 2022. – August 20. – URL: <https://americanaffairsjournal.org/2022/08/revisiting-albert-o-hirschman-on-trade-and-development/> (дата обращения: 16.03.2024).
17. World Economic Outlook Steady but Slow: Resilience amid Divergence. – 2024. – April.
18. *Jacks D., Stuermer M.* What Drives Commodity Price Booms and Busts? // *Energy Economics*. – 2020. – Vol. 85. – P. 104035.
19. *Kilian L., Zhou X.* The Econometrics of Oil Market VAR Models // *Advances in Econometrics*. – 2023. – Vol. 45B. – P. 65–95.
20. *Mohtadi S., Castells-Quintana D.* The distributional dimension of the resource curse: Commodity price shocks and income inequality // *Structural Change and Economic Dynamics*. – 2021. – Vol. 59 (C). – P. 63–78.
21. *Qiu H., Shin H. S., Zhang L.* Mapping the Realignment of Global Value Chains // *BIS Bulletin*. – 2023. – N 78.
22. *Rodrik D.* What Next for Globalization? *Project Syndicate*. – 2023. – March 9. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/failure-of-hyper-globalization-creates-need-for-new-economic-narrative-by-dani-rodrik-2023-03> (дата обращения: 18.03.2024).
23. Trade and Development Report: Growth, Debt, and Climate: Realigning the Global Financial Architecture. – New York, 2023.
24. Global Trade Update March 2024. – New York, 2024.
25. Statistics and Trade in International Trade 2023. Recent trade Patterns: Slowdown, Volatility and Heterogeneity. UN, UNCTAD, 2024.
26. *Wang M., Hannan S. A.* Trade Diversion Effects from Global Tensions – Higher Than We Think // IMF Working Paper. – 2023. – N 23/234.
27. A Global Food Crisis. World Food Programme (WFP), 2024. – URL: <https://www.wfp.org/global-hunger-crisis> (дата обращения: 16.02.2024).
28. Trade Monitoring Updates: A Year of Turbulence on Food and Fertilizers Markets. World Trade Organization (WTO), 2023. – February 28.

References

1. *Antropova M. Yu.* Mekhanizmy vozdeystviya globalnykh ekonomicheskikh krizisov na razvitie mirovogo rynka nikelya [Mechanisms of the Impact of Global Economic Crises on the Development of the Global Nickel Market]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2023, No. 1, pp. 46–48. (In Russ.).
2. Globalnye vyzovy razvitiya vneshney trgovli Rossiyskoy Federatsii [The Main Ideas for the Development of Foreign Trade in the Russian Federation]. Novosibirsk, OOO «SibAK», 2023. (In Russ.).

3. Moga I. S., Pasko A. V., Smagulova S. M., Kamara P. Upravlencheskie patterny poslekrizisnogo razvitiya strategiy transgranichnykh sliyanii i pogloshhenii v mirovoy ekonomike (chast' vtoraya) [Management Patterns of Post-Crisis Development of Cross-Border Mergers and Acquisitions Strategies in the Global Economy (part two)]. *Mezhdunarodnaya ekonomika* [International Economics], 2022, No. 8, pp. 550–558. (In Russ.).
4. Smagulova S. M. Volatilnost tsen na mirovykh rynkakh syrya i ee vzaimosvyazi s globalnym ekonomicheskim rostom [Price Volatility in World Raw Materials Markets and its Interrelationships with Global Economic Growth]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2023, No. 5, pp. 17–32. (In Russ.).
5. Smirnov E. N. Evolyutsiya triggerov khrupkosti mirovoy ekonomiki v usloviyakh krizisa [Evolution of the Triggers of Fragility of the Global Economy in the Context of the Crisis]. *Rossiya i Aziya*, [Russia and Asia], 2023, No. 1 (23), pp. 6–18. (In Russ.).
6. Albrizio S. et al. Sectoral Shocks and the Role of Market Integration: The Role of Natural Gas. *AEA Papers and Proceedings*, 2023, Vol. 113, pp. 43–46.
7. Alvarez J. et al. Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets. *IMF Working Paper*, 2023, No. 23/201.
8. Bogmans C. et al. The Power of Prices: How Fast Do Commodity Markets Adjust to Shocks? *IMF Working Paper*, 2024, No. 24/77.
9. Bolhuis M., Chen J., Kett B. Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities. *IMF Working Paper*, 2023, No. 23/73.
10. Dahl C. Dahl Mineral Elasticity of Demand and Supply Database (MEDS). *Colorado School of Mines Working Paper*, 2020, No. 2020-2, April.
11. De Soyres F., Gaillard A. Global Trade and GDP Co-movement. *International Finance Discussion Paper. Board of Governors of the Federal Reserve System*, 2020, No. 1282, May.
12. Deconinck K. Concentration and Market Power in the Food Chain. *OECD Food, Agriculture and Fisheries Paper*, 2021, No. 151.
13. Fajgelbaum P. D. et al. Trade War and Global Reallocations. *NBER Working Paper*, 2023, No. 29562.
14. Fajgelbaum P. D., Khandelwal A. K. The Economic Impacts of the US-China Trade War. *Annual Review of Economics*, 2022, Vol. 14, pp. 205–228.
15. Gopinath G. et al. Changing Global Linkages: A New Cold War? *IMF Working Paper*, 2024, No. 24/76.
16. Hudson W. M. Revisiting Albert O. Hirschman on Trade and Development. *American Affairs*, 2022, August 20. Available at: <https://americanaffairsjournal.org/2022/08/revisiting-albert-o-hirschman-on-trade-and-development/> (accessed 16.03.2024).
17. World Economic Outlook Steady but Slow: Resilience amid Divergence, 2024, April.

18. Jacks D., Stuermer M. What Drives Commodity Price Booms and Busts? *Energy Economics*, 2020, Vol. 85, pp. 104035.
19. Kilian L., Zhou X. The Econometrics of Oil Market VAR Models. *Advances in Econometrics*, 2023, Vol. 45B, pp. 65–95.
20. Mohtadi S., Castells-Quintana D. The distributional dimension of the resource curse: Commodity price shocks and income inequality. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2021, Vol. 59 (C), pp. 63–78.
21. Qiu H., Shin H. S., Zhang L. Mapping the Realignment of Global Value Chains. *BIS Bulletin*, 2023, No. 78.
22. Rodrik D. What Next for Globalization? *Project Syndicate*, 2023, March 9. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/failure-of-hyper-globalization-creates-need-for-new-economic-narrative-by-dani-rodrik-2023-03> (accessed 18.03.2024).
23. Trade and Development Report: Growth, Debt, and Climate: Realigning the Global Financial Architecture. New York, 2023.
24. Global Trade Update March 2024. New York, 2024.
25. Statistics and Trade in International Trade 2023. Recent trade Patterns: Slowdown, Volatility and Heterogeneity. UN, UNCTAD, 2024.
26. Wang M., Hannan S. A. Trade Diversion Effects from Global Tensions – Higher Than We Think. *IMF Working Paper*, 2023, No. 23/234.
27. A Global Food Crisis. World Food Programme (WFP), 2024. Available at: <https://www.wfp.org/global-hunger-crisis> (accessed 16.02.2024).
28. Trade Monitoring Updates: A Year of Turbulence on Food and Fertilizers Markets. World Trade Organization (WTO), 2023, February 28.

Поступила: 10.02.2025

Принята к печати: 19.02.2025

Сведения об авторе

Евгений Николаевич Смирнов
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой
экономики и международных
экономических отношений ГУУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», 109542,
Москва, Рязанский проспект, д. 99.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru

Information about the author

Evgenii N. Smirnov
Doctor of Economics, Professor,
Head of World Economy and International
Economic Relations Department of SUM.
Address: State University
of Management, 99 Ryazan Avenue,
Moscow, 109542,
Russian Federation.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-27-37>

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИЙНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОВРЕМЕННЫХ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

П. В. Меньшиков

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

А. М. Меньшикова

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады
имени академика Г. А. Арбатова Российской академии наук,
Москва, Россия

Второе десятилетие XXI в. во многом беспрецедентным в сопоставлении со всеми предшествующими историческими периодами развития мировой экономики образом трансформировало весь глобальный механизм мирохозяйственных связей в направлении формирования новой многоцентричной архитектуры мирового порядка. Имеет место кардинальное переосмысление классических представлений о базовых составляющих и мировой политики, и мировой экономики. В условиях гибридной войны нового типа, повышения фактора силы в международных отношениях, расширения в ряде стратегически важных регионов конфликтного пространства усиливается кризис всего мироустройства, включая кризисы неолиберальной экономической модели экономики, экономической глобализации, а также происходит деградация многих прежних моделей и инструментов развития. Многоакторность современных международных отношений в значительной степени предопределяет характер мировой экономики, в том числе из-за воздействия субъективных по своей природе факторов на глобальные торгово-экономические связи. Так называемая культура отмены, незаконная с точки зрения международного права политика санкций коллективного Запада в отношении, России обуславливают особенность современных мирохозяйственных связей. Сложившаяся в мировой экономике и международной торговле ситуация по своей сути во многом определяется исключительно политико-идеологическими, а не экономическими или внешнеторговыми интересами, что в известной степени осложняет неизбежные процессы адаптации мировых торговой и валютно-финансовой систем к реалиям многополярного мира. Нарастание активности российских бизнес-структур в новых условиях глобальной внешнеэкономической среды требует адекватной происходящим в мировой экономике и международной торговле изменениям трансформации в подготовке специализирующихся по внешнеэкономической проблематике высококвалифицированных отечественных кадров.

Ключевые слова: мировая экономика, международные экономические отношения, торгово-экономические связи, глобализация, ТНК, ТНБ, идеология, мировая политика, международные отношения, стратегические коммуникации, подготовка внешнеэкономических кадров.

TOPICAL ASPECTS OF THE MEDIA COMPONENT OF MODERN WORLD ECONOMIC RELATIONS

Peter V. Menshikov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Anna M. Menshikova

G. A. Arbatov Institute of USA and Canadian Studies

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The second decade of the 21st century has transformed the entire global mechanism of world economic relations in a manner unprecedented in comparison with all previous historical periods of world economic development in the direction of forming a new multicentric architecture of world order. There is a serious, in many cases, radical rethinking of classical ideas about the basic components of both world politics and the world economy. In the context of a new type of hybrid war, an increase in the factor of force in international relations, an expansion of the conflict space in a number of strategically important regions, the crisis of the entire world order is intensifying, including crises of the neoliberal economic model of the economy, economic globalization, and a degradation of many previous models and instruments of development is taking place. The multi-actor nature of modern international relations largely predetermines the nature of the world economy, including due to a significant increase in the impact of subjective factors on global trade and economic relations. The so-called "cancel culture", the illegal, from the point of view of international law, policy of sanctions of the "collective West" towards Russia, determine the peculiarity of modern world economic relations. The current situation in the global economy and international trade is essentially largely determined solely by political and ideological interests, rather than economic or foreign trade interests, which to a certain extent complicates the inevitable processes of adaptation of the global trade and currency-financial systems to the realities of a multipolar world. The increased activity of Russian business structures in the new conditions of the global foreign economic environment requires a transformation in the training of highly qualified domestic personnel specializing in foreign economic issues that is adequate to the changes taking place in the global economy and international trade.

Keywords: world economy, international economic relations, trade and economic relations, globalization, TNCs, TNBs, ideology, world politics, international relations, strategic communications, formation of foreign economic personnel.

Введение

Мировая политика и глобальная экономика глубоко идеологизированы по своей сути. Основные мировые идеологии задействуются Западом как легитимизирующие или мобилизующие нарративы, направленные на защиту так называемого западного либерального миропорядка. Ценностно-мировоззренческий характер мировой политики и глобальной экономики XXI в. формируется с учетом идеологии инициированного и активно отстаиваемого Россией решительного переустройства мирового порядка в направлении становления подлинно многоцентричного мира. Данный процесс происходит на фоне взаимно-

го сочетания факторов необратимого ухода в прошлое неравновесной модели мирового развития, укрепления суверенитета и возрастания конкурентных возможностей незападных мировых держав и региональных стран-лидеров, структурной перестройки мировой экономики, ее перевода на новую технологическую основу за счет прорывных инновационных достижений четвертой промышленной революции, ускорения процессов перераспределения потенциала развития в пользу новых центров экономического роста и геополитического влияния и беспрецедентного обострения мировоззренческого, ценностного противостояния правящих элит Запада происходящим в мире глобальным трансформациям.

По сути, мировая политика и экономика вернулись в глобальном масштабе к биполярной конфигурации идеологий в их совершенно новом качестве – идеологии сохранения и воспроизводства монополярного мира с доминированием в нем США, и идеологии инициированного в решающей степени Россией переустройства мирового порядка в направлении формирования подлинно многополярного, более справедливого мира.

Результаты исследования

Идеологические доктрины и концепции с различными системами ценностей, мировоззрений, идей определяли в каждом историческом периоде доминанты системы мышления, формируя принципы и логику, которыми руководствовались в своей деятельности основные акторы мировой политики и экономики. Многие традиции международной мысли, включая реализм, либерализм, интернационализм, глобализм, космополитизм, коммунитаризм, национализм, идеализм, милитаризм и связанные с ними варианты их различных трансформаций, опосредованно или непосредственно относятся к международным отношениям и мировой экономике и соотносятся с такими базовыми понятиями, как национальный интерес, суверенитет, власть, государство.

Современные международные экономические отношения, формирующиеся в условиях новой реальности, глубоко идеологизированы по своей сути, отражают реальные процессы, обусловленные цивилизационным противостоянием между Западом и Россией. Такое качество мирохозяйственных связей имеет своим следствием взаимную конвергенцию медийной политики, политической коммуникации и политического действия. Стратегические коммуникации, включая глобальные цифровые платформы, ИКТ-ресурсы, внутренние и внешние коммуникации международных компаний, трансформировали понятие коммуникации в мощный медийный ресурс мировой политики и экономики, коммуникационной активности в глобальном, региональном и национальном масштабе.

Значительная, а в случае политики культуры отмены и санкционных режимов стран Запада в отношении России и во многом решающая роль политико-идеологических мотивов в принятии решений в области

международных торгово-экономических связей привела к феномену кардинальной трансформации приоритетности акторства в системе информационно-коммуникационного обеспечения современных международных экономических отношений. Являясь одновременно и объектом, и субъектом мировой экономической системы, транснациональный бизнес играет в процессах формирования глобальной экономической повестки дня более значительную роль, чем отдельные международные государственные или неправительственные международные организации или институты гражданского общества.

ТНК – одни из наиболее активных акторов медийной составляющей мировой политики особенно в области технологии, финансов, знаний и глобальных структур производства и услуг более влиятельны в реализации промышленной политики, развитии отдельных сфер производства и услуг, инновативности технологических решений, чем государства с их непосредственной, реляционной, либо косвенной структурной силой [1].

ТНК и ТНБ имеют решающее значение в разработке и внедрении новых информационных продуктов, влияют на распространение международных стандартов обработки, хранения и передачи информации, обеспечивают рост занятости в информационном секторе экономики, генерируют новейшие высокотехнологичные информационные ресурсы, осуществляют цифровизацию и компьютеризацию целых отраслей в сфере производства и услуг. В последнее время именно они генерируют значительную часть прорывных разработок технологий искусственного интеллекта.

Международные компании трансформировались в основное звено научно-технической инфраструктуры современного мирового хозяйства и не только выполняют функции его информационного и научно-технического обеспечения, но и активно влияют на формирование общественного мнения в трансграничном глобальном коммуникационном пространстве современного цифрового мира. Глобальные корпорации обладают колоссальным технологическим потенциалом в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и финансовыми ресурсами, что дает возможность постоянно наращивать потенциал стратегических коммуникаций. Соответственно, пропорционально растет степень их влияния на процессы формирования медийной повестки дня мировой экономики посредством продвижения экономических, финансовых, торговых, технологических интересов инструментами оказания прямого или косвенного воздействия на определение и принятие другими акторами международных экономических отношений норм, стандартов, ценностей, законов, правил и систем регулирования во многих решающих сферах мирового хозяйства.

ТНК и ТНБ контролируют глобальные информационные потоки, обладают колоссальным арсеналом средств манипулирования обще-

ственным мнением. Применяя рекламные и маркетинговые стратегии, ТНК и ТНБ формируют определенные стандарты жизни и ценностные ориентиры потребителей их товаров и услуг в подавляющем большинстве стран современного мира, являются центральными игроками мирового информационного рынка, определяя его повестку дня, основные направления развития. Трансграничному масштабу операционной активности международных компаний присущ сетевой структурный характер, формировавшийся параллельно с сетевой информатизацией общества. Взаимодополняющий эффект такой синергии привел к тому, что сетевые структуры обеспечивают глобализацию капитала и децентрализованную концентрацию производства и труда, образуя единое рыночно-информационное пространство, интегрированное в глобальное информационное пространство.

Парадокс медийной составляющей современных международных экономических отношений заключается в том, что ее основные информационно-коммуникационные ресурсы сосредоточены в нескольких глобально действующих высокотехнологичных североамериканских ТНК, включая глобальные цифровые платформы размещения основных мировых социальных сетей. Практически 90% всех глобальных поставщиков информационно-коммуникационных услуг – крупнейшие по капитализации и передовые в области цифровых технологий ТНК США, имеющие все необходимые ресурсы для трансграничного охвата аудиторий в мировом масштабе. Они сконцентрировали в рамках своих внутрифирменных механизмов процессы генерации, обработки, анализа, накопления, архивации информации, ее трансграничного распространения в онлайн и офлайн-цифровом, текстовом, радио- и видеоформатах, имеют отлаженные системы активной обратной связи с потребителями распространяемого ими контента, широко внедряют новейшие инновационные технологии искусственного интеллекта и больших данных при организации узкотаргетированной коммуникации вплоть до личностного персонального уровня обращения к реципиентам их многомиллионных аудиторий пользователей.

В такой коммуникационной активности весьма успешно реализуется специфическая двойственная модель ИКТ-бизнеса – извлечение коммерческой прибыли за счет реализации идеологической задачи воздействия на общественное мнение в глобальном масштабе. Данный феномен прослеживается в самом различном контенте – от узкотаргетированной политической рекламы до новостной повестки дня.

Встает вопрос, в какой коммуникационной среде на зарубежных рынках в условиях сегодняшнего дня выстраивается бизнес российскими коммерческими структурами. Экономические, коммерческие факторы в конкурентной борьбе обрели новое измерение – ценностно-мировоззренческое. Коммуникационное обеспечение бизнес-процессов в мирохо-

зяйственных связях стало частью глобального соперничества двух основных моделей мироустройства – многоцентричного или моноцентричного миропорядка, и обусловленной этим феноменом гибридной войны нового типа, распространившейся на многие формы международных торгово-экономических связей. Этот общий политико-идеологический фон международных экономических отношений в известной степени формируется под воздействием американских глобальных ИКТ-платформ. Его принципиальная парадигма полностью укладывается в концепцию национальных интересов США, согласно которым в действующей Стратегии национальной безопасности Соединенные Штаты провозглашаются «ведущей мировой державой» в «ставшей более спорной международной обстановке»¹.

В Стратегии представлено ценностно-мировоззренческое видение целей и перспектив позиционирования национальных интересов США в современном мире, мировой экономике, глобальных мирохозяйственных связях. Базисным тезисом является констатация переломного момента в мировой истории решающего десятилетия для продвижения жизненно важных интересов Америки, для победы в конкуренции за XXI в. Отстаивание ценностей, ориентация на сотрудничество с союзниками и партнерами, разделяющими интересы США, будут задействованы для того, чтобы «не оставить будущее уязвимым для тех, кто не разделяет наше видение мира». Открыто продвигается тезис о том, что никто не должен делать ставку в таком процессе на переформатирование мирового развития против США [2]. Аналогичные оценки содержатся в открытой части засекреченной Национальной стратегии обороны США (NDS), представленной министерствам обороны Соединенных Штатов Конгрессу в марте 2022 г.²

В последние годы в США было увеличено общее финансирование исследований и разработок в области прорывных, преобразующих экономику страны технологий: искусственного интеллекта, биотехнологий, квантовых вычислений, а также модернизация систем вооружений следующего поколения [4; 6; 8].

Приоритетным направлением стратегического развития инновационной политики в общем контексте мер по обеспечению экономического прогресса стало сохранение лидерства США в передовых отраслях эко-

¹ URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

² URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf>

номики инноваций с постановкой задачи достижения глобального лидерства Соединенных Штатов в этой области¹.

Важным аспектом подхода новой республиканской администрации Д. Трампа к внешнеторговой политике и развитию внешнеэкономических связей определено создание возглавляемой США международной нормативной системы, препятствующей трансферу передовых технологий в недружественные страны, преимущественно в Россию и Китай, что создает реальную угрозу национальной безопасности США и осложняет инвестиции в будущее, где Америка должна продолжать лидировать на мировой арене² [5]. Примерами такой политики выступают учрежденный демократической администрацией Совет по торговле и технологиям США и ЕС (The EU-US Trade and Technology Council), разработавший дорожную карту по глобальным экономическим и технологическим вопросам; договоренность между Институтом безопасности искусственного интеллекта Соединенных Штатов (The U.S. Artificial Intelligence Safety Institute) и соответствующими структурами Англии об общем подходе к безопасному развитию ИИ; меры по встраиванию НИОКР в структуру двустороннего сотрудничества США с Индией посредством таких программ, как Америка-индийская инициатива по критически важным и новым технологиям (United States-India Initiative on Critical and Emerging Technology, iCET), а также инициативы, предпринимаемые в сотрудничестве с Сингапуром, Южной Кореей и другими партнерами Соединенных Штатов.

Кандидат от республиканской партии на президентских выборах в США осенью 2024 г. в своих программных заявлениях сделал акцент на констатации факта серьезного упадка США как нации в целом, когда будущее страны, ее идентичность и сам образ жизни находятся под угрозой. Экономический прогресс достижим в случае прекращения инфляции и возвращения рабочих мест в промышленность страны [9]. В качестве избранного президента Д. Трамп неоднократно подчеркивал приоритетную цель его администрации продолжить политику прорыва к будущему экономическому величию США, глобальному лидерству в развивающихся отраслях [3; 5; 7].

¹ Fact Sheet: Biden-Harris Administration Announces Innovation Engines Awards, Catalyzing More Than \$530 Million to Boost Economic Growth and Innovation in Communities Across America Home. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/01/29/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-innovation-engines-awards-catalyzing-more-than-530-million-to-boost-economic-growth-and-innovation-in-communities-across-america/>; The China Challenge: A New American Strategy for Technology Competition by the Working Group on Science and Technology in U.S. – China Relations. Project of the 21st Century. November 16, 2020. – URL: https://china.ucsd.edu/_files/meeting-the-china-challenge_2020_report.pdf; URL: <https://democrats.org/wp-content/uploads/2024/08/FINAL-MASTER-PLATFORM.pdf>; United States Innovation and Competition Act of 2021. – URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1260>

² URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2024-republican-party-platform>

Повторное избрание Д. Трампа президентом в сочетании с контролем республиканцев над обеими палатами Конгресса США в рамках философии «Америка прежде всего» уже в ближайшей перспективе может привести к значительному ускорению темпов технологического прогресса с акцентом на НИОКР в области искусственного интеллекта. И демократы, и республиканцы выступают за разработку нового запретительно-ограничительного подхода к глобальному сотрудничеству в сфере высоких технологий с целью нанесения стратегического поражения России и стратегического сдерживания Китая в общем контексте мер гибридной войны нового типа. Внешнеэкономическая политика рассматривается обеими ведущими системообразующими партиями США как один из ключевых элементов обеспечения национальной безопасности страны посредством сохранения лидирующих позиций Соединенных Штатов в глобальной геополитической конкуренции XXI в., что решающим образом определяет место США в первую очередь в международной технологической экосистеме, возможности развития цифровой экономики и военной мощи страны¹.

Закономерным ответом на кризис мироустройства становится укрепление сотрудничества между государствами, подвергающимися внешнему давлению. Активизируются формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, создание разноформатных партнерств для решения общих проблем. В мировой экономике получают распространение новые национальные и трансграничные платежные системы, растет заинтересованность в новых международных резервных валютах, формируются предпосылки для диверсификации механизмов международного экономического сотрудничества². Основу происходящей структурной перестройки глобальной мировой экономики во многом составляют качественно новая технологическая база, формируемая посредством ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта, прорывных ИКТ, энергетических, биологических и нанотехнологий. Данные процессы имеют место на фоне роста национального самосознания, культурно-цивилизационного разнообразия и других объективных факторов многовекторной активизации процессов перераспределения потенциала развития в пользу новых центров экономического роста и геополитического влияния.

¹ U.S. Senate releases roadmap on artificial intelligence. – URL: <https://www.naco.org/news/us-senate-releases-roadmap-artificial-intelligence>

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). – URL : <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>; Путин В. В. Выступление и ответы на вопросы на пленарной сессии юбилейного, XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72444>

Заключение

Радикальная перестройка рамочных условий деятельности российского бизнеса в условиях новой реальности, активная политика импортозамещения, выход на новые национальные, региональные, международные рынки, существенная трансформация традиционных логистических, экспортных и импортных бизнес-моделей, адаптация бизнес-стратегий к радикально новым внешним условиям ведения бизнеса в целом настоятельно требуют переосмысления прежних подходов к разработке и осуществлению коммуникационной активности в первую очередь на новых зарубежных рынках отечественных бизнес-структур, включая коммерческие компании и корпорации с государственным участием. Успех таких стратегических бизнес-коммуникаций во многом предопределяет наличие высококвалифицированных специалистов с соответствующей междисциплинарной подготовкой наряду с экономическими дисциплинами также и в области регионоведения, ИКТ, межкультурной и межличностной коммуникации в иноязычной среде, языкознания, менеджмента, маркетинга, международных отношений, основ дипломатии, национальных и корпоративных особенностей делового этикета и протокола, методик аккумуляции в международных бизнес-структурах, конфликтологии, а также рекламы и работы по связям с общественностью, социологии.

Актуально обратиться к вопросу о введении в учебные программы профильных факультетов ведущих вузов страны специальных практико-ориентированных дисциплин, направленных на формирование знаний, умений, навыков и компетенций эффективного и отвечающего требованиям сегодняшнего дня информационно-коммуникационного обеспечения ведения бизнеса российскими коммерческими структурами на национальных и региональных рубежных рынках, в наиболее полной степени учитывающих характерные для современного международного бизнеса передовые инновативные технологии и практики. В разработке такого учебного курса для программ бакалавриата и магистратуры могли бы принять участие представители научно-педагогических коллективов, бизнес-сообществ, экспертов, практиков, непосредственно работающих в сфере ИКТ, бизнес-коммуникаций с отечественной и зарубежными аудиториями. Инициатором мог бы стать Институт «Первая Академия медиа» Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, целенаправленно ведущий совершенствование ряда преподаваемых учебных дисциплин в данном направлении.

Список литературы

1. Меньшиков П. В. Медийное измерение мировой политики: эвристика критического осмысления коммуникации в новой реальности. – М. : Прометей, 2022.

2. *Меньшикова А. М. Экономика в системе национальной безопасности США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – № 10. – С. 14–24. – DOI 10.31857/S2686673023100024*
3. Foreign Policy Priorities. Donald Trump's Positions. AI and Technology. – URL: <https://www.cfr.org/election2024/candidate-tracker/donald-trump>
4. Gross D. P., Sampat B. N. America, Jump-Started: World War II R&D and the Takeoff of the US Innovation System // *American Economic Review*. – 2023. – URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.20221365>
5. *Huang Y., Li Sh., Xiang X., Huang L. Analyzing the Configuration of the National Innovation System for Innovation Capability: Evidence from Global Innovation Index Reports. 27 September 2024: (1226). – URL: https://www.nature.com/articles/s41599-024-03792-x#Sec2*
6. *Liu S. A Review of the Innovation Policy of the U.S. Government. Proceedings of the 2022 7th International Conference on Social Sciences and Economic Development (ICSSED 2022) // Economics, Business and Management Research. – 2022. – Vol. 215. – URL: file:///C:/Users/Petr/Downloads/125973887.pdf*
7. *Ludwikowski M. R., Williams R. K., Alghazali S. Trade Policy Following Trump's 2024 Election Victory. – URL: https://www.reuters.com/legal/legalindustry/trade-policy-following-trumps-2024-election-victory-2024-11-19/*
8. *Rouse W. B. Innovation Ecosystems: How Driving Forces and Success Factors Affect Opportunities for Business Innovation. – New York, 2024.*
9. *Sayegh E. Decoding Trump's Tech and AI Agenda: Innovation and Policy Impacts. – URL: https://www.forbes.com/sites/emilsayegh/2024/11/18/decoding-trumps-tech-and-ai-agenda-innovation-and-policy-impacts/*

References

1. *Menshikov P. V. Mediynoe izmerenie mirovoy politiki: evristika kriticheskogo osmysleniya kommunikatsii v novoy realnosti [The Media Dimension of World Politics: Heuristics of Critical Understanding of Communication in the New Reality]. Moscow, Prometey, 2022. (Russ.).*
2. *Menshikova A. M. Ekonomika v sisteme natsional'noy bezopasnosti SShA [Economics in the US National Security System]. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura [USA and Canada: economy, politics, culture], 2023, No. 10, pp. 14–24. (Russ.). DOI 10.31857/S2686673023100024*
3. Foreign Policy Priorities. Donald Trump's Positions. AI and Technology. Available at: <https://www.cfr.org/election2024/candidate-tracker/donald-trump>

4. Gross D. P., Sampat B. N. America, Jump-Started: World War II R&D and the Takeoff of the US Innovation System. *American Economic Review*, 2023. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.20221365>
5. Huang Y., Li Sh., Xiang X., Huang L. Analyzing the Configuration of the National Innovation System for Innovation Capability: Evidence from Global Innovation Index Reports, 2024, September 27, (1226). Available at: <https://www.nature.com/articles/s41599-024-03792-x#Sec2>
6. Liu S. A Review of the Innovation Policy of the U.S. Government. Proceedings of the 2022 7th International Conference on Social Sciences and Economic Development (ICSSED 2022). *Economics, Business and Management Research*, 2022, Vol. 215. Available at: <file:///C:/Users/Petr/Downloads/125973887.pdf>
7. Ludwikowski M. R., Williams R. K., Alghazali S. Trade Policy Following Trump's 2024 Election Victory. Available at: <https://www.reuters.com/legal/legalindustry/trade-policy-following-trumps-2024-election-victory-2024-11-19/>
8. Rouse W. B. Innovation Ecosystems: How Driving Forces and Success Factors Affect Opportunities for Business Innovation. New York, 2024.
9. Sayegh E. Decoding Trump's Tech and AI Agenda: Innovation and Policy Impacts. Available at: <https://www.forbes.com/sites/emilsayegh/2024/11/18/decoding-trumps-tech-and-ai-agenda-innovation-and-policy-impacts/>

Поступила: 18.01.2025

Принята к печати: 28.01.2025

Сведения об авторах

Петр Витальевич Меньшиков
доктор политических наук, профессор
Института «Первая Академия медиа»
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: menshikov.pv@rea.ru

Анна Маратовна Меньшикова
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Института Соединенных Штатов
Америки и Канады имени
академика Г. А. Арбатова, ИСКРАН.
Адрес: ФГБУН «Институт Соединенных
Штатов Америки и Канады имени
академика Г. А. Арбатова Российской
академии наук», 121069, Москва,
Хлебный переулок, д. 2/3
E-mail: a.menshickowa2014@yandex.ru

Information about the authors

Petr W. Menshikov
Doctor of Political Science, Professor
of the Institute "First Media Academy"
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: menshikov.pv@rea.ru

Anna M. Menshikova
PhD, Associate Professor,
Senior Researcher, Georgy Arbatov
Institute of USA and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences.
Address: Georgy Arbatov Institute
of USA and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences,
2/3 Khlebny per.,
Moscow, 121069,
Russian Federation.
E-mail: a.menshickowa2014@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-38-60>

УРОВЕНЬ МОНЕТИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОСТОЯНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ: ОБЗОР МИРОВОЙ ПРАКТИКИ

А. И. Болвачев

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В. М. Саврадым

Севастопольский филиал Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова,
Севастополь, Россия

Уровень развития экономики государства отражается в показателе внутреннего валового продукта, на формирование которого оказывают влияние многие факторы, включая и обширный параметрический блок финансовой системы, в том числе и циркулируемые объемы денежной массы. В данном контексте наиболее тесная взаимосвязь проявляется в результирующем показателе – уровне монетизации экономики, который можно рассматривать и как оценку насыщения экономики ликвидными средствами для роста ВВП, и как оценку развитости финансовой системы в целом (включая направления регулирования денежных показателей и показателей финансового рынка). В статье проведен аналитический обзор качественного и количественного значения уровня монетизации экономик с акцентом на показателе развития финансовых систем. Авторы рассматривают динамику достаточности ликвидности, обеспечиваемой финансовой системой, по четырем направлениям: в целом по показателю уровня монетизации мировой экономики, а также на базе существующих подходов к классификации стран мира, в разрезе географических регионов (по классификационной методике ООН), в зависимости от уровня доходов (классификационная методика Всемирного банка) и уровня развития (классификационная методика ВМФ). В исследовании использованы эмпирические данные за 2000–2024 гг. Наряду с общепринятыми методами исследования авторами предлагается применение методики теплового анализа. Результат аналитического обзора показал глобальные изменения как в иерархии экономик мира, так и в векторе развития финансовых систем государств.

Ключевые слова: коэффициент монетизации экономики, валовой внутренний продукт, денежные агрегаты, классификация стран, экономический рост, финансовая система, методика теплового анализа.

THE LEVEL OF MONETIZATION OF THE ECONOMY AS AN INDICATOR OF THE STATE OF THE FINANCIAL SYSTEM: OVERVIEW OF WORLD PRACTICE

Alexey I. Bolvachev

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Victoria M. Savradym

Sevastopol Branch of the Plekhanov Russian University of Economics,
Sevastopol, Russia

The level of development of the state's economy is reflected in the indicator of gross domestic product, the formation of which is influenced by many factors, including a very extensive parametric block of the financial system, including the circulating amounts of money. In this context, the closest relationship is manifested in the resulting indicator – the level of monetization of the economy, which can be considered both as an assessment of the saturation of the economy with liquid funds for GDP growth, and as an assessment of the development of the financial system as a whole (including areas of regulation of monetary indicators and financial market indicators). The article provides an analytical review of the qualitative and quantitative significance of the level of monetization of economies with an emphasis on the indicator of the development of financial systems. The authors consider the dynamics of liquidity adequacy provided by the financial system in four directions: in general, according to the indicator of the level of monetization of the world economy, as well as on the basis of existing approaches to the classification of countries of the world, by geographical region (according to the UN classification methodology), depending on income level (World Bank classification methodology) and level of development (IMF classification methodology). The study uses empirical data for 2000–2024. Along with the generally accepted research methods, the authors propose the use of thermal analysis techniques. The result of the analytical review showed global changes in both the hierarchy of the world's economies and in the vector of development of the financial systems of states.

Keywords: economic monetization coefficient, gross domestic product, monetary aggregates, classification of countries, economic growth, financial system, the technique of thermal analysis.

Вопросы о степени взаимосвязи и взаимовоздействия финансовой и экономической систем государства являются дискуссионными и в настоящее время, в связи с чем можно условно выделить два направления дискуссии [9]:

1) экономический рост государства влияет на финансовую систему (Дж. Робинсон, С. Кузнец, М. Фридман, А. Шварц и др.);

2) финансовая система влияет на экономический рост государства (У. Бэджхот, Дж. Р. Хикс, Й. Шумпетер, Р. Маккиннон, П. Руссо, Р. Силла и др.)

На основе детального анализа научных исследований по поводу взаимосвязи финансовой системы и экономического роста, проведенного

Б. Б. Рубцовым, был сформулировать вывод: «страны, где 1) хорошо защищены права кредитов, 2) юридические системы направлены на защиту контрактных обязательств, 3) учетные стандарты позволяют получать высококачественную отчетность компаний, имеют более развитых финансовых посредников» [8. – С. 50]. Аналогичный вывод сделал в своем исследовании С. С. Сулакшин, указывая, что государства, в которых «возникла более сложная и эффективная финансовая система, оказались впоследствии лидерами и в экономическом развитии» [6. – С. 194].

Весьма обоснованно к пояснению данной взаимосвязи подошли новосибирские ученые: «для развитых рынков будет справедливо утверждение, что экономический рост определяет финансовое развитие, т. е. подтягивает при необходимости институты и инфраструктуру для обслуживания экономик развитых стран. Для развивающихся рынков более правильно утверждать, что финансовое развитие является одним из драйверов экономического роста, поскольку обеспечивает привлечение инвестиций, в том числе с внешнего рынка капитала» [4. – С. 259].

Соответственно, можно и нужно продолжать поиски оптимального решения в вопросе взаимодействия финансовой и экономической систем государства.

Авторы статьи придерживаются мнения, что данная взаимосвязь носит характер алгоритма при внедрении решающего параметра. Данным параметром, по нашему мнению, является степень зрелости финансового рынка, включающего всю совокупность институциональных элементов: инвесторов, финансовых посредников, органы регулирования. То есть пока в стране финансовый рынок слаб и незрел, экономическое развитие государства осуществляется с помощью инструментов финансовой системы. Другими словами, финансовая система действительно выступает кровеносной системой и обеспечивает экономику как минимум деньгами. Как только финансовый рынок созрел и нарастил свои объемы, с этого момента роли меняются, и уже уровень экономического развития способствует дальнейшему развитию финансовой системы, поглощая излишнюю денежную массу, сгенерированную финансовым рынком.

Одним из ярких примеров взаимодействия финансовой и экономической систем является показатель уровня монетизации экономики. Как справедливо отмечает С. В. Лаптев: «Регулирование денежной массы в рамках монетарной политики имеет своей конечной целью не только ограничение инфляции, но и обеспечение равновесия на товарных и денежных рынках» [3. – С. 45].

Монетизация экономики – это процесс насыщения экономики страны деньгами и другими ликвидными активами. Расчет уровня монетизации строится на соотношении объема денежной массы (параметр финансовой системы) к объему ВВП (параметр экономической системы). Таким образом, полученное значение коэффициента монетизации эко-

номики (КМЭ) одновременно характеризует как уровень экономического развития государства, так и уровень развития его финансовой системы.

Повышающий тренд показателя КМЭ свидетельствует:

- о росте объемов инвестиций в основной капитал;
- увеличении доступности кредитных ресурсов;
- снижении уровня инфляции;
- наращении темпов экономического роста;
- повышении уровня финансовой безопасности.

Принято считать, что минимально допустимый уровень КМЭ для нормального функционирования экономики должен быть не менее 50%, а нормативный уровень – 70%. При этом данный минимальный порог существенно возрастает, когда речь идет об экономиках с развитым финансовым рынком – 80–120% [12].

В международной практике уровень монетизации экономики рассчитывается как соотношение «широких денег» (Broad money) к ВВП (GDP), выраженное в процентах.

«Широкие деньги», по сути, являются денежным агрегатом, именуемым в российской практике М3, поскольку отражают как высоколиквидные «узкие деньги» (наличные и депозиты до востребования), так и менее ликвидные формы (долгосрочные депозиты, сберегательные вклады и др.).

Существуют разные подходы к принятию денежных агрегатов в качестве «широких денег»:

- М3 – большинство стран, включая Организацию экономического сотрудничества и развития (OECD);
- М3 и/или М4 – Европейский центральный банк;
- М4 – Великобритания.

Помимо этого, для большинства стран характерно отнесение депозитов в иностранной валюте только к категории «широкие деньги».

Обзор мировой практики в нашем исследовании будет базироваться исходя из структуризации экономики стран мира на классификационных признаках, разработанных и принятых ООН (по географическому признаку); Всемирным банком (по уровню доходов государств); МВФ (по уровню развития государства).

1. ООН. В основу обзора динамики уровня монетизации по географическим регионам заложена методология ООН: в 1970 г. был издан Стандарт М49 «Стандартные коды стран и территорий для статистического использования»¹, подготовленный статистическим отделом Секретариата ООН для использования в публикациях и ведения базы данных. Список географических регионов основан на континентальных регио-

¹ Methodology: Standard Country or Area Codes for Statistical Use. – URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения: 22.09.2024).

нах, подразделяемых на субрегионы и континентальные регионы. С декабря 2021 г. из Стандарта М49 было исключено различие между развитыми и развивающимися регионами.

2. *Всемирный банк*. Классификация стран по уровню дохода обновляется ежегодно. Основу классификационного признака составляет показатель «валовой национальный доход» (ВНД) на душу населения, корректируемый по методу Atlas¹, основанному на первой публикации Всемирного банка под названием «Атлас глобального развития» (2007 г.). Метод Atlas сглаживает колебания обменного курса, используя трехлетнее скользящее среднее значение с поправкой на цены.

Представим распределение стран по уровню дохода в 2024 г.:

- 1) 86 стран с высоким уровнем дохода (14 006 долларов и выше);
- 2) 54 страны с доходом выше среднего (от 4 516 до 14 005 долларов);
- 3) 51 страна с доходом ниже среднего (от 1 146 до 4 515 долларов);
- 4) 26 стран с низким уровнем дохода (1 145 долларов или меньше).

Отметим, что согласно опубликованной классификации, Россия переведена в категорию «с высоким уровнем дохода» (2023 г. – 12 830 долларов, в 2024 г. – 14 250 долларов).

3. *МВФ*. Особенностью классификации МВФ является применение критерия «уровень экономического развития».

Классификация возникла в связи с необходимостью сбора информации для подготовки отчета IFS (Международная финансовая статистика). Количественное и качественное наполнение групп зависит от множества факторов и при необходимости регулируется. Так, еще в 80-х гг. XX столетия классификация включала три группы: 1) промышленно развитые страны; 2) страны с централизованно управляемой экономикой; 3) развивающиеся страны. Экономический кризис 1990-х гг., распад СССР и, как следствие, практически всей системы социализма в мире, переход бывших социалистических государств на путь рыночных преобразований – все это повлекло за собой и изменения в классификации. С этого времени МВФ стал классифицировать страны как развитые, развивающиеся, страны с переходной экономикой. Дальнейшее преобразование системы классификации произошло в 2004 г. и действует по настоящее время. Новая классификация претерпела изменения как в количественном наполнении групп (их стало две), так и в качественном [14]:

- 1) страны с развитой экономикой (в 2024 г. – 58 стран);
- 2) страны с формирующимся рынком и развивающиеся (в 2024 г. – 156 стран).

Также отметим, что в статистическую сводку входят только страны – члены МВФ, поэтому, например, Куба, Монако, КНДР не включены в сводный перечень.

¹ World Bank Country and Lending Groups. – URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519> (дата обращения: 15.09.2024).

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные ООН¹, Всемирного банка², МВФ³, портала Международной финансовой статистики⁴, а также информационного портала IndexMundi⁵, компаний Trading Economics⁶, World Population Review⁷, TradingView⁸, World Economics⁹.

В нашем исследовании мы будем рассматривать величину коэффициента монетизации как относительную характеристику степени развития финансовой системы: чем выше коэффициент, тем развитее (и сложнее) финансовая система.

Обзор динамики мирового КМЭ

Изложив исходные параметры и методику исследования, начнем аналитический обзор с выявления динамики обобщающего параметра – уровня монетизации мировой экономики (рис. 1).

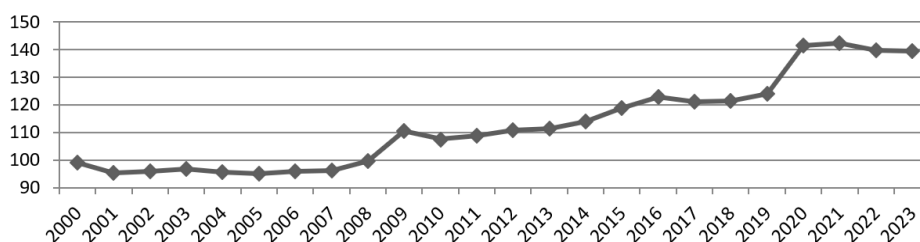

Рис. 1. Динамика коэффициента монетизации мировой экономики (в %)

¹ World Bank Country and Lending Groups. – URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519> (дата обращения: 15.09.2024).

² Broad Money (% of GDP) by Country. – URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/broad-money-percent-of-gdp-wb-data.html> (дата обращения: 15.09.2024); GDP (current US\$). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2023&start=1960&view=cha> (дата обращения: 15.09.2024); World Bank Group. – URL: <https://www.worldbank.org/ext/en/home> (дата обращения: 15.09.2024).

³ International Monetary Fund (IMF). – URL: <https://www.imf.org/en/home> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴ International Financial Statistics. – URL: <https://econdata.com/databases/international-monetary-fund/imf-international-financial-statistics/> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵ Broad money (% of GDP) by Country. – URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/FM.LBL.BMNY.GD.ZS> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶ Broad Money (% of GDP) By Country. – URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/broad-money-percent-of-gdp-wb-data.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷ GDP Ranked by Country 2024. – URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/by-gdp> (дата обращения: 15.09.2024).

⁸ Global (World) Monetary Supply M2. – URL: <https://www.tradingview.com/script/MGmI3Bwu-Global-World-Monetary-Supply-M2-measured-in-USD/> (дата обращения: 15.09.2024).

⁹ Gross Domestic Product (GDP). – URL: <https://worldeconomics.com/Indicator-Data/Economic-Size/Revaluation-of-GDP.aspx> (дата обращения: 15.09.2024).

Аналитический период здесь и далее – 24 года (с 2000 по 2023 г. включительно).

За прошедшие 24 года КМЭ (мировой) вырос на 40,22% (от 99,17% в 2000 г. до 139,39% в 2023 г.). Безусловно, в данном случае речь не идет о линейном росте. Значения КМЭ отражают реакцию мировой экономики на важные события, происходящие за этот период времени. Наибольшее влияние оказывают последствия кризисов, произошедших в странах с развитой экономикой. За анализируемый период таких кризисов было три: экономический (доткомы, 2000 г., США); ипотечный (2008–2009 гг., мировой); кризис, вызванный пандемией (2020 г., мировой).

Каждый из этих кризисов оказал свое влияние на экономику и финансовую систему, что в совокупности отразилось на существенном изменении КМЭ.

Первое изменение КМЭ – падение на 3,86% в 2001 г. – стало реакцией на кризис 2000 г., вызванный лопаньем экономического пузыря доткомов. Надувание пузыря началось еще с 1995 г., когда на мировой арене появились тысячи компаний, связанных с интернет-бизнесом и получающих многомиллионные объемы финансирования. С конца 1998 г. индекс Nasdaq стремительно рос и на момент краха – 10 марта 2000 г. – составил 5 048,62 (рост на 130%). Банкротство сотен интернет-компаний привело к потере более 61% капитализации Nasdaq [15] только за 2000 г. (на 75% – в 2003 г.). Кризис затронул в основном финансовый рынок: если в 2000 г. индекс Nasdaq упал на 128,28 пункта (или на 6,25%), то в 2001 г. – более чем на 22%. Все это привело к смягчению денежно-кредитной политики в части существенного снижения ключевой ставки ФРС с 6,5 до 1%. Это возымело должный эффект – в 2002 г. экономика стала восстанавливаться, что отчетливо видно в приросте КМЭ на 0,7284061%.

Второе существенное изменение КМЭ – реакция экономики на надувание ипотечного пузыря в США и последствия его лопанья для мировой экономики, проложившие путь масштабному финансовому кризису.

Причиной кризиса стал обвал ипотечного рынка жилья в США из-за распространения низкокачественных ипотечных кредитов. Существенную роль сыграло и использование сложных финансовых инструментов – кредитных деривативов:

- обеспеченных долговых обязательств (CDO), поддерживаемых пулом кредитов, облигаций, в том числе субстандартных ипотечных кредитов (MBS). Ключевой участник – четвертый по величине инвестиционный банк Lehman Brothers;

- кредитных дефолтных свопов (CDS), приобретаемых в целях страхования от кредитного риска. Ключевой участник – международная страховая и финансовая корпорация American International Group, Inc. (AIG).

Результат – финансовый кризис, который привел в 2008 г. к банкротству ключевых участников финансового рынка и выделению колоссальных сумм правительствами для поддержания финансового сектора и в целом экономики:

- Lehman Brothers – банкротство на сумму 613 млрд долларов;
 - AIG – чистые убытки за 2008 г. составили 99,29 млрд долларов.
- Решение, принятое ФРС и Минфином США, о спасении AIG «стоило» 143 млрд долларов реальных денег федерального бюджета.

Причины столь разного подхода к судьбам ключевых участников вполне объяснимы – AIG входила в список организаций слишком крупных, чтобы обанкротиться; другими словами – организаций, банкротство которых представляет системный риск. В результате «AIG обеспечила защиту на сумму более полутриллиона долларов, в том числе на 300 миллиардов долларов для банков в США и Европе. Если бы AIG обанкротилась, это вызвало бы системное макрособытие мирового масштаба с катастрофическими последствиями» [18].

Безусловно, все эти события, связанные с финансовым кризисом 2008–2009 г., не могли не затронуть и экономическую систему. В целях возобновления экономической активности ФРС:

- снижает процентные ставки до 0% в расчете на увеличение объемов кредитов и инвестиций;
- выкупает ценные бумаги, в том числе MBS на 1,25 трлн долларов и казначейских ценных бумаг – на 300 млрд долларов;
- приобретает (совместно с Минфином США) акции банков на 250 млрд долларов [17].

Помимо этих шагов, в целях повышения ликвидности была создана программа кредитования под залог ценных бумаг (TSLF).

Усилия денежных властей в других развитых странах также были направлены на восстановление финансового рынка и повышение ликвидности – разработаны и внедрены пакеты фискальных стимулов, снижены процентные ставки, оказана финансовая поддержка банков.

Финансовый кризис оказал существенное влияние на перераспределение финансовых ресурсов [5]. Если в 2008 г. прирост КМЭ (мировой) составил 3,521%, то уже в 2009 г. он составил беспрецедентные 10,875% (по крайней мере, с 1960 г.). Для сравнения: КМЭ в США показал существенный прирост на 4,94% уже в 2007 г. (что говорит о попытках ФРС предотвратить формирование коллапса), прирост в 2008 г. составил 4,78%, а в 2009 г. – 6,44%. Это говорит о стремительном увеличении объема денежной массы, которую экономика не смогла «переварить».

В 2010 г. происходит перенастройка взаимосвязей финансовой и экономической систем, выраженная в снижении КМЭ на 2,988% (для американской экономики – снижение на 5,84%). Уже с 2011 г. начинается

плавное нарастание КМЭ, свидетельствующее о стабилизации финансового рынка.

Следующее существенное изменение КМЭ связано с очередным экономическим кризисом, вызванным пандемией коронавируса в 2020 г. Хронологически раскрутка кризиса заняла четыре месяца:

- 17 ноября 2019 г. – начало эпидемии COVID-19 в китайской провинции Хубэй;
- 31 декабря 2019 г. – фиксация ВОЗ вспышки массовой заболеваемости в китайском Ухане;
- 30 января 2020 г. – в отношении COVID-19 ВОЗ принимает декларацию PHEIC (Чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение).
- 11 марта 2020 г. – ВОЗ объявила о пандемии заболевания.

Уже 12 марта 2020 г. произошло падение биржевых индексов во всем мире [1; 10]:

- 1) американский рынок:
 - индекс S&P 500 – на 9,51%;
 - индекс Dow Jones – на 9,33%;
 - индекс Nasdaq – на 7,85%;
- 2) европейский рынок:
 - европейский Stoxx Europe 600 – на 11%;
 - московский MOEX – на 8,3%;
 - московский РТС – на 11,03%;
 - лондонский FTSE 100 – на 10,93%;
 - французский CAC 40 – на 12,28%;
 - немецкий DAX – на 12,24%;
 - испанский IBEX 35 – на 14,61%;
 - итальянский FTSE MIB – на 16,9%;
 - португальский PSI 20 – на 9,76%;
 - польский WIG20 – на 13,28%;
- 3) азиатский рынок:
 - индекс Hang Seng в Гонконге – на 7,36%;
 - японский Nikkei 225 – на 9,5%;
 - китайский Shanghai Composite – на 4,16%.

Как видим, реакцией на объявление пандемии стал обвал мирового фондового рынка. С одной стороны, вопросы погашения вспышки массовой заболеваемости относятся к юрисдикции ВОЗ, с другой стороны, рынок быстро и чутко реагирует на изменения как предпочтений клиентов, так и структурной трансформации экономики (резкий всплеск востребованности рынка услуг), что фактически выступает индикатором стабильности финансовой системы. Массовое падение фондовых индексов вызвало замедление экономического развития.

В целях стабилизации экономики и насыщения ее деньгами денежные власти применяют разнообразные методы воздействия: снижение процентных ставок; адресная финансовая помощь, прямое вливание денежных средств в экономику, оцениваемое триллионами долларов. Результат – стабилизация экономики и финансовой системы, а также весьма существенное насыщение экономики деньгами, проявившееся в приросте КМЭ на 17,439%.

Обзор динамики КМЭ регионов по классификации ООН

Основываясь на положениях Стандарта М49 и учитывая спецификацию проводимого обзора, проанализируем динамику коэффициента монетизации по географическим регионам.

Динамика КМЭ стран Европы в целом показывает устойчивое развитие финансовых систем (рис. 2).

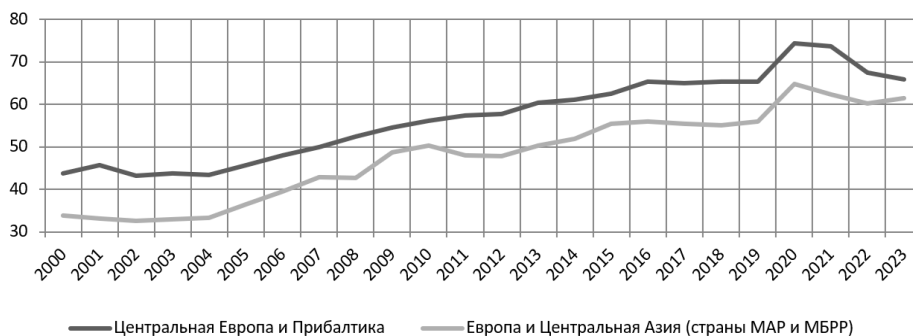

Рис. 2. Динамика коэффициента монетизации: Европа (в %)

Степень насыщения ликвидностью экономик стран Центральной Европы (согласно геосхеме ООН, – это Австрия, Германия, Венгрия, Лихтенштейн, Словакия, Польша, Чехия, Швейцария) с учетом стран Прибалтики соответствует нормативному уровню в 70%. Минимальный уровень КМЭ – 43,25% – был характерен для региона в 2002 г., максимальный – 74,29% – в 2020 г. После достижения пика в последующие годы происходило уменьшение КМЭ: в 2021 г. – на 0,65%, в 2022 г. – на 6,09%, в 2023 г. – на 1,6%. Причина столь резкого падения уровня монетизации в 2022 г. была вызвана резким увеличением чистого оттока капитала из экономики Германии на 125 млрд евро.

Если при рассмотрении динамики КМЭ несколько расширить географическую зону, добавив ко всем европейским странам и страны Центральной Азии, то совокупный эффект окажется гораздо ниже и даже не достигнет нормативного значения: минимальное КМЭ – 32,5% (2001 г.), максимальное КМЭ – 64,88% (2020 г.). Это говорит, о преобладании экономик с недостаточным уровнем монетизации и развития финансовой системы.

Следующий аналитический регион – Азия (рис. 3). С помощью такого же метода консолидации, примененного выше, рассмотрим совокупный эффект при расчете КМЭ для стран Восточной Азии и Тихого океана – Азиатско-Тихоокеанского региона (АРЕС), включающий 58 стран. Это самый крупный регион. Совокупный КМЭ варьируется от 118,48% в 2000 г. до 210,66% в 2023 г. Только за 2023 г. прирост показателя составил 12,5%. Однако следует признать, что столь впечатляющие значения уровня монетизации экономики были получены благодаря вхождению в эту группу Гонконга (Китай) и Японии, обладающих максимальными параметрами КМЭ во всем мире – 450,25% и 274,59% соответственно в 2023 г.

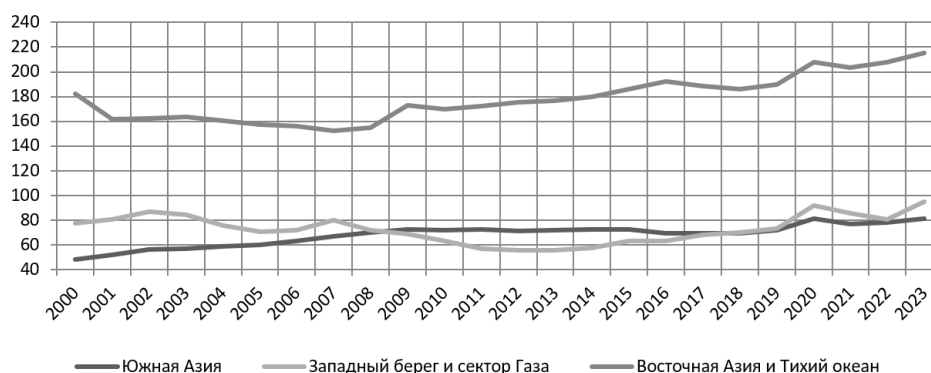

Рис. 3. Динамика коэффициента монетизации: Азия (в %)

Что касается Южной Азии (Афганистан, Индия, Иран и др.) и Западной Азии (Турция, Израиль, сектор Газа, Ирак и др.), то здесь наблюдается соревновательный эффект, поскольку при существенной разнице в уровнях КМЭ в начале аналитического периода (29,19% в пользу Западной Азии) в 2023 г. эта разница сократилась до 13,79% с двойной переуступкой права лидерства за весь период анализа.

Для Южной Азии минимальный уровень КМЭ – 48,18% – был характерен для региона в 2000 г., максимальный – 81,46% – в 2020 г. Для стран Западной Азии, включая сектор Газа, минимальный уровень КМЭ – 55,46% – был характерен для региона в 2012 г., максимальный – 94,89% – в 2023 г.

На африканском континенте уровень монетизации экономики неоднороден (рис. 4).

Наиболее оптимальный уровень КМЭ характерен для стран Северной Африки (Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Судан, Тунис, Западная Сахара). Минимальный уровень КМЭ – 55,4% – был характерен для региона в 2018 г., максимальный – 93,25% – в 2023 г.

На второй позиции в рейтинге уровня насыщенности экономики ликвидностью уверенно стоят страны блока «Южная Африка» (Ботсвана, Эсватини, Лесото, Намибия, Южная Африка). Минимальный уровень

КМЭ – 47,36% – был характерен для региона в 2000 г., максимальный – 73,97% – в 2020 г. Следует отметить, что второе место обеспечило региону вхождение в его состав самой богатой страны Африки – Намибии. Согласно оценкам Всемирного банка, ВВП Намибии составляет 440,834 млрд долларов.

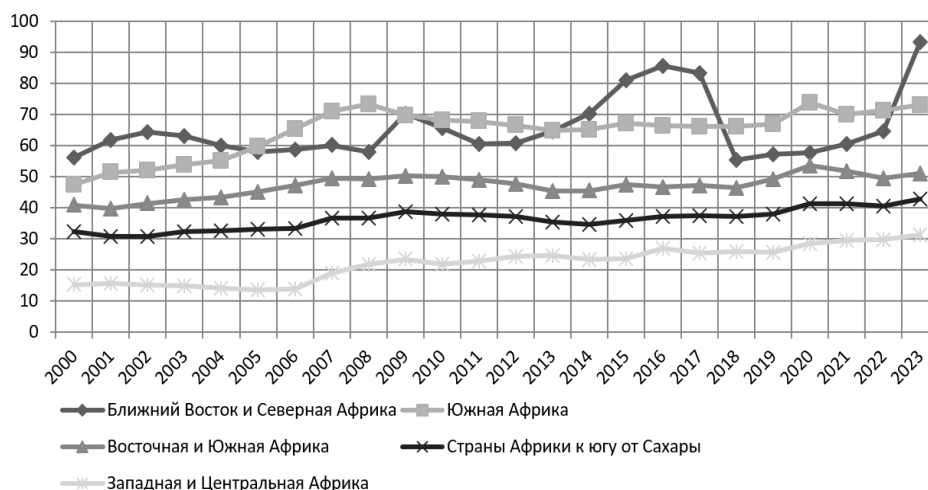

Рис. 4. Динамика коэффициента монетизации: Африка (в %)

При объединении стран Южной Африки со странами Восточной Африки уровень КМЭ снизился в среднем на 20%, что говорит о тяжелом экономическом положении стран Восточной Африки (Бурунди, Эфиопия, Кения, Сомали, Руанда и др.).

Уровень коэффициента монетизации стран Западной (Бенин, Гамбия, Гана, Либерия, Нигерия, Сенегал, Того и др.) и Центральной (Габон, Камерун, Конго, Чад, ЦАР и др.) Африки был весьма мал на протяжении всего аналитического периода, но характеризуется плавной тенденцией наращивания. Минимальный уровень КМЭ – 13,63% – был характерен для региона в 2006 г., максимальный – 31,2% – в 2023 г.

В целом для африканского континента, включающего 54 страны, характерен поступательный рост экономики несмотря на то, что именно в Африке находятся многие из беднейших стран мира. Уровень коэффициента монетизации экономики говорит о недостаточности объемов инвестирования, необходимости наращивания объемов финансового рынка. Дефицит финансирования инвестиций в экономику оценивается в 402 млрд долларов в год до 2030 года [13]. Несмотря на то что центральные банки африканских стран обладают достаточным ресурсом для увеличения объемов монетизации экономики, необходимо увеличение внешних финансовых потоков, а также реформирование финансовой системы в целом.

Далее рассмотрим динамику КМЭ в Северной Америке и Южной (Латинской) Америке (рис. 5).

Рис. 5. Динамика коэффициента монетизации: Америка (в %)

Согласно данным графика, наибольший уровень развития финансовой системы и насыщенности экономики ликвидностью характерен для Северной Америки (Канада, Гренландия, США, Бермудские острова, Сен-Пьер и Микелон, Антарктика). Минимальный уровень КМЭ – 68,69% – был характерен для региона в 2000 г., максимальный – 115,406% – в 2021 г.

Существенно ниже уровень КМЭ в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ECLAC), список которых включает 52 наименования. Минимальный уровень КМЭ – 32,98% – был характерен для региона в 2000 г., максимальный – 72,97% – в 2020 г. В отличие от североамериканской группы, в 2023 г. наблюдался прирост КМЭ на 3,1% (для сравнения у стран Северной Америки в 2023 г. произошло снижение КМЭ на 4,44%).

Поскольку КМЭ отражает уровень развития финансовой системы, отметим, что наиболее открыты к преобразованиям именно регионы Азии, Латинской Америки и Африки. Основная причина – высокая зависимость от наличных расчетов [7]. Новые финансовые технологии, предложенные Китаем еще в 2023 г., рассматриваются как весомая альтернатива существующей финансовой системе, базирующейся на долларе и банковских услугах.

Обзор динамики КМЭ стран по классификации Всемирного банка

Как было отмечено выше, признаком классификации стран, применяемой Всемирным банком, является показатель ВНД на душу населения. У данного подхода есть определенные преимущества, поскольку он весьма прост в расчетах; открыт большинством стран, кроме редких случаев, осложняющих расчет и/или публикацию (2020 г. – Сирия, 2010 г. – Сан-Марино, 2000 г. – Джибути и др.); напрямую связан с уровнем разви-

тия экономики без влияния факторов географического положения или размера государства; признан странами как показатель уровня экономического развития.

Среди недостатков следует учитывать тот факт, что простота расчета дает обобщенное представление об уровне дохода и не учитывает точность распределения доходов внутри государства. Рассмотрим это на примере (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Условный пример влияния внутреннего распределения доходов
на обобщающий средний показатель**

Группа населения	Доход, ден. ед.	Вариант 1		Вариант 2	
		Количество, чел.	Совокупный доход, ден. ед.	Количество, чел.	Совокупный доход, ден. ед.
Богатые	800	100	80 000	120	96 000
Средние	400	400	160 000	740	296 000
Бедные	100	800	80 000	440	44 000
Итого		1 300	320 000	1 300	436 000
Доход на душу населения			246,1538		335,3846

В данном примере неизменными исходными данными являются два параметра: уровень доходов по группам населения и общая численность населения (1 300 чел.). Результат расчетов показывает, как небольшая коррекция численности каждой группы населения оказывает существенное влияние на средний показатель дохода на душу населения. В нашем условном примере этот прирост составил 36,25% (89,2308 ден. ед.).

Учитывая данный недостаток, Всемирный банк применяет дополнительные факторы, корректирующие результирующий параметр, например, уровень человеческого развития.

В целом следует признать – предложенная классификация весьма полезна для сравнительного анализа. Помимо этого, она также позволяет государствам учитывать ее результаты для корректировки своих стратегических программ экономического развития.

В нашем исследовании на базе проведенной Всемирным банком классификации стран рассмотрим динамику показателя ВНД на душу населения в переложении на степень монетизации экономик указанных групп (рис. 6).

На графике отчетливо прослеживается стремительный рост КМЭ стран с доходом выше среднего. С небольшим отрывом фиксируется увеличение КМЭ обобщенной группы стран со средним доходом. Подобная тенденция прослеживается и в других группах, за исключением группы стран с низким доходом.

Особо следует отметить, что в 2014 г. группа стран с высоким уровнем доходов утратила свое лидерство в объемах монетизации экономики. Одной из причин является активизация санкционной политики по отношению к российской экономике: только за первое полугодие 2014 г. было введено в действие 18 санкций и контрсанкций [11]. Как уже известно, это возымело обратный эффект.

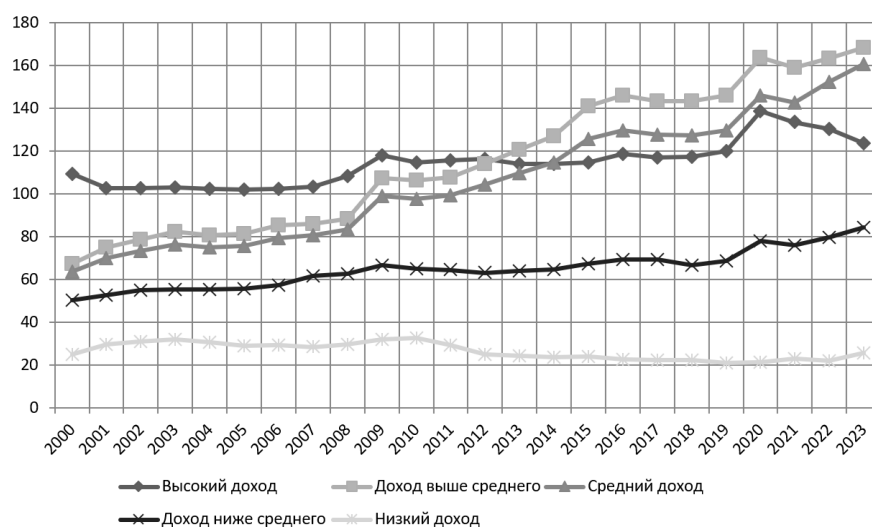

Рис. 6. Динамика коэффициента монетизации по группам стран в зависимости от уровня дохода (в %)

Также следует отметить активизацию финансового рынка стран АРЕС. Аккумулируя значительные объемы капитала, азиатская экономика повысила значимость своих финансовых центров: Токио, Гонконг, Шанхай, Шэньчжэнь [2]. Именно в 2014 г. начинается изменение парадигмы развития финансовой системы во всем мире.

Углубленный анализ динамики КМЭ (табл. 2) говорит о том, что средний уровень монетизации экономики по первым трем группам превышает 100%, что характеризует и степень развития финансовых систем в этих странах как развитые.

Т а б л и ц а 2
Аналитическое сопровождение динамики КМЭ за 2000–2023 гг. (в %)

Группа стран	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Высокий доход	114,3	10,2	101,9	138,6
Доход выше среднего	115,9	33,0	67,3	168,4
Средний доход	106,0	29,1	63,7	160,6
Доход ниже среднего	64,7	8,7	50,5	84,3
Низкий доход	26,5	3,9	20,9	32,7

Монетизация экономики особенно важна для стран с низким уровнем дохода, поскольку у них выражена тесная взаимосвязь с реальными процентными ставками и объемами ВВП на душу населения. Данный факт может оказывать влияние на правительства этих стран не только как финансовый вектор развития, но и как важная политическая цель.

Обзор динамики КМЭ стран по классификации МВФ

Для обзора динамики коэффициентов монетизации наряду со стандартными аналитическими методиками применим и методику теплового анализа: серый цвет (тепло) означает рост показателя, белый (холодно) – падение.

При анализе КМЭ развитых стран (табл. 3) видно преобладание серого цвета, что говорит об изредка нарушаемых тенденциях к наращиванию ликвидности в экономике и развитию финансовых систем. Сравнительный анализ с общемировыми параметрами показал, что динамика изменений КМЭ в странах с развитой экономикой оказывает влияние и на показатель монетизации мировой экономики: за анализируемый период доля случаев прироста КМЭ в странах с развитой экономикой составила 71,3%, в мире – 70,8%

На протяжении анализируемого периода для всех стран выборки и мира в целом самыми стабильными и «теплыми» годами стали 2016 и 2020 гг. – у всех наблюдается прирост КМЭ. Однако уже в 2023 г. 70% стран из представленной выборки ухудшили свои показатели. Отметим, что в данной выборке явным лидером выступает Гонконг (Китай), уровень КМЭ которого достиг 461,59% в 2022 г. (средний уровень КМЭ за анализируемый период составил 340,23%). Снижение показателя на 11,34% в 2023 г. не повлияло на рейтинговые показатели страны по уровню КМЭ.

Вторую позицию в рейтинге занимает Япония – максимальное значение КМЭ в 2022 г. составило 284,51%. Средний уровень КМЭ – 230,37%.

Тройку лидеров замыкает Китай, уверенно развивающий свою финансовую систему и, в отличие от топ-1 и 2, нарастивший уровень КМЭ в 2023 г., достигнув 227,94%. При этом средний уровень КМЭ у Китая составляет 179,7%, что говорит о плодотворной работе денежных властей, позволившей с 2000 г. увеличить показатель на 92,36%.

Для остальных стран характерен симметричный прирост показателя на протяжении анализируемого периода. В 2023 г. практически во всех странах в выборке уровень КМЭ превышает 100% (кроме Норвегии, уровень монетизации которой составил 60,18%, что даже не доходит до нормативных 70%, не говоря уже об уровне 100–120% для развитых стран).

Т а б л и ц а 3

Динамика коэффициента монетизации в странах
с развитой экономикой (в %)

Год	Мир	САР Гон- конг, Китай	Япо- ния	Китай	Рес- пуб- лика Корея	Объ- еди- нен- ное Коро- левство	Ав- стра- лия	США	Изра- иль	Новая Зе- лан- дия	Нор- вегия
2000	99,17	224,39	229,08	135,58	63,39	94,13	67,52	68,51	79,12	78,88	47,99
2001	95,30	226,53	190,93	141,09	108,20	98,38	70,17	71,64	84,18	80,11	53,84
2002	96,03	231,96	195,33	145,39	111,13	99,37	70,23	72,45	89,33	76,46	57,93
2003	96,86	254,50	196,57	153,55	107,25	103,30	74,60	72,16	88,46	78,32	56,99
2004	95,70	262,82	195,77	149,79	105,09	107,93	77,25	71,55	90,41	75,81	55,31
2005	95,01	257,69	195,05	151,09	106,68	116,19	78,26	72,45	94,55	78,73	54,73
2006	95,80	276,87	192,70	157,49	114,29	125,97	83,37	74,54	94,40	82,98	52,46
2007	96,11	290,58	192,52	149,37	116,88	139,03	90,47	79,48	70,24	84,98	58,40
2008	99,63	289,02	198,39	148,84	123,54	158,75	97,73	84,25	75,52	92,43	54,19
2009	110,50	315,70	216,02	175,09	129,99	163,24	94,32	90,69	75,84	89,52	58,76
2010	107,52	315,26	215,34	176,13	125,55	163,45	100,45	84,85	73,15	92,70	58,59
2011	108,69	323,84	225,22	174,53	126,10	151,15	99,72	87,32	76,19	92,71	57,81
2012	110,90	336,25	228,80	180,87	127,47	147,77	101,19	87,92	76,45	92,78	56,90
2013	111,39	353,92	233,04	186,61	127,98	145,15	105,44	88,46	78,05	92,82	58,64
2014	113,83	363,37	235,02	190,87	132,91	135,30	108,47	89,20	83,43	95,00	60,81
2015	118,78	365,59	233,41	202,11	135,55	134,09	113,19	88,55	82,91	99,17	58,16
2016	122,77	375,04	239,59	207,67	138,30	140,28	118,24	89,46	83,60	100,49	64,99
2017	121,06	396,15	244,02	201,41	137,84	145,29	116,53	89,90	84,37	100,65	64,64
2018	121,30	386,10	248,13	195,04	142,26	148,02	113,79	88,80	83,82	101,71	63,17
2019	123,95	403,31	252,71	197,89	151,40	140,67	122,77	92,38	84,97	100,93	65,31
2020	141,38	454,70	280,37	211,89	164,88	163,83	137,12	109,28	104,60	111,52	76,12
2021	142,33	437,80	281,97	203,84	173,72	165,63	139,00	115,41	108,92	109,20	67,34
2022	139,81	461,59	284,51	217,13	173,85	163,95	134,20	104,88	103,20	102,48	53,84
2023	139,39	450,25	274,59	227,94	174,60	148,87	127,06	100,43	100,25	100,07	60,18

Результаты выборочного теплового анализа стран второй группы (табл. 4) говорят о небольшом перевесе серого цвета, что, по сути, сопоставимо с самим названием группы – страны с формирующимся рынком и развивающиеся. Это подтверждает и сравнительный анализ с общемировыми параметрами: динамика изменений КМЭ в этих странах остается позади от общемировых тенденций. Так, если доля случаев прироста в мире составила 70,8%, то в странах из представленной выборки – 64,9%. На протяжении анализируемого периода для всех стран данной выборки и мира в целом самым стабильным годом стал 2020 г. – у всех наблюдается прирост КМЭ. И только 33% из анализируемых стран ухудшили свои показатели в 2023 г.

Среди представленных в выборке стран по результатам 2023 г. уверенное лидерство принадлежит государству Камбоджа с уровнем КМЭ 148,18%. При этом средний КМЭ за анализируемый период составил всего 64,72%. Еще в 2000 г. уровень монетизации камбоджийской экономики составлял 13%. В 2012 г. показатель монетизации с мизерным отрывом пе-

ресекает минимальный порог КМЭ 50% и становится 50,04%. К нормативному значению КМЭ в 70% страна пришла всего через три года – в 2015 г. уровень КМЭ составлял 72,4%. Рубеж в 100% страна преодолела в 2019 г. и с того времени продолжает наращивать объемы ликвидности в экономике, развивая свою финансовую систему.

Т а б л и ц а 4

Динамика коэффициента монетизации в странах с формирующимся рынком и развивающихся (выборка) (в %)

Год	Мир	Камбоджа	Марокко	Бразилия	Объединенные Арабские Эмираты	Чили	Индия	Южная Африка	Российская Федерация	Монголия	Турция	Аргентина	Казахстан
2000	99,17	13,00	64,05	46,49	33,14	51,58	54,65	47,36	21,55	21,14	33,53	31,85	15,27
2001	95,30	14,11	69,80	58,64	40,81	87,56	57,74	51,42	23,91	23,79	44,27	27,14	17,12
2002	96,03	17,23	73,53	55,00	42,43	87,09	62,62	52,12	26,41	30,33	38,66	27,93	19,17
2003	96,86	18,01	74,07	56,53	43,16	79,32	63,18	53,93	30,00	38,45	33,93	30,10	21,07
2004	95,70	19,99	76,05	56,33	44,92	76,12	64,64	55,04	31,12	35,87	33,20	28,33	28,11
2005	95,01	19,27	83,32	60,13	48,04	74,65	65,55	59,76	33,38	37,49	38,68	28,66	27,21
2006	95,80	23,37	89,98	63,25	48,16	74,68	68,06	65,42	37,62	38,15	40,40	28,05	36,01
2007	96,11	32,21	99,11	68,36	58,65	80,24	72,28	71,09	42,98	48,45	41,73	27,86	36,03
2008	99,63	28,36	101,36	70,49	58,15	77,25	77,37	73,30	39,51	34,59	46,11	23,49	39,04
2009	110,50	37,48	105,02	76,09	78,20	71,89	79,08	69,71	49,30	43,69	51,76	25,32	44,02
2010	107,52	41,61	105,05	74,22	70,20	67,20	77,68	68,17	51,44	47,95	52,88	25,44	38,88
2011	108,69	39,07	106,60	76,83	61,36	75,28	78,84	67,83	47,39	48,67	50,64	24,39	34,53
2012	110,90	50,04	107,53	79,05	60,15	77,63	76,91	66,55	47,29	45,61	49,67	27,18	33,93
2013	111,39	56,34	105,14	78,63	70,96	82,11	78,18	64,98	51,20	49,30	52,19	27,20	32,22
2014	113,83	67,38	108,46	81,91	74,00	82,86	77,90	65,24	54,30	47,84	51,49	25,82	32,27
2015	118,78	72,40	106,49	88,07	87,28	84,36	78,01	67,30	61,83	43,89	52,44	27,69	41,89
2016	122,77	79,17	109,88	93,82	90,37	83,18	74,55	66,31	59,45	50,81	55,22	28,37	42,15
2017	121,06	88,18	110,46	93,06	88,98	78,72	74,14	66,144	59,52	56,63	53,85	28,50	35,78
2018	121,30	100,70	110,49	93,71	83,43	77,63	74,10	66,143	59,12	59,77	53,12	30,41	33,67
2019	123,95	107,66	110,54	96,06	92,06	84,35	76,98	66,91	58,88	55,06	58,77	26,18	30,66
2020	141,38	128,94	128,86	109,15	115,21	93,48	87,68	73,97	69,93	65,36	67,48	34,51	35,27
2021	142,33	143,83	122,44	103,47	102,51	93,68	82,10	70,12	61,69	63,97	71,61	30,65	35,85
2022	139,81	142,08	126,68	104,79	91,48	88,28	83,4	71,36	61,03	55,09	55,50	31,82	33,05
2023	139,39	148,18	122,45	111,48	109,28	84,80	85,3	73,01	65,34	54,63	53,88	35,45	32,12

Вторую позицию занимает Марокко – максимальное значение КМЭ составляло 128,86% в 2020 г. Средний уровень КМЭ – 102,15%. Отметим в данной выборке, что это единственная страна, средний уровень КМЭ которой превышает 100 %.

Замыкает аналитическую группу по результатам 2023 г. Казахстан: среднее значение КМЭ – 32,42%; максимальное КМЭ – 44,02% в 2009 г.; в 2023 г. КМЭ – 32,12%.

Весьма интересным будет сопоставление коэффициентов монетизации со значениями 2024 г. посредством применения вышеописанного метода «теплового» анализа для всей совокупности анализируемых стран (рис. 7).

Согласно графику, в большинстве стран произошло улучшение условий монетизации экономики. Как ожидалось, всего лишь 22,7% стран (5 из 22 в совокупной выборке) в 2024 г. снизили свои уровни монетизации экономики. На рейтинговые позиции первой тройки стран с развитой экономикой это не повлияло: снижение КМЭ в Китае на 16,55% сохраняет за ним третью строку среди лидеров. Изменения коснулись второй группы – прослеживается двойная рокировка: лидером группы становится Марокко с приростом КМЭ на 13,86%, сместив Камбоджу на второе место (падение уровня КМЭ на 18,91%); замыкает рейтинг в 2024 г. в анализируемой выборке Аргентина – снижение КМЭ на 7,02% до уровня 28,43%. Казахстан поднялся на строку выше, вытесняя Аргентину – прирост КМЭ на 3,15% до уровня 35,27%.

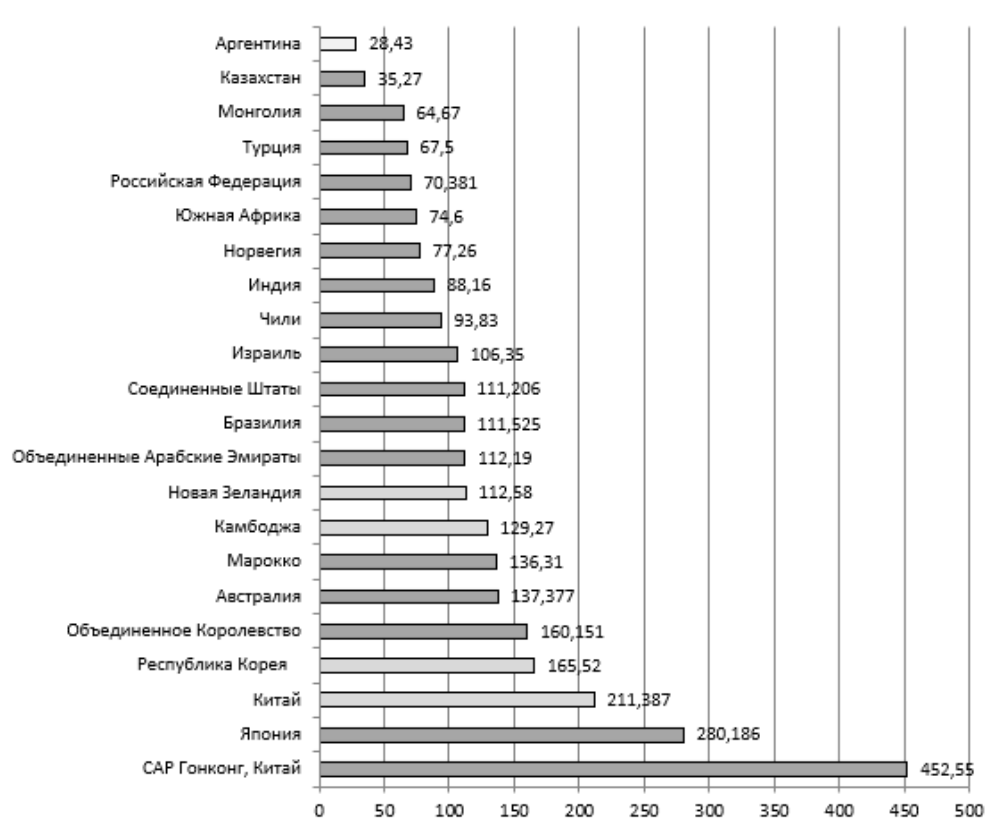

Рис. 7. Уровень монетизации экономики в 2024 г. (в %)

В заключение исследования отметим, что проведенный всесторонний анализ динамики уровня монетизации экономики показал тесную взаимосвязь и, более того, взаимозависимость от состояния финансовой системы и степени развития ее инструментов.

Дефицит широкой денежной массы формирует уязвимости экономики, обеспечивая развитие теневого сектора и снижая уровень государ-

ственного развития. Для повышения уровня монетизации экономики уже недостаточно простой эмиссии денежных средств. Акцент смещается в сторону развития финансовых рынков, и именно их объемы капитализации позволяют обеспечивать непрерывность процесса насыщения экономики деньгами с учетом ее возрастающих потребностей, а также свидетельствуют о развитии финансовой системы государства, тем самым выводя собственные финансовые центры на международную арену.

Список литературы

1. Апулеев И. Биржевые индексы Азии падают после обвала Dow Jones почти на 10%. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/03/13/13002709.shtml?ysclid=m2upp2gr9v117591561> (дата обращения: 20.09.2024).
2. Болвачев А., Айрапетян А. Финансовые центры современного мира // Общество и экономика – 2014. – № 11. – С. 65–74.
3. Лантев С. В. Денежно-кредитная политика как инструмент реализации задач экономического развития // Экономика и управление. – 2018. – № 1. – С. 43–49.
4. Новиков А. В, Новикова И. Я. Финансовое развитие и экономический рост: анализ подходов к проблеме // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12. – № 4. – Ч 2. – С. 251–266.
5. Ордов К. В. Влияние финансового кризиса на перераспределение финансовых ресурсов общества // Финансовая экономика. – 2020. – № 5. – С. 181–182.
6. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение. – М. : Научный эксперт, 2012.
7. Развитие Fintech в Латинской Америке, Африке и Азии: общие тренды 2022–2023. – URL: https://smartgopro.com/novosti2/development_fintech/?ysclid=m2vupx7kel432947706 (дата обращения: 11.10.2024).
8. Рубцов Б. Б. Эволюция институтов финансового рынка экономики // Финансовые институты и экономическое развитие : сборник статей / отв. ред. Д. В. Смыслов. – М. : ИМЭМО РАН, 2006. – С. 13–55.
9. Саврадым В. М. О взаимосвязи уровня развития финансовой системы с уровнем развития экономики в контексте обеспечения финансовой стабильности государства // Сибирская финансовая школа. – 2016. – № 6. – С. 140–143.
10. Спокойных гаваней для капитала нет: итоги биржевой торговли 12 марта. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/03/12/spokoynyh-gavaney-dlya-kapitala-net-itogi-birzhevoy-torgovli-12-marta> (дата обращения: 28.09.2024).
11. Фадейкина Н. В., Саврадым В. М. Влияние внешних экономических санкций по отношению к России и политики дедолларизации на состоя-

ние национальных экономик // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. – 2018. – № 1(2). – С. 185–216.

12. Юрченко О. А. Уровень монетизации как фактор экономического роста России. – URL: <https://adm.nauka20-35.ru/Files/ArticleFiles/4b28aa62-4683-43e8-8f70-c3e3f19ee798.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).

13. African Economic Outlook 2024. – URL: <https://www.afdb.org/en/knowledge/publications/african-economic-outlook> (дата обращения: 12.09.2024).

14. López O. A. R. How are Countries Classified According to their Level of Development? – URL: <https://cemerio.org/en/enciclopedia/e-clasificacion-nivel-desarrollo-paises-fv> (дата обращения: 18.10.2024).

15. Martin M. Nasdaq Tumbles Below 2,000 and Dow Loses 436 Points : A Global Retreat On Stock Markets // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2001/03/13/news/nasdaq-tumbles-below-2000-and-dow-loses-436-points-a-global-retreat-on.html> (дата обращения: 12.10.2024).

16. Methodology: Standard Country or Area Codes for Statistical Use. – URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения: 22.09.2024).

17. Novik V. How The 2008 Financial Crisis Was Solved. – URL: <https://bigeconomics.org/how-the-2008-financial-crisis-was-solved/> (дата обращения: 10.10.2024).

18. The Diverging Fates of AIG and Lehman Brothers: A Comparative Analysis of the 2008 Financial Crisis Bailouts. – URL: <https://angolatransparency.blog/en/why-was-aig-bailed-out-and-not-lehman/> (дата обращения: 12.10.2024).

References

1. Apuleev I. Birzhevyje indeksy Azii padayut posle obvala Dow Jones pochti na 10% [Asian Stock Indexes are Falling by Almost 10% After the Collapse of the Dow Jones]. (In Russ.). Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2020/03/13/13002709.shtml?ysclid=m2upp2gr9v117591561> (accessed 20.09.2024).

2. Bolvachev A., Ayrapetyan A. Finansovye tsentry sovremennogo mira [Financial Centers of the Modern World]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2014, No. 11, pp. 65–74. (In Russ.).

3. Laptev S. V. Denezhno-kreditnaya politika kak instrument realizatsii zadach ekonomicheskogo razvitiya [Monetary Policy as a Tool for the Realization of Economic Development Tasks]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2018, No. 1, pp. 43–49. (In Russ.).

4. Novikov A. V, Novikova I. Ya. Finansovoe razvitie i ekonomicheskiy rost: analiz podkhodov k probleme [Financial Development and Economic

Growth: an Analysis of Approaches to the Problem]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2020, Vol. 12, No. 4, Part 2, pp. 251–266. (In Russ.).

5. Ordov K. V. Vliyanie finansovogo krizisa na pereraspredelenie finansovykh resursov obshchestva [The Impact of the Financial Crisis on the Redistribution of Financial Resources of Society]. *Finansovaya ekonomika*. [Financial Economics], 2020, No. 5, pp. 181–182. (In Russ.).

6. Politicheskoe izmerenie mirovykh finansovykh krizisov. Fenomenologiya, teoriya, ustranenie [The Political Dimension of the Global Financial Crises. Phenomenology, Theory, Elimination]. Moscow, Nauchniy ekspert, 2012. (In Russ.).

7. Razvitie Fintech v Latinskoj Amerike, Afrike i Azii: obshhie trendy 2022–2023 [Fintech Development in Latin America, Africa And Asia: General Trends 2022–2023]. (In Russ.). Available at: https://smartgopro.com/novosti2/development_fintech/?ysclid=m2vupx7kel432947706 (accessed 11.10.2024).

8. Rubtsov B. B. Evolyutsiya institutov finansovogo rynka ekonomiki [The Evolution of Financial Market Institutions in Economics]. *Finansovye instituty i ekonomicheskoe razvitie, sbornik statey* [Financial Institutions and Economic Development, a Collection of Articles], edited by. D. V. Smyslov. Moscow, IMEMO RAN, 2006, pp. 13–55. (In Russ.).

9. Savradym V. M. O vzaimosvyazi urovnya razvitiya finansovoy sistemy s urovnem razvitiya ekonomiki v kontekste obespecheniya finansovoy stabilnosti gosudarstva [On the Relationship Between the Level of Development of the Financial System and the Level of Economic Development in the Context of Ensuring the Financial Stability of the State], *Sibirskaya finansovaya shkola* [Siberian Financial School], 2016, No. 6, pp. 140–143. (In Russ.).

10. Spokoynykh gavaney dlya kapitala net: itogi birzhevoy trgovli 12 marta [There are no Quiet Harbors for Capital: the Results of Stock Trading on March 12]. (In Russ.). Available at: <https://eaily.com/ru/news/2020/03/12/spokoynyh-gavaney-dlya-kapitala-net-itogi-birzhevoy-torgovli-12-marta> (accessed 28.09.2024).

11. Fadeykina N. V., Savradym V. M. Vliyanie vneshnikh ekonomicheskikh sanktsiy po otnosheniyu k Rossii i politiki dedollarizatsii na sostoyanie natsionalnykh ekonomik [The Impact of External Economic Sanctions Against Russia and the Policy of Dedollarization on the State of National Economies]. *Nepreryvnoe professionalnoe obrazovanie i novaya ekonomika*. [Continuing Professional Education and the New Economy], 2018, No. 1 (2), pp. 185–216. (In Russ.).

12. Yurchenko O. A. Uroven monetizatsii kak faktor ekonomicheskogo rosta Rossii [The Level of Monetization as a Factor of Russia's Economic Growth]. (In Russ.). Available at: <https://adm.nauka20-35.ru/Files/ArticleFiles/4b28aa62-4683-43e8-8f70-c3e3f19ee798.pdf> (accessed 12.10.2024).

13. African Economic Outlook 2024. Available at: <https://www.afdb.org/en/knowledge/publications/african-economic-outlook> (accessed 12.09.2024).

14. López O. A. R. How are Countries Classified According to their Level of Development? Available at: <https://cemerl.org/en/enciclopedia/e-clasificacion-nivel-desarrollo-paises-fv> (accessed 18.10.2024).

15. Martin M. Nasdaq Tumbles Below 2,000 and Dow Loses 436 Points: A Global Retreat on Stock Markets // *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2001/03/13/news/nasdaq-tumbles-below-2000-and-dow-loses-436-points-a-global-retreat-on.html> (accessed 12.10.2024).

16. Methodology: Standard Country or Area Codes for Statistical Use. – Available at: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (accessed 22.09.2024).

17. Novik V. How The 2008 Financial Crisis Was Solved. Available at: <https://bigeconomics.org/how-the-2008-financial-crisis-was-solved/> (accessed 10.10.2024).

18. The Diverging Fates of AIG and Lehman Brothers: A Comparative Analysis of the 2008 Financial Crisis Bailouts. Available at: <https://angolatransparency.blog/en/why-was-aig-bailed-out-and-not-lehman/> (accessed 12.10.2024).

Поступила: 19.12.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Сведения об авторах

Алексей Ильич Болвачев

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры финансов
устойчивого развития
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: abol55@mail.ru

Виктория Михайловна Саврадым

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры права и экономической
безопасности Севастопольского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: Севастопольский филиал Россий-
ского экономического университет
имени Г. В. Плеханова», 299053,
Севастополь, ул. Вакуленчука, д.29
E-mail: balvik@inbox.ru

Information about the authors

Alexey I. Bolvachev

Doctor of Economics, Professor, Professor
of the Department for Finance
of Sustainable Development
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: abol55@mail.ru

Victoria M. Savradym

PhD, Assistant Professor, Assistant
Professor of the Department
of Law and Economic Security
of Sevastopol Branch of the PRUE.

Address: Sevastopol Branch of Plekhanov
Russian University of Economics,
29 Vakulenchuk str., Sevastopol, 299053,
Russian Federation.
E-mail: balvik@inbox.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-61-73>

ЗАЩИТА ПРАВ ПРИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ В ЕАЭС

И. А. Кутенина, Н. П. Чернявская

Курганский государственный университет, Курган, Россия

Предприниматель или иной представитель бизнес-среды, производящий и реализующий продукцию (работы, услуги), содержащую объекты интеллектуальной собственности, должны обеспечивать права, связанные с ними. Это позволит защитить инвестиции в результаты интеллектуальной деятельности, а также средства индивидуализации (товарные знаки и т. п.), что обеспечит коммерческий успех предприятия на выбранном сегменте рынка, предоставит возможность экономическому субъекту занять более выгодные по сравнению с конкурентами рыночные позиции и, как следствие, увеличить объемы производства и реализации продукции (работ, услуг) на внутреннем и международном рынках. В соответствии со статьей 1225 ГК РФ к охраняемым объектам интеллектуальной собственности (ОИС) отнесены объекты авторского права и смежных прав. Цель статьи – выявить различия в терминологии между пониманием дефиниций «контрафактная продукция (контрафакт)» и «фальсифицированная продукция (фальсификат)», исследовать требования законодательства ЕАЭС и Российской Федерации в данной сфере и определить направления повышения эффективности деятельности таможенных органов в сфере охраны прав на ОИС. Предметом исследования является изучение работы таможенных органов Российской Федерации, направленной на предупреждение правонарушений в области интеллектуальной собственности. Основные методы исследования – генезис сущности и содержания базовых понятий, сравнительный анализ, обобщение и др. Результаты проведенной работы иллюстрируют необходимость дальнейшего развития маркировки продукции, а также принятия активных мер по ведению Единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств – членов ЕАЭС.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, таможенные органы, контрафактная продукция, фальсификат, маркировка, ТРОИС.

PROTECTION OF RIGHTS IN INTERNATIONAL TRADE OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE EAEU

Irina A. Kutenina, Nadezhda P. Chernyavskaya

Kurgan State University, Kurgan, Russia

An entrepreneur or other representative of the business environment producing and selling products (works, services) containing intellectual property objects must ensure the rights associated with them. This will protect investments in the results of intellectual activity, as well as means of individualization (trademarks, etc.), which will ensure the commercial success of the enterprise in the selected market segment, provide an opportunity for an economic entity to take more advantageous market positions compared to competitors and, as a result, increase the

volume of production and sales of products (works, services) in the domestic and international markets. In accordance with Article 1225 of the Civil Code of the Russian Federation, protected intellectual property objects (IPO) include copyright and related rights. The purpose of the article is to identify the differences in terminology between the understanding of the definitions of "counterfeit goods (counterfeit)" and "falsified goods (counterfeit)", to study the requirements of the legislation of the EAEU and the Russian Federation in this area and to determine the directions for improving the efficiency of customs authorities in the field of protecting rights to IPO. The subject of the research is the study of the work of the customs authorities of the Russian Federation aimed at preventing violations in the field of intellectual property. The main research methods are the genesis of the essence and content of basic concepts, comparative analysis, generalization, etc. The results of the work illustrate the need for further development of product labeling, as well as the adoption of active measures to maintain the Unified Customs Register of Intellectual Property Objects of the EAEU Member States.

Keywords: intellectual property, customs authorities, counterfeit goods, counterfeit, labeling, TROIS.

Введение

Основной причиной нарушения прав на ОИС является распространение фальсифицированной и контрафактной продукции. Доля контрафактной и фальсифицированной продукции на отечественном рынке практически не изменяется на протяжении уже длительного периода и составляет не менее 35%. Это объясняется высоким уровнем прибыльности подобной продукции, которая в несколько десятков раз превышает размеры штрафов [14].

Для предотвращения незаконного перемещения товаров, реализации контрафактной и фальсифицированной продукции в Российской Федерации законодательно определены функции и задачи органов государственной власти и управления. Одно из главных мест в этой системе занимает ФТС России.

Основной целью таможенных органов России в организации защиты прав на ОИС является обеспечение национальной безопасности нашей страны, а именно пресечение незаконного оборота ОИС при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС. Выполнение данной правоохранительной функции таможенной службой Российской Федерации реализуется посредством препятствия свободному перемещению контрафакта и фальсификата через таможенную границу ЕАЭС. Соответствующие меры применяются в отношении ОИС, ввоз и/или вывоз которых либо совершение с ними иных действий при нахождении под таможенным контролем приведет к нарушению прав правообладателя в соответствии с действующим законодательством [10; 14].

В целях предотвращения нарушения прав правообладателей ОИС при перемещении данных объектов через таможенную границу ЕАЭС таможенные органы Российской Федерации для выявления контрафакта используют Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС); решение о приостановлении срока выпуска товаров, обла-

дающих признаками контрафактных; систему управления рисками. При этом остается нерешенной проблема информирования правообладателями таможенных органов о направлении, способах поставки, местах сокрытия контрафакта. Таможенные органы получают информацию от других органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, пострадавших потребителей и др. Еще одной проблемой является перемещение контрафакта через таможенную границу физическими лицами, не знающими норм законодательства в сфере защиты ОИС. Это говорит о низкой культуре потребления и невысокой платежеспособности россиян, покупающих более дешевые товары [14].

Результаты исследования

Защита прав на ОИС напрямую связана с пресечением перемещения через таможенную границу ЕАЭС фальсификата и контрафактной продукции. При этом наблюдается негативный тренд – рост объемов ввозимой в Россию контрафактной продукции. Опасность в этом случае состоит не только в нарушении экономической безопасности нашей страны, но и в том, что фальсификат и контрафакт могут нанести вред здоровью и имущественным интересам потребителей. Кроме того, распространение подобных товаров влечет за собой ущерб правообладателям и экономике страны в целом (существует большая вероятность непоступления в бюджет таможенных и налоговых платежей в полном объеме) [14].

Как ранее отмечалось, к ОИС относят не только собственно результаты интеллектуальной деятельности, но и приравненные к ним средства индивидуализации, в отношении которых предоставляется правовая охрана. Охрана и защита прав на ОИС обеспечивается специальным механизмом законодательного регулирования (рис. 1) [2, 3].

Рис. 1. Система правового регулирования правовой защиты ОИС

В рамках разговора о защите прав на ОИС необходимо разобраться с тем, что понимается под контрафактной продукцией. Дефиниция «контрафакт» пришла в российскую практику из Западной Европы: в переводе с латинского означает симбиоз двух слов *contre*, т. е. подделка, и *faire* – делать; от английского *counterfeit* переводиться как «подделка, фальшивка»; или французского – *contrefaçon* – «подделка, фальшивка». В таком значении «контрафакт» присутствует в правовых системах многих стран мира и преследуется по закону [6].

Контрафактную продукцию можно разделить на несколько групп в зависимости от содержания средств индивидуализации (рис. 2).

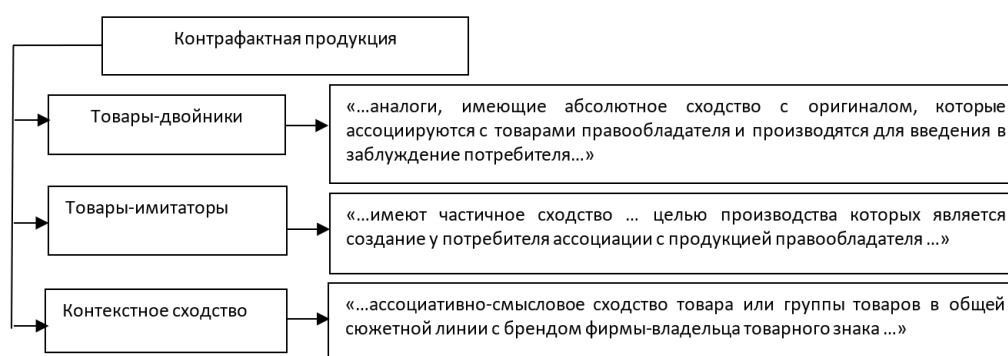

Рис. 2. Виды контрафактной продукции

Зачастую в СМИ и научной литературе термин «контрафактная продукция» используется как синоним «фальсифицированной продукции». Но это неприемлемо с юридической точки зрения.

Необходимо четко понимать разницу между двумя на первый взгляд содержательно похожими понятиями – «контрафакт» и «фальсификат». Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации «... товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными...», в свою очередь пункт 4 статьи 1519 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит, что «... товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно использовано географическое указание, являются контрафактными...»¹.

Законодательное содержание понятия «фальсификат» содержится в статье 1 Федерального закона Российской Федерации от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ: «...фальсифицированные пищевые продукты, материалы и изделия – пищевые продукты, материалы и изделия, которые являются

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 06.08.2024).

умышленно измененными (поддельными) и (или) имеют скрытые свойства и качество, и (или) информация о которых является заведомо неполной и (или) недостоверной...»¹.

Таким образом, контрафактная продукция одновременно может быть и фальсификатом, но фальсификат не всегда является контрафактом. Это связано с тем, что признание продукции фальсифицированной предваряется нарушением производственного процесса и/или использованием в составе продукции не указанных в ее составе компонентов, а также нарушением технологии. Чаще всего производитель продукции использует более дешевые и доступные компоненты в целях снижения себестоимости. Однако это имеет отрицательные последствия – изменение свойств и качества готового товара. Контрафакт представляет собой продукцию, которая копирует известные торговые марки. Кроме того, у производителей контрафакта и фальсификата разные цели, так как последний производится и реализуется с целью обмана потребителей в отношении свойств товара [4; 15].

Целью производства контрафакта являются продажи компаниями товаров, сходных с продукцией популярных и знаменитых брендов путем использования их товарных знаков для получения дохода [5]. Отечественным законодательством предусмотрено наказание за нарушение интеллектуальных прав в виде гражданской, административной и уголовной ответственности.

Наличие фальсифицированной и контрафактной продукции способствует формированию криминального рынка, наносящего значительный ущерб мировому хозяйству. Теневой бизнес является общественно опасным явлением в любом государстве и наносит ущерб мировой экономике. Например, ЕС терпит более 15 млрд евро убытков ежегодно из-за контрафактной продукции, а в России объем данного рынка достигает 2,5 трлн рублей в год [1]. Следовательно, контрафактная и фальсифицированная продукция должны рассматриваться как глобальная проблема, поскольку контрафакт составляет около 5% мирового ВВП. Так, наиболее часто подделывают детские игрушки (35%), одежду и обувь (29%), электронику и аксессуары (около 18%), бытовую химию (почти 13%), парфюмерию (10%) и др. [11].

Толчком к расширению объемов криминализации мировой экономики стала пандемия COVID-19, во время которой действовали жесткие государственные ограничения во всем мире. Нарушителями были реализованы новые способы производства и реализации фальсифицированной и контрафактной продукции. Это явление особенно опасно, поскольку затронуло фармацевтическую отрасль, производство табачной и алкоголь-

¹ Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/ (дата обращения: 06.08.2024).

ной продукции. Одним из факторов, ведущих к росту контрафакта в экономике России, стало падение покупательной способности населения. В этом случае люди выбирают более дешевые, пусть и низкосортные, товары. Незаконным поставкам товаров способствует и разница в государственном регулировании экономики среди участников ЕАЭС [1; 12].

Вместе с тем контрафакт не выгоден ни одной из сторон: ни покупателю, ни продавцу или производителю. Последние несут убытки из-за появления на рынке контрафакта или фальсификата, использовавшего их известность и репутацию. Для потребителей поддельная продукция может быть просто опасна. Самый безобидный ущерб, если приобретенный товар быстро придет в негодность вследствие низкого качества.

Главная проблема современного контрафакта – его трудно отличить от оригинала. Современные преступники – это крупные производители, обеспеченные современным производством и технологиями. Получаемая прибыль зачастую выше предусмотренных законом штрафов, что делает теневой бизнес весьма прибыльным [1; 7; 11]. В связи с этим можно наблюдать сложившийся тренд к увеличению преступлений в сфере охраны ОИС, обусловленный производством контрафакта и фальсификата. Наличие подобной угрозы способствует формированию нелицеприятного образа России на международном товарном рынке и приводит к увеличению степени криминализации экономики [5].

Об уровне контрафакта в России свидетельствует информация, приведенная на сайте РБК¹. За 2019–2023 гг. теневой рынок в нашей стране вырос на 58% (в текущих ценах). Оборот контрафакта в 2023 г. составил 4,9 трлн рублей (более 10% от всего розничного оборота, что в 5 раз выше общемирового показателя). В результате федеральный бюджет понес убытки: недополучено 976,9 млрд рублей НДС, 294,4 млрд рублей недополучено по подакцизным товарам.

Стоит отметить, что в основном подделывают товары fashion-индустрии, продукты питания, алкоголь, табачные изделия и никотин-содержащую продукцию, безалкогольные напитки. В качестве основных факторов, обусловивших рост теневого рынка, исследователи выделили инфляцию, параллельный импорт, мораторий на проверки бизнеса и стремительное развитие маркетплейсов. При этом почти 25% приходится на так называемую нецивилизованную розницу (ярмарки, рынки) [11].

Большая доля контрафакта поступает в нашу страну из Китая, поэтому важная роль возложена на таможенные органы Российской Федерации. При этом основной задачей ФТС России является идентификация контрафакта и фальсификата при осуществлении таможенного контроля [4]. Несмотря на расширение объемов контрафакта, наблюдается тренд на увеличение числа выявленных правонарушений в сфере обра-

¹ РБК Исследования рынков. – URL: <https://rbc.group/projects/issledovaniya-rynkov?Ysclid=m71wqgk0tg567950138>

щения ОИС. Федеральная таможенная служба Российской Федерации в лице таможенных органов играет ключевую роль в борьбе с оборотом контрафактной и фальсифицированной продукции, поскольку ее основная часть поступает именно из-за рубежа. Отечественные таможенники при осуществлении деятельности в сфере охраны прав на ОИС руководствуются Таможенным кодексом ЕАЭС и КоАП РФ (статьи 14.10 и 7.12) [9].

В настоящее время основным инструментом защиты прав на ОИС служит Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности. Правообладатели регистрируют в ТРОИС объекты интеллектуальной собственности (авторские и смежные права, товарные знаки и знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров и пр.) в целях защиты своих исключительных прав. В случае выявления контрафакта и/или фальсификата, таможенный орган приостанавливает срок выпуска данного товара и сообщает об этом правообладателю. Последний в свою очередь решает, как дальше поступить, разрешить выпуск товара или заявить о привлечении участника ВЭД к ответственности [13].

Развитие мирового рынка ОИС показывает высокие темпы, поскольку почти 80% международной торговли составляют товары, которые можно отнести к категории ОИС. Данный тренд обнажает вторую составляющую мировой торговли – необходимость трансформации таможенного контроля ОИС с позиции цифрового взаимодействия всех заинтересованных органов (ФНС, ФТС, Роспотребнадзора и др.) в сфере защиты таких товаров от противоправных действий третьих лиц. Механизм совершенствования таможенного контроля ОИС должен основываться на законности, уважении прав и интересов лиц, участвующих в обеспечении защиты прав на ОИС, соблюдении международных НПА в исследуемой области и др. В этом случае можно говорить об эффективном использовании прав на ОИС в мировой торговле [10; 12; 13].

Необходимо учитывать, что наиболее актуальной проблемой при обеспечении защиты интеллектуальных прав является несогласованность взаимных действий таможенных органов и правообладателей. Зачастую правообладатели после уведомления таможенных органов о возможном нарушении их прав на ОИС разрешают ввоз таких товаров или в случае малозначительности нарушения не привлекают нарушителя к ответственности. Иногда правообладатели самостоятельно решают вопросы с нарушителями без информирования таможенной службы. Из этого вытекает следующая проблема – низкая активность и безынициативность правообладателей, когда они имеют достоверную информацию о каналах сбыта, местах хранения контрафакта и фальсификата. Источниками информации могут быть собственная служба безопасности, частные охранные предприятия, розничные торговые сети и др. [3; 15].

На протяжении нескольких лет ведутся дискуссии о создании в ЕАЭС цифровой системы прослеживаемости товаров. Данная система может быть органично встроена в интегрированную информационную систему Союза. Последнее не отменяет необходимости и целесообразности разработки и введения странами – членами ЕАЭС аналогичных национальных систем (НИС).

К задачам реализации НИС в России можно отнести обеспечение взаимодействия с информационными системами ФТС и ФНС, создание совместной возможности мониторинга и анализа данных федеральными службами общих объектов контроля, а также взаимодействие с другими странами – членами ЕАЭС. Так, с 1 июля 2019 г. по 30 июня 2020 г. в России был проведен эксперимент в отношении документальной прослеживаемости. Цель – отслеживание баланса товаров, поступивших на рынок через границу и их обращение на внутреннем рынке. Под эксперимент попали бытовые электротовары, тяжелая техника, детские коляски, интегральные электронные схемы и др. Движение товаров контролировалось посредством системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) ФТС и ФНС России. Обмен информацией осуществлялся с применением ЕАИС ТО и АИС «Налог-3». Если рассматривать так называемую физическую прослеживаемость, то она реализуется посредством введения маркировки продукции [12; 15].

Основной проблемой при решении вопроса о том, относится ли ввозимая продукция к контрафакту, фальсификату или является оригинальной, на протяжении длительного времени является идентификация товаров при проведении таможенного контроля. Еще на стадии документального контроля можно определить целесообразность проведения более детальной проверки. Прежде всего важно правильно декларировать товар и рассчитать таможенную стоимость. Речь идет о том, что при декларировании товаров, содержащих признаки ОИС, декларант обязан заявить таможенному органу о наличии исключительных прав на использование объекта (рис. 3) [4].

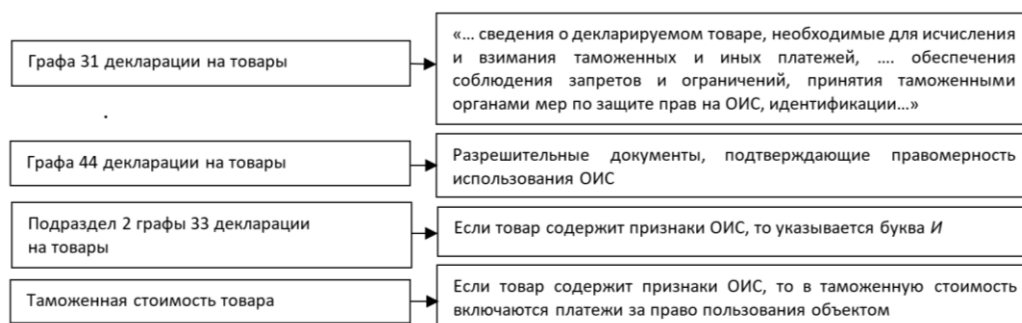

Рис. 3. Сведения об ОИС, указываемые при декларировании

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в настоящее время целесообразно организовывать защиту ОИС в целях предотвращения ущерба их правообладателям и минимизации отрицательного воздействия на национальную и мировую экономику. Степень насыщения рынка контрафактом влияет на инвестиционный климат в регионе или стране. Наличие на рынке значительного количества контрафактных товаров снижает уровень защиты наиболее привлекательных для инвесторов активов. Поэтому таможенные органы всех стран ведут активную борьбу с нарушениями в сфере защиты интеллектуальной собственности: ведение реестров ОИС, взаимодействие с правообладателями, сотрудничество с контролирующими органами (национальными, наднациональными и международными), использование различных технологий маркировки товаров, нанесение голограмм и др. [8].

Наибольший интерес представляет цифровая маркировка товаров, т. е. нанесение средств идентификации на товар и внесение информации как о самом товаре, так и о средстве идентификации в информационную систему маркировки. С 29 марта 2019 г. вступило в силу Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в ЕАЭС. Национальные системы прослеживаемости (НСП) разрабатываются в каждом государстве – члене ЕАЭС на основе национального законодательства, но в рамках вышеназванного Соглашения.

Сущность обязательной маркировки заключается в «... обеспечении полной прослеживаемости оборота товара: от производства или ввоза на территорию ЕАЭС до вывода из оборота путем розничной реализации или иным способом...». В данном процессе заинтересованы все участники ВЭД: производитель (продавец-экспортер), покупатель (импортер), посредники, экспедиторские и логистические компании, таможенные органы и т. п. [15].

Сегодня цифровая маркировка производится при помещении определенных товаров под таможенные процедуры выпуска для внутреннего потребления и реимпорта. Обмен информацией по маркировке производится с ФНС, Роспотребнадзором, ФСБ, МВД и др. Система прослеживаемости товаров дает возможность ФТС получать информацию о фактических характеристиках продукции в части информации, получаемой из налоговой декларации; сведений, получаемых об импорте и экспорте ЕАЭС [8]. Несмотря на введение маркировки для некоторых видов продукции, единого отлаженного алгоритма проведения подобных маркировок товаров на территории ЕАЭС нет. При этом в графе 31 ДТ (под номером 13) должны «... указываться сведения об общем количестве кодов идентификации, нанесенных на каждую единицу товара, а также кодовое обозначение уровня маркировки...» [5; 12].

Заключение

Посредством реализации таможенными органами фискальной функции государство формирует свой бюджет, источником которого является производственно-хозяйственная деятельность экономических субъектов, в том числе связанная с внешней торговлей. Следовательно, нарушение обязанностей по уплате таможенных платежей находится под пристальным контролем органов государственной власти и управления. Развитие цифровых технологий дает дополнительные возможности по таможенному контролю и в конечном итоге обеспечивает экономическую безопасность государства. Ключевым элементом прослеживаемости товаропотоков должно стать повсеместное использование IT-технологий, особенно в рамках ЕАЭС.

Безусловным лидером в реализации системы НСП среди стран ЕАЭС считается Российская Федерация. В нашей стране реализуются следующие виды прослеживаемости: документальная и физическая (маркировка). В целях апробации в 2019 г. был запущен эксперимент по маркировке табачной продукции, лекарственных препаратов, обувных товаров. Итоги эксперимента показали, что в большинстве ситуаций потребность в дополнительном оборудовании незначительна и значительной трансформации технологических и коммерческих процессов не требуется. Таможенные органы были задействованы в эксперименте, начиная с его подготовки [7].

В настоящее время в сфере защиты прав на ОИС не существует единого унифицированного способа борьбы с контрафактом и фальсификацией товаров. Оптимальным результатом трансформации взаимодействия правообладателей и таможенной службы должно стать наиболее эффективное вовлечение первых в защиту собственных интересов [10].

Список литературы

1. *Александрова Л. И.* Контрафакт как криминальное явление: средства противодействия // *Юридический вестник Самарского университета.* – 2021. – № 3. – С. 59–65.
2. *Афонин П. Н., Лебедева Е. С.* Анализ современного состояния таможенного контроля объектов интеллектуальной собственности // *БИТ.* – 2019. – № 1 (9). – С. 27–32.
3. *Афонин П. Н., Лебедева Е. С.* Концептуальная модель совершенствования информационно-технического взаимодействия таможенных органов в сфере защиты интеллектуальной собственности // *БИТ.* – 2019. – № 2 (10). – С. 45–50.
4. *Берлова Н. В., Чадова Т. В.* Идентификация контрафактных товаров при таможенном контроле // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке.* – 2018. – № 2 (83). – С. 47–58.

5. Богданов Ю. В., Сорокина О. В. Таможенные аспекты борьбы с контрафактными товарами // Вестник экспертного совета. – 2020. – № 2-3 (21-22). – С. 42–48.
6. Гладченко В. А., Михайлова С. А. Особенности информационно-технического взаимодействия единой национальной системы цифровой маркировки и прослеживаемости товаров «честный знак» и единой автоматизированной информационной системы таможенных органов при совершении таможенных операций, связанных с выпуском ввозимой маркируемой продукции // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 7-4 (76). – С. 10–17.
7. Коварда В. В., Лаптев Р. А., Тимофеева О. Г. Перспективы повышения уровня экономической безопасности в контексте цифровизации экономических процессов посредством развития системы прослеживаемости в ЕАЭС // Вестник евразийской науки. – 2020. – № 5.
8. Лубик А. Ф. Система прослеживаемости товаров как инструмент борьбы с ввозом и оборотом контрафактных товаров // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 2. – С. 165–173.
9. Маслова И. С., Исаева К. Н. Понятие контрафакта в российском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С. 74–76.
10. Немирова Т. А. Деятельность таможенных органов по защите интеллектуальной собственности // Эпоха науки. – 2017. – № 12. – С. 52–56.
11. Сальникова А. В. Современный российский рынок контрафактной продукции: ведущие факторы и тенденции // Электронный научный журнал «Век качества». – 2024. – № 3. – С. 69–89.
12. Синяговская Е. С., Куроптев Н. Б. Деятельность таможенных органов Российской Федерации в рамках функционирования системы прослеживаемости товаров // БИТ. – 2020. – № 2 (14). – С. 42–47.
13. Хайнова Е. Л. Анализ деятельности таможенных органов по борьбе с оборотом контрафактной продукции на примере Владимирской таможни // Скиф. – 2019. – № 5-1 (33). – С. 14–19.
14. Чадова Т. В., Берлова Н. В. Проблемы выявления контрафактных и фальсифицированных товаров во внешнеторговой деятельности // Вестник Российской таможенной академии. – 2019. – № 1. – С. 85–89.
15. Шаурина О. С., Кривушина О. А. О маркировке товаров контрольными (идентификационными) знаками в Российской Федерации // Век качества. – 2019. – № 4. – С. 167–183.

References

1. Aleksandrova L. I. Kontrafakt kak kriminalnoe yavlenie: sredstva protivodeystviya [Counterfeiting as a Criminal Phenomenon: Means of Counteraction]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara University], 2021, No. 3, pp. 59–65. (In Russ.)
2. Afonin P. N., Lebedeva E. S. Analiz sovremennogo sostoyaniya tamozhennogo kontrolya obektov intellektualnoy sobstvennosti [Analysis of the Current State of Customs Control of Intellectual Property Objects]. *BIT*, 2019, No. 1 (9), pp. 27–32. (In Russ.)

3. Afonin P. N., Lebedeva E. S. Kontseptualnaya model sovershenstvovaniya informatsionno-tehnicheskogo vzaimodeystviya tamozhennykh organov v sfere zashhity intellektualnoy sobstvennosti [Conceptual Model for Improving Information and Technical Interaction of Customs Authorities in the Field of Intellectual Property Protection]. *BIT*, 2019, No. 2 (10), pp. 45–50. (In Russ.)

4. Berlova N. V., Chadova T. V. Identifikatsiya kontrafaktnykh tovarov pri tamozhennom kontrole [Identification of Counterfeit Goods During Customs Control]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke* [Customs Policy of Russia in the Far East], 2018, No. 2 (83), pp. 47–58. (In Russ.)

5. Bogdanov Yu. V., Sorokina O. V. Tamozhennye aspekty borby s kontrafaktnymi tovarami [Customs Aspects of The Fight Against Counterfeit Goods]. *Vestnik ekspertnogo soveta* [Bulletin of the Expert Council], 2020, No. 2-3 (21-22), pp. 42–48. (In Russ.)

6. Gladchenko V. A., Mikhaylova S. A. Osobennosti informatsionno-tehnicheskogo vzaimodeystviya edinoy natsionalnoy sistemy tsifrovoy markirovki i proslezhivaemosti tovarov «chestniy znak» i edinoy avtomatizirovannoy informatsionnoy sistemy tamozhennykh organov pri sovershenii tamozhennykh operatsiy, svyazannykh s vypuskom vvozimoy markiruemykh produktov [Features of Information and Technical Interaction of the Unified National System of Digital Marking and Traceability of Goods "Honest Sign" and the Unified Automated Information System of Customs Authorities When Performing Customs Operations Related to the Release of Imported Marked Products]. *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh Evraziyskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2020, No. 7-4 (76), pp. 10–17. (In Russ.)

7. Kovarda V. V., Laptev R. A., Timofeeva O. G. Perspektivy povysheniya urovnya ekonomicheskoy bezopasnosti v kontekste tsifrovizatsii ekonomicheskikh protsessov posredstvom razvitiya sistemy proslezhivaemosti v EAES [Prospects for Increasing the Level of Economic Security in the Context of Digitalization of Economic Processes Through the Development of a Traceability System in the EAEU] *Vestnik evraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2020, No. 5. (In Russ.)

8. Lubik A. F. Sistema proslezhivaemosti tovarov kak instrument borby s vvozom i oborotom kontrafaktnykh tovarov [The System of Traceability of Goods as a Tool for Combating the Import and Circulation of Counterfeit Goods] *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii* [Bulletin of the Russian Customs Academy], 2020, No. 2, pp. 165–173. (In Russ.)

9. Maslova I. S., Isaeva K. N. Ponyatie kontrafakta v rossiyskom zakonodatelstve [The Concept of Counterfeit in Russian Legislation]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian Legislation], 2018, No. 5, pp. 74–76. (In Russ.)

10. Nemirova T. A. Deyatelnost tamozhennykh organov po zashhite intellektualnoy sobstvennosti [Activities of Customs Authorities to Protect Intellectual Property]. *Epokha nauki* [The Age of Science], 2017, No. 12, pp. 52–56. (In Russ.)

11. Salnikova A. V. Sovremenniy rossiyskiy rynek kontrafaktnoy produktov: vedushhie faktory i tendentsii [Modern Russian Market of Counterfeit Products: Leading Factors and Trends]. *Elektronniy nauchniy*

zhurnal «Vek kachestva» [Electronic Scientific Journal "Vek Kachestva"], 2024, No. 3, pp. 69–89. (In Russ.)

12. Sinyagovskaya E. S., Kuroptev N. B. Deyatel'nost' tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii v ramkakh funktsionirovaniya sistemy proslezhivaemosti tovarov [Activities of the Customs Authorities of the Russian Federation within the Framework of the Functioning of the Goods Traceability System]. *BIT*, 2020, No. 2 (14), pp. 42–47. (In Russ.)

13. Khaynova E. L. Analiz deyatel'nosti tamozhennykh organov po borbe s oborotom kontrafaktnoy produktsii na primere Vladimirskoy tamozhni [Analysis of the Activities of Customs Authorities in Combating the Circulation of Counterfeit Products Using the Example of Vladimir customs]. *Skif*, 2019, No. 5–1 (33), pp. 14–19. (In Russ.)

14. Chadova T. V., Berlova N. V. Problemy vyyavleniya kontrafaktnykh i falsifitsirovannykh tovarov vo vneshnetorgovoy deyatel'nosti [Problems of Identifying Counterfeit and Falsified Goods in Foreign Trade Activities]. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii* [Bulletin of the Russian Customs Academy], 2019, No. 1, pp. 85–89. (In Russ.)

15. Shaurina O. S., Krivushina O. A. O markirovke tovarov kontrol'nymi (identifikatsionnymi) znakami v Rossiyskoy Federatsii [On the Marking of Goods with Control (Identification) Marks in the Russian Federation]. *Vek kachestva* [Century of Quality], 2019, No. 4, pp. 167–183. (In Russ.)

Поступила: 14.01.2025

Принята к печати: 28.01.2025

Сведения об авторах

Ирина Александровна Кутенина

кандидат экономических наук,
доцент, доцент кафедры
«Государственное
и муниципальное управление,
внешнеэкономическая деятельность
и менеджмент» КГУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Курганский
государственный университет»,
640002, Курганская обл., Курган,
ул. Советская, д. 63, стр. 4.
E-mail: arishkaartam@mail.ru

Надежда Петровна Чернявская

старший преподаватель
кафедры «Государственное
и муниципальное управление,
внешнеэкономическая деятельность
и менеджмент» КГУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Курганский
государственный университет»,
640002, Курганская обл., Курган,
ул. Советская, д. 63, стр. 4.
E-mail: chernnp@mail.ru

Information about the authors

Irina A. Kutenina

PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public and municipal administration,
foreign economic activity and management
of Kurgan State University.
Address: Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
Kurgan State University 63, building 4
Sovetskaya Street, Kurgan Region, Kurgan,
640002, Russian Federation.
E-mail: arishkaartam@mail.ru

Nadezhda P. Chernyavskaya

Senior Lecturer of the Department
of Public and municipal administration,
foreign economic activity and management
of Kurgan State University.
Address: Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
Kurgan State University 63, building 4
Sovetskaya Street, Kurgan Region, Kurgan,
640002, Russian Federation.
E-mail: chernnp@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-74-87>

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ДИВЕРСИФИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ЭКСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

М. И. Ливенец

Нижевартовский государственный университет,
Нижевартовск, Россия;

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

В статье рассматривается методический подход к оценке диверсификационной активности экспортной деятельности на уровне регионов Российской Федерации. Предложен интегральный индекс, который учитывает показатели диверсификации, отражающие динамику экспортной деятельности отдельного региона. Оценка диверсификационной активности на основе данного индекса позволяет классифицировать регионы по уровню их экспортного потенциала, выявить риски и возможности для дальнейшего развития внешней торговли. Применение рассмотренной методики на примере регионов Уральского федерального округа продемонстрировало возможность выявления устойчивых тенденций в диверсификации экспортных потоков и определения приоритетных направлений государственной и региональной политики в сфере внешней торговли. Результаты исследования могут служить основой для разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию экспортной стратегии на региональном уровне.

Ключевые слова: диверсификация экспорта, экспортная деятельность, интегральный индекс, УрФО.

METHODOICAL APPROACH TO ASSESSING THE DIVERSIFICATION ACTIVITY OF A REGION'S EXPORT ACTIVITY

Mikhaela I. Livenets

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia
Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia

The article offers a methodological approach to assessing the diversification activity of export activities at the regional level of the Russian Federation. An integral index is proposed that takes into account the diversification indicators reflecting the dynamics of export activity in a particular region. The assessment of diversification activity based on this index makes it possible to classify regions by the level of their export potential, identify risks and opportunities for further development of foreign trade. The application of the proposed methodology on the example of the regions of the Ural Federal District demonstrated the possibility of identifying sustainable trends in the diversification of export flows and identifying priority areas of state and regional policy in the field of foreign trade. The results of the study can serve as a basis for

the development of scientifically sound recommendations for improving the export strategy at the regional level.

Keywords: export diversification, export activity, integral index, Ural Federal District.

Введение

В современных стремительно меняющихся экономических реалиях диверсификация экспортной деятельности становится ключевым фактором устойчивого развития регионов.

Под экспортной диверсификацией понимается процесс расширения ассортимента экспортируемых товаров и услуг, а также увеличение числа внешних рынков сбыта. Для российских регионов, обладающих различным экономическим потенциалом и отраслевыми особенностями, диверсификация внешней торговли представляет собой важный этап развития экономики, направленный на снижение зависимости от традиционных экспортных товаров и рынков сбыта, а также обеспечения долгосрочной экономической стабильности. Однако для оценки эффективности и динамики экспортной диверсификации требуется разработка комплексных методов и показателей, позволяющих объективно оценить степень диверсификации экспортных потоков в рамках отдельных регионов. Важно учитывать не только количественные показатели, такие как объемы и доли товаров, но и качественные характеристики, включая инновационный потенциал, обеспеченность кадрами и географическую экспансию на новые рынки.

Целью данной статьи является анализ ключевых факторов, влияющих на экспортную диверсификацию регионов, а также предложений по оценке диверсификационной активности с использованием современных методов статистического анализа. Особое внимание уделяется разработке подхода, который позволяет выявить перспективные направления для улучшения структуры экспорта и повышения конкурентоспособности региональной экономики в условиях глобальных изменений. Однако, по мнению автора, наибольший интерес представляет диверсификационная активность экспортной деятельности региона как показатель, демонстрирующий динамику, стремление и эффективность принимаемых мер для развития экспорта в регионе.

Диверсификационная активность экспортной деятельности – комплекс мер и результатов, характеризующих готовность региона к расширению своего присутствия на международных рынках путем диверсификации экспортной деятельности, включающей в себя несколько ключевых направлений (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Ключевые направления диверсификации экспортной деятельности региона*

Направление	Характеристика
Диверсификация экспорта по рынкам (географическая или страновая диверсификация)	Выход на новые внешние рынки помогает компании снизить зависимость от одного региона или страны. Это также позволяет адаптировать бизнес к изменениям в экономической ситуации или политической обстановке на отдельных рынках
Диверсификация экспортируемых товаров и услуг	Расширение ассортимента экспортируемой продукции с целью удовлетворения потребностей различных зарубежных рынков. Это могут быть изменения характеристик товара и введение новых товаров в экспортный портфель компании
Диверсификация форм экспорта	Использование различных форм внешней торговли, таких как прямой экспорт, создание дочерних компаний или совместных предприятий за рубежом, а также использование альтернативных каналов сбыта (например, онлайн-торговли)

* Составлено по: [1; 5; 2].

По мнению ученых, активизация торговли в цифровом сегменте как одном из направлений диверсификации экспорта даст возможность России обеспечить социально-экономический прорыв в перспективе, а также диверсифицировать экспортные потоки, минимизируя зависимость от традиционных отраслей [10]. В результате значительно расширится присутствие отечественных товаров и услуг на международных рынках и повысится конкурентоспособность российского бизнеса в глобальной цифровой экономике. Кроме того, активизация цифровой торговли может стать драйвером для развития новых отраслей, таких как искусственный интеллект, блокчейн и финтех, что также окажет позитивное влияние на рост экономики и улучшение качества жизни населения. Таким образом, проведенные исследования подтверждают мнение ученых о том, что динамика мировой торговли восстанавливается на основе цифровизации [6; 7; 9].

В настоящее время Россия находится в мировом тренде инновационного развития. Нацеленность России на инновационное развитие во многом определяет изменение ее роли и места в мировой экономике. Поэтому следует обратить особое внимание на перспективы и потребности инновационного сотрудничества стран-партнеров с учетом современной мирохозяйственной ситуации и общих интересов [3].

Соответственно, диверсификационную активность экспортной деятельности можно охарактеризовать как усилия региона, направленные на расширение и развитие его экспортной стратегии за счет увеличения числа экспортируемых товаров и услуг и выхода на новые международные рынки с применением институционально-инвестиционных инструментов. Диверсификационная активность поможет снизить риски, связанные с нестабильностью на отдельных рынках, и будет способствовать

улучшению экономической ситуации в стране и устойчивому экономическому развитию региона.

Результаты и их обсуждение

Оценка диверсификационной активности экспортной деятельности регионов проводится с использованием нескольких ключевых показателей, которые позволяют понять, насколько эффективно регион диверсифицирует свои экспортные рынки и продукцию (табл. 2). Исходя из оценки диверсификационной активности экспортной деятельности выявляются риски и потенциальные возможности для дальнейшего экономического роста региона.

Т а б л и ц а 2

Показатели оценки диверсификационной активности экспортной деятельности региона

Показатель	Описание	Источник данных
1	2	3
Показатель инновационности диверсификации экспорта		
Число стран-партнеров	Количество стран, в которые регион экспортирует свою продукцию. Чем больше стран вовлечено в экспортные потоки региона, тем выше географическая диверсификация и, соответственно, снижены риски, связанные с зависимостью от одного внешнего рынка	Цифровая платформа «Мой экспорт». URL: https://www.exportcenter.ru/
Доля новых партнеров по несырьевому не-энергетическому экспорту (ННЭ) к общему объему экспорта	Отношение объема экспорта, который направляется к новым партнерам по ННЭ, к общему объему экспорта региона. Позволяет оценить, насколько экспортный рынок расширяется за счет привлечения новых партнеров, а также, насколько регион подвержен рискам в случае экономических или политических изменений в текущих рынках	Цифровая платформа «Мой экспорт». URL: https://www.exportcenter.ru/
Число экспортируемых товарных групп	Количество различных товаров, которые регион экспортирует за рубеж. Многообразие товаров указывает на более высокую степень диверсификации	Цифровая платформа «Мой экспорт». URL: https://www.exportcenter.ru/

* Составлено по: URL: <https://customs.gov.ru/>; Цифровая платформа «Мой экспорт». – URL: <https://www.exportcenter.ru/.ru>; URL: <https://rosstat.gov.ru/>; Паспорта региональных проектов национальной программы «Международная кооперация и экспорт», AV Group. – URL: <https://av-group.ru/post/296>; [4; 8].

Продолжение табл. 2

1	2	3
Доля отдельных товаров в общем объеме экспорта	Если определенные товары составляют большую долю от общего объема экспорта региона, это может свидетельствовать о рисках, связанных с колебаниями цен или спроса на эти товары	Цифровая платформа «Мой экспорт». URL: https://www.exportcenter.ru/.ru
Темпы роста экспорта по товарным категориям	Оценка динамики роста или снижения экспорта различных категорий товаров. Рост диверсификации продукции свидетельствует о позитивных изменениях в экономической структуре региона	На основании данных Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/
Институционально-инвестиционный показатель диверсификации экспорта		
Институциональная поддержка экспортной деятельности	Наличие программ государственной или региональной поддержки экспортных предприятий, таких как налоговые льготы, субсидии на транспортировку или продвижение продукции на международных рынках	Российский экспортный центр. URL: https://www.exportcenter.ru/
Доля высокотехнологичных товаров	Доля экспортируемой продукции, относящейся к высокотехнологичным или инновационным товарам. Регионы, ориентированные на такие товары, как правило, обладают более высоким потенциалом для долгосрочного роста и устойчивости	Федеральная таможенная служба. URL: https://customs.gov.ru/
Финансовое обеспечение государственной поддержки экспорта	Объем финансовых ресурсов, которые государство выделяет для стимулирования и поддержки экспортной деятельности. Высокий показатель свидетельствует о существенной заинтересованности государства в развитии экспортной деятельности и поддержке национальных производителей на международной арене	Паспорта региональных проектов национальной программы «Международная кооперация и экспорт»
Зарубежные инвестиции	Объем иностранных капитальных вложений, направленных на развитие экспортной деятельности региона. Высокий уровень иностранных инвестиций в экспортный сектор региона может свидетельствовать о доверии иностранных инвесторов к экономике данного региона, а также о развитой экспортной инфраструктуре и поддержке внешней торговли на государственном уровне	Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/

Окончание табл. 2

1	2	3
Показатель конкурентоспособности (экономической устойчивости) региона		
Объем экспорта региона	Общая стоимость экспортируемых товаров и услуг, а также его динамика (ежегодный рост или снижение). Этот показатель позволяет оценить, насколько успешен регион в увеличении объема внешней торговли	Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/
Доля экспорта в ВРП региона	Отношение объема экспортируемых товаров и услуг к валовому региональному продукту помогает понять, какую роль экспорт играет в экономике региона и насколько он зависит от внешней торговли	Федеральная таможенная служба. URL: https://customs.gov.ru/
Темпы роста внешней торговли	Ежегодный или квартальный рост объемов экспорта. Сравнение этих темпов с общими экономическими показателями региона позволяет судить о динамике экспортной активности	Федеральная таможенная служба. URL: https://customs.gov.ru/
Индекс конкурентоспособности региона	Индекс конкурентоспособности региона AV RCI – комплексная оценка, характеризующая фактическую способность территории конкурировать за ресурсы и рынки сбыта. Отражает фактическую реализацию факторов конкуренции, т. е. оценивает индикаторы, отражающие результаты межрегиональной конкуренции. Конкурентоспособность влияет на способность региона развивать экспорт	AV Group. URL: https://av-group.ru/post/296
Российский региональный инновационный индекс	Помогает выявить и сравнить различные регионы по способности к внедрению инноваций, а также их участию в экономике, ориентированной на внешнюю торговлю и экспорт. В контексте диверсификации экспортной деятельности индекс играет важную роль в оценке способности региона расширять и диверсифицировать свои экспортные потоки и интегрироваться в глобальные цепочки поставок	Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации

Из всех предложенных показателей, позволяющих делать выводы об уровне диверсификации экспортной деятельности региона, следует выделить те, которые могли бы наиболее полно и достоверно охарактеризовать состояние региона с точки зрения диверсификационной активности экспортной деятельности. В зависимости от полученных результатов осуществляется классификация регионов.

Автором предлагается использование интегрального индекса оценки диверсификационной активности экспортной деятельности региона (ДАЭД), включающего в себя несколько ключевых показателей, характеризующих как уровень инновационности диверсификации экспорта, так и значение финансового обеспечения экспортной деятельности:

$$\text{ДАЭД} = w_1 \cdot \left(\frac{X_{\text{новые товары}}}{X_{\text{общий}}} \right) + w_2 \cdot \left(\frac{X_{\text{новые рынки}}}{X_{\text{общий}}} \right) + w_3 \cdot \left(\frac{\text{Объем финансовой поддержки ННЭ}}{X_{\text{общий}}} \right) + w_4 \cdot \text{ИСЭУ},$$

где $X_{\text{новые товары}}$ – объем экспорта новых товаров;

$X_{\text{общий}}$ – общий объем экспорта региона;

$X_{\text{новые рынки}}$ – объем экспорта на новые географические рынки, отличные от традиционных рынков;

Объем финансовой поддержки ННЭ – среднегодовая сумма финансовой поддержки за 2019–2024 гг. (реализация национальной программы «Международная кооперация и экспорт») в виде мер государственной и региональной поддержки экспорта;

w_1, w_2, w_3, w_4 – веса, с которыми структурные элементы входят в интегральный индекс (рассчитанные методом экспертных оценок);

ИСЭУ – индекс социально-экономических условий [4].

Первая часть формулы $\frac{X_{\text{новые товары}}}{X_{\text{общий}}}$ отражает инновационный уровень товарной диверсификации экспорта. Чем больше новых товаров экспортируется в сравнении с предшествующим годом, тем выше данный показатель.

Вторая часть $\frac{X_{\text{новые рынки}}}{X_{\text{общий}}}$ показывает степень расширения на новые международные рынки, что может включать не только новые страны, но и новые интеграционные объединения.

Третий компонент отражает отношение объема финансового обеспечения регионального и федерального уровня на реализацию проектов развития экспорта, которые могут улучшить экспортные показатели ре-

гиона к общему объему экспорта. Чем больше объем финансового обеспечения, тем выше показатель.

Четвертый компонент оценивает уровень социально-экономических условий регионов России и отражает состояние конкурентоспособности региона. Он помогает выявить регионы, способные адаптироваться к изменениям внешних экономических условий, развивать новые отрасли и товары. Чем выше показатель, тем более конкурентоспособен регион. Также используется как индекс на поправку.

Рассчитаем индекс диверсификационной активности экспортной деятельности для субъектов Уральского федерального округа в 2019 г. (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Показатели индекса диверсификационной активности экспортной деятельности регионов УрФО в 2019 г.

	Товарный показатель ($w = 0,35$)	Страновой показатель ($w = 0,3$)	Институционально- инвестиционный показатель ($w = 0,25$)	Индекс СЭУ ($w = 0,1$)	Индекс ДАЭД
Курганская область	0,0036	0,0011	0,0000	0,0320	0,0366
Свердловская область	0,0008	0,0002	0,0066	0,0459	0,0535
Тюменская область	0,0009	0,0008	0,0334	0,0449	0,0799
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	0,0000	0,0002	0,0040	0,0465	0,0508
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,0000	0,0000	0,0000	0,0533	0,0533
Челябинская область	0,0007	0,0031	0,0000	0,0457	0,0495

По результатам расчетов Тюменская область в 2019 г. демонстрировала наивысший показатель индекса диверсификационной активности экспортной деятельности, что подтверждается представленными данными на рис. 1, отражающими соотношение доли новых товаров и новых стран-партнеров в общем объеме экспорта по итогам 2019 г., а также от-

ношение финансирования развития экспортной деятельности к общему объему экспорта.

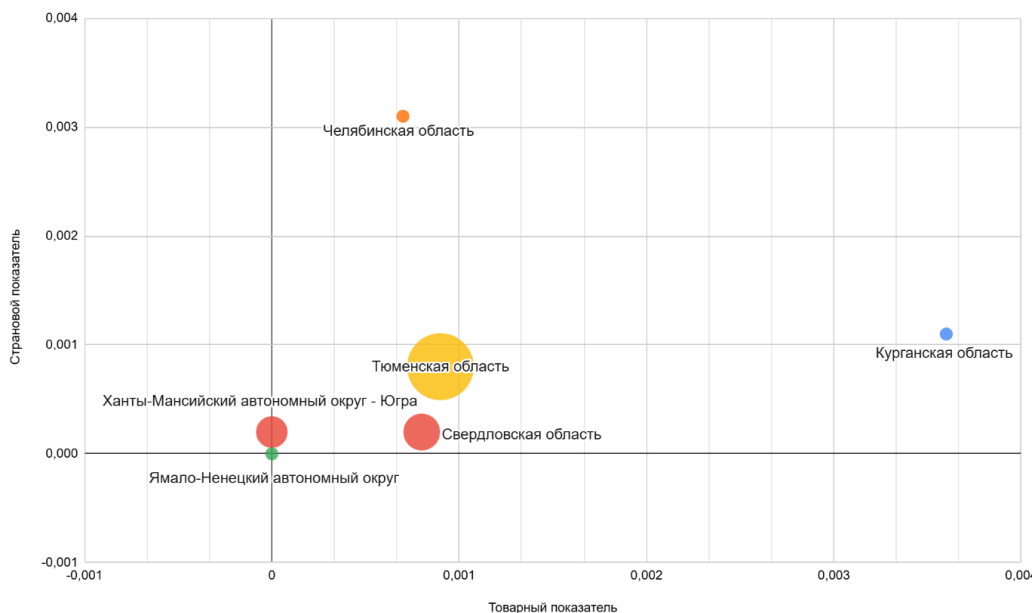

Рис. 1. Диверсификационная активность экспортной деятельности регионов УрФО в 2019 г.

Для оценки динамики показателя произведем расчеты показателя диверсификационной активности экспортной деятельности регионов УрФО в 2021 г. (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Показатели индекса диверсификационной активности экспортной деятельности регионов УрФО в 2021 г.

	Товарный показатель ($w = 0,35$)	Страновой показатель ($w = 0,3$)	Институционально-инвестиционный показатель ($w = 0,25$)	Индекс СЭУ ($w = 0,1$)	Индекс ДАЭД
Курганская область	0,0503	0,0395	0,0000	0,0325	0,1223
Свердловская область	0,0156	0,0003	0,0046	0,0467	0,0672
Тюменская область	0,0283	0,0028	0,0327	0,0395	0,1033
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	0,0000	0,0000	0,0039	0,0460	0,0499
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,0001	0,0016	0,0000	0,0532	0,0549
Челябинская область	0,0016	0,0005	0,0000	0,0455	0,0476

Из рис. 2 видно, что, несмотря на глобальные вызовы в 2021 г., страновой показатель повысился, но не пропорционально для всех регионов, относительно 2019 г. Товарный показатель также увеличился в несколько раз, что показывает активную товарную диверсификацию, т. е. расширение номенклатуры экспортируемых товаров. Финансовая поддержка экспорта через региональные проекты национальной программы «Международная кооперация и экспорт» демонстрирует эффективность принимаемых мер для уже активных регионов и увеличивает разрыв между экспортно активными и экспортно неактивными регионами. В результате последние становятся неперспективными для инвестирования в экспортную диверсификацию. Соответственно, это может стать причиной снижения их экономической устойчивости.

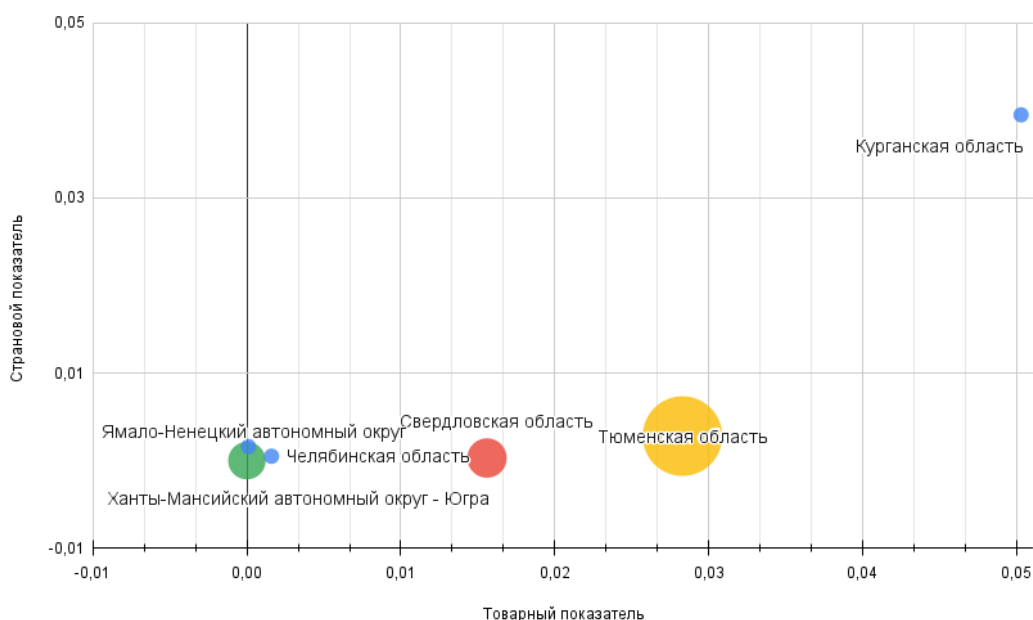

Рис. 2. Диверсификационная активность экспортной деятельности регионов УрФО в 2021 г.

Таким образом, рассчитав индекс, можно сделать вывод о различных положениях регионов относительно диверсификационной активности экспортной деятельности, что позволяет выделить несколько групп, характеризующих различные уровни диверсификации экспорта, соответствующих стратегии развития (табл. 5).

Таблица 5

Классификация групп регионов по уровню диверсификационной активности экспортной деятельности

Уровень финансового обеспечения диверсификации экспорта		
Инновационный уровень диверсификации экспорта	Регионы с высоким уровнем инновационной диверсификации Регионы, которые начинают активно работать над диверсификацией своего экспорта, но пока сильно зависят от традиционных товаров и рынков. Это может быть результатом активных усилий по диверсификации, но пока не достигнут устойчивый баланс	Активные экспортеры с высоким экспортным потенциалом Регионы с высокоразвитыми и разнообразными экспортными потоками. Эти регионы активно развивают новые товары и услуги, расширяют географию внешней торговли и внедряют инновации. В этих регионах наблюдается значительное сокращение зависимости от традиционных (чаще всего сырьевых) товаров
	Стагнирующие регионы с низким экспортным потенциалом Регионы, которые не показывают значительных улучшений в области экспортной диверсификации. Экспорт этих регионов остается стабильным или сокращается, с высокой зависимостью от традиционных рынков и товаров. Проблемы могут быть связаны с отсутствием инноваций, недостаточной государственной поддержкой или слабой инфраструктурой	Регионы с высоким экспортным потенциалом и недостаточной диверсификацией Регионы, обладающие значительным экспортным потенциалом, но не использующие его в полной мере. Эти регионы могут иметь хорошо развивающуюся инфраструктуру и выход на новые рынки, но пока недостаточно диверсифицированы по товарным группам

Заключение

Таким образом, регионы могут быть разделены на несколько групп, отражающих степень их диверсификационной активности экспортной деятельности. Эти группы охватывают как регионы с уже высокоразвитыми, диверсифицированными экспортными потоками, так и те, в которых экспорт по-прежнему сосредоточен на традиционных товарах и рынках. Классификация позволяет проводить анализ текущей ситуации и разрабатывать стратегии по улучшению экспортной активности для каждой группы. При этом для каждой группы регионов можно выработать конкретные рекомендации, направленные на усиление экспортной диверсификации и развитие устойчивых внешнеэкономических позиций. Важно

учитывать текущие ресурсы и возможности каждого региона, а также его стратегию на будущее.

Список литературы

1. Горбунова М. Л., Ливанова Е. Ю., Маковецкая Т. В., Хазан М. Ю. Статистический анализ показателей функционирования ведущих российских экспортеров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия. Социальные науки. – 2022. – №1 (65). – С. 16–27.
2. Оглоблина Е. В. Проблемы географической и товарной диверсификации российского экспорта в условиях санкций // Мировая экономика и мировые финансы. – 2024. – № 2. – С. 11–20.
3. Лаврикова Ю. Г., Андреева Е. Л., Ратнер А. В. Научно-технологическое развитие России и Китая: компаративный анализ и перспективы сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 48–62. – DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.3
4. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. – Вып. 8 / под ред. Л. М. Гохберга. – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023.
5. Сапир Е. В., Шмураткина А. Г. Институциональный механизм повышения экспортного потенциала региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 3. – С. 169–176.
6. Смирнов Е. Н. Цифровая трансформация мировой экономики. Торговля, производство, рынки. – М. : Мир науки, 2019.
7. Стрелец И. А., Чебанов С. В. Цифровизация мировой торговли. Масштабы, формы, последствия // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 1. – С. 15–25. – DOI: doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1- 15-25.
8. Шамова Е. А., Мыслякова Ю. Г. Оценка уровня диверсификации экспорта регионов России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 9. – С. 33–45. – DOI:10.24411/2072-8042-2018-00086
9. Шкваря Л. В., Фролова Е. Д. Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира // Экономика региона. – 2022. – Т. 18. – Вып. 2. – С. 479–493. – URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13>.
10. Шуйский В. П. Цифровизация мировой экономики и структура российского экспорта // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 12. – С. 7–17. – DOI: doi.org/10.24411/2072-8042-2020-10118.

References

1. Gorbunova M. L., Livanova E. Yu., Makovetskaya T. V., Hazan M. Yu. Statisticheskii analiz pokazateley funktsionirovaniya vedushhih rossiyskikh

eksporterov [Statistical Analysis of Performance Indicators of Leading Russian Exporters] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya. Sotsialnye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series. Social sciences], 2022, No. 1 (65), pp. 16–27. (In Russ.).

2. Ogloblina E. V. Problemy geograficheskoy i tovarnoy diversifikatsii rossiyskogo eksporta v usloviyah sanktsiy [Problems of Geographical and commodity divergence of Russian Exports in the Context of Sanctions]. *Mirovaya ekonomika i mirovye finansy* [World Economy and World Finance], 2024, No. 2, pp. 11–20. (In Russ.).

3. Lavrikova Yu. G., Andreeva E. L., Ratner A. V. Nauchno-tekhnologicheskoe razvitie Rossii i Kitaya: komparativniy analiz i perspektivy sotrudnichestva [Scientific and Technological Development of Russia and China: Comparative Analysis and Prospects of Cooperation]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, Vol. 11, No. 4, pp. 48–62. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.3

4. Reyting innovatsionnogo razvitiya subektov Rossiyskoy Federatsii [The Rating of Innovative Development of the Subjects of the Russian Federation]. Issue 8, edited by. L. M. Gohberg. Moscow, ISIEZ VShE, 2023. (In Russ.).

5. Sapir E. V., Shmuratkina A. G. Institutsionalniy mekhanizm povysheniya eksportnogo potentsiala regiona [The Institutional Mechanism for Increasing the Export Potential of the Region]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scientific Notes], 2019, No. 3, pp. 169–176. (In Russ.).

6. Smirnov E. N. Tsifrovaya transformatsiya mirovoy ekonomiki. Torgovlya, proizvodstvo, rynki [Digital Transformation of the Global Economy. Trade, Production, Markets]. Moscow, Mir nauki, 2019. (In Russ.).

7. Strelets I. A., Chebanov S. V. Tsifrovizatsiya mirovoy trgovli. Masshtaby, formy, posledstviya [Digitalization of Global Trade. Scales, Forms, Consequences]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2020, Vol. 64, No. 1, pp. 15–25. (In Russ.). DOI: doi.org/ 10.20542/0131-2227-2020-64-1- 15-25

8. Shamova E. A., Myslyakova Yu. G. Otsenka urovnya diversifikatsii eksporta regionov Rossii [Assessment of the Level of Export Diversification in Russian Regions]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2018, No. 9, pp. 33–45. (In Russ.). DOI:10.24411/2072-8042-2018-00086

9. Shkvarya L. V., Frolova E. D. Komparativniy analiz razvitiya vneshney trgovli v tsifrovom segmente po regionam mira [Comparative Analysis of the Development of Foreign Trade in the Digital Segment by Regions of the World], *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2022, Vol. 18,

Issue 2, pp. 479–493. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13>

10. Shuyskiy V. P. Tsifrovizatsiya mirovoy ekonomiki i struktura rossiyskogo eksporta [Digitalization of the World Economy and the Structure of Russian Exports]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2020, No. 12, pp. 7–17. (In Russ.). DOI: doi.org/10.24411/2072-8042-2020-10118

Поступила: 18.01.2025

Принята к печати: 28.01.2025

Сведения об авторе

Михаела Ивановна Ливенец
старший преподаватель кафедры
экономических и социально-
гуманитарных наук ФГБОУ ВО «НВГУ»;
ИЭ УрО РАН.
Адрес: ФГБОУ ВО «Нижевартовский
государственный университет»,
628602, Ханты-Мансийский автономный
округ – Югра, Нижневартовск,
ул. Ленина, д. 56;
Институт экономики Уральского
отделения Российской академии наук,
620014, Екатеринбург,
ул. Московская, д. 29.
E-mail: livmiw@gmail.com

Information about the author

Mikhaela I. Livenets
Senior Lecturer at the Department
of Economic, Social and Humanitarian
Sciences of the NVSU;
Institute of Economics
of the Ural Branch of RAS.
Address: Nizhnevartovsk State University,
56 Lenin Street, Nizhnevartovsk,
Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug –
Yugra, 628602, Russian Federation;
Institute of Economics of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
29 Moskovskaya Street, Yekaterinburg,
620014, Russian Federation.
E-mail: livmiw@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-88-100>

СУЛТАНАТ ОМАН: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННЕЙ ТОРГОВЛИ С КИТАЕМ

Л. В. Шкваря

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье проанализированы динамика и структура двусторонней торговли между Китаем и странами Лиги арабских государств (ЛАГ), прежде всего с Султанатом Оман. Установлено, что имеет место рост товарооборота Китая и его партнера, при этом сальдо зачастую складывается не в пользу КНР исключительно за счет импорта Поднебесной арабских углеводородов и экспорта традиционной продукции машинотехнической и легкой промышленности. Китай на данном этапе стал крупнейшим внешнеторговым партнером арабских стран, потеснив в этой сфере западные государства. Актуальность, а также научная и практическая значимость статьи обусловлена необходимостью, во-первых, более глубокого анализа двусторонней торговли Китайской Народной Республики и Султаната Оман и частичного использования данного опыта в российской экономике, во-вторых, исследования особенностей развития национальной экономики и торговли Султаната Оман, заключающейся в настоятельной необходимости с точки зрения перспективы повышения в ней доли добывающей, производственной и финансовой сфер. Исследование проведено на основе статистико-аналитических материалов и экспертных оценок международных институтов (ЮНКТАД, ООН, ОЭСР, ВТО, МВФ, Всемирного банка) и организаций (ОПЕК, Арабского валютного фонда, ЛАГ, САМ, ССАГПЗ, Арабского фонда экономического и социального развития), научно-исследовательских институтов Китая, результатов собственных исследований автора. В заключение автор приходит к выводу о том, что арабским странам важно сформировать долгосрочную парадигму развития торгово-экономических отношений как с Китаем, так и с другими государствами, и концептуальную модель ее государственного регулирования с учетом не только нынешних, но и перспективных интересов собственного стабильного социально-экономического развития. На наш взгляд, предпочтительным вариантом может выступать, например, единый (в рамках ССАГПЗ) подход к решению этих задач.

Ключевые слова: ССАГПЗ, международная торговля, международное сотрудничество, Азия.

SULTANATE OMAN: A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF BILATERAL TRADE WITH CHINA

Lyudmila V. Shkvarya

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The article analyzes the dynamics and structure of bilateral trade between China and the countries of the League of Arab States (LAS), primarily with the Sultanate of Oman. It has been established that there is an increase in the trade turnover between China and its partner, while the balance is often not in favor of China due to the almost exclusive import of Arab

hydrocarbons from China and exports of traditional products of machinery and light industry. At this stage, China has become the largest foreign trade partner of the Arab countries, displacing Western states in this area. The relevance, as well as the scientific and practical significance of the study, is due to the need, firstly, for a deeper analysis of the bilateral trade between the People's Republic of China and the Sultanate of Oman and the partial use of this experience in the Russian economy, and, secondly, to study the specifics of the development of the national economy and trade of the Sultanate of Oman, which is an urgent need from the perspective of, increasing its share in the extractive, industrial and financial sectors. The study was conducted on the basis of statistical and analytical materials and expert assessments of international institutions (UNCTAD, UN, OECD, WTO, IMF, World Bank) and organizations (OPEC, Arab Monetary Fund, Arab League, SAM, GCC, Arab Fund for Economic and Social Development), research institutes of China, the results of the author's own research. In conclusion, the author comes to the conclusion that it is important for Arab countries to form a long-term paradigm for the development of trade and economic relations with both China and other countries, and a conceptual model for its state regulation, taking into account not only current, but also the long-term interests of their own stable socio-economic development. In our opinion, the preferred option may be, for example, a unified (within the framework of the GCC) approach to solving these problems.

Keywords: GCC, international trade, international cooperation, Asia.

Введение

Оман – одна из древнейших стран Аравийского полуострова, которая активно развивалась на море и суше еще в 2000 г. до нашей эры. Он осуществлял торговую деятельность и стал центром судостроения на Аравийском полуострове. Султанат Оман сегодня является процветающей страной, чье благополучие продолжает базироваться на углеводородной основе, как и у других стран Аравийского полуострова [4].

В настоящее время в связи с ростом мировой волатильности и реформирования системы международных экономических отношений происходит некий ренессанс как развития стран Персидского залива, так и интереса к этому процессу со стороны исследователей. В частности, активизируется исследование различных социально-экономических направлений и аспектов развития Султаната Оман [3; 7; 10; 12]. Уделяется внимание исследованию торговли Китая как в целом со странами ССАГПЗ, так и с Оманом в частности [6].

Большинство исследователей приходят к выводу, что торгово-экономические отношения между КНР и Оманом носят стратегический характер, имеют значительный потенциал и перспективы [6], хотя Оман ориентируется и на другие страны Азии [16], так же как и Китай, с его еще более широкой географией внешней торговли [9].

Результаты исследования

На протяжении длительного периода времени мир наблюдает увеличение китайской экспансии на мировые рынки, проникновение субъектов экономики Поднебесной в разные страны и регионы при огромном значении внешних рынков для устойчивости самого Китая [11]. Одним из

таких регионов традиционно выступает Ближний Восток с его огромными запасами стратегического сырья (углеводородов) и выгодным географическим положением.

Согласно данным Центральной таможенной администрации Китая¹, в 2024 г. исполнилось 20 лет со дня создания Китайско-арабского форума сотрудничества. За истекшие 20 лет общая стоимость китайского импорта и экспорта товаров в страны, входящие в Лигу арабских государств, увеличилась с 303,81 млрд юаней в 2004 г. до 2,8 трлн юаней в 2023 г., т. е. рост составил 820,9%.

Только за первые 4 месяца 2024 г. Китай импортировал и экспортировал в страны, входящие в Лигу арабских государств, товаров на общую сумму 946,17 млрд юаней, что является рекордным показателем; за тот же период предыдущего года рост составил 3,8% в годовом исчислении, что составляет 6,9% от общего объема внешней торговли Китая. В том числе объем экспорта в стоимостном выражении составил 459,11 млрд юаней, увеличившись на 14,5% в годовом исчислении; импорт Китая достиг 487,06 млрд юаней, сократившись на 4,7%.

ОАЭ, Ирак, Оман, Катар, Египет и Саудовская Аравия входят в топ-6 стран по объему импорта и экспорта Китая в страны, входящие в Лигу арабских государств. За первые 4 месяца 2024 г. темпы роста импорта и экспорта между Китаем и этими шестью странами в годовом исчислении составили 14%, 5%, 15,2%, 10%, 4,6%, 6,6% соответственно. При незначительном снижении на 2% общая стоимость импорта и экспорта составила 84,8% от общей стоимости импорта и экспорта Китая в страны, входящие в Лигу арабских государств.

С точки зрения торговых потоков, Китай остается крупнейшим источником импорта (соответственно, экспортером) автомобилей, текстиля и одежды в страны, входящие в Лигу арабских государств. За первые 4 месяца 2024 г. экспорт Китая этих товарных позиций увеличился на 66,3% и 3,2% в годовом исчислении соответственно.

Международные данные показывают, что в I квартале 2024 г. на долю Китая приходилось около 17,5% доли рынка автомобильного импорта в страны, входящие в Лигу арабских государств. Таким образом, Китай занял 1-е место как импортер автомобилей в страны ЛАГ, поднявшись со 2-го места как источника автомобильного импорта Лиги Арабских государств в 2023 г. В 2024 г. на Китай приходилось около 49,6% доли рынка импорта текстиля и одежды в страны, входящие в Лигу арабских государств, что делает его крупнейшим источником импорта и этих товарных позиций. КНР также сохранил свои позиции крупнейшего источника импорта в I квартале 2024 г.

¹ URL: // https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6954611.htm URL: /

В свою очередь страны, входящие в Лигу арабских государств, выступают крупнейшим источником энергоносителей для Китая. За первые 4 месяца 2024 г. Китай импортировал из этих стран энергоносителей на 397,29 млрд юаней, что на 4,4% меньше в годовом исчислении, чем в 2023 г. – 38% от общего объема импорта энергоносителей Китаем за тот же период.

Кроме того, за первые 4 месяца 2024 г. китайские частные предприятия импортировали и экспортировали в страны, входящие в Лигу арабских государств, товаров общей стоимостью 497,14 млрд юаней, увеличив ее объем на 16,3%. В годовом исчислении это на 5,7 процентного пункта больше (52,5%) по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. Впервые в истории доля импорта и экспорта частных предприятий в страны, входящие в Лигу арабских государств, превысила 50%. Таким образом, Китай на данном этапе стал крупнейшим внешнеторговым партнером арабских стран, потеснив в этой сфере западные государства.

Китайско-арабское экономическое и торговое сотрудничество не только естественным образом дополняет друг друга, но и обладает большим потенциалом [18]. В дополнение к углублению сотрудничества с арабскими странами в таких областях энергетики, как нефть и газ, Китай и арабские страны также достигли плодотворных результатов в сотрудничестве в области искусственного интеллекта, 5G и др. Некоторые страны Персидского залива также заинтересованы в исследовании Луны и космоса [14]. В будущем Китай и арабские страны будут заинтересованы в старых и новых источниках энергии. Существуют широкие возможности для сотрудничества в области новой энергетики, а также развития высоких технологий.

За 20 лет Китайско-арабская торговля товарами выросла более чем в 8 раз и обладает большим потенциалом, особенно с учетом того обстоятельства, что страны ССАГПЗ постепенно и избирательно осуществляют диверсификацию национальных экономик и развивают более прогрессивные, капиталоемкие и наукоемкие виды деятельности в регионе [19].

Китай – Оман: экономика и двусторонняя торговля

Традиционно дружественные двусторонние отношения Китая и Султаната Оман имеют определенную историю и сохраняют стратегическое взаимное доверие. Дипломатические отношения были установлены в 1978 г. Оман твердо придерживается принципа «одного Китая» и готов углублять сотрудничество в различных областях, таких как экономика и торговля, инвестиции, наука и технологии между двумя сторонами, укреплять связь и координацию по региональным и международным делам и совместно поддерживать мир и стабильность на Ближнем Востоке.

Оман – одна из первых стран, подписавших документ о сотрудничестве с Китаем по совместному строительству «Пояса и пути». С момента

принятия документа о сотрудничестве в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» две страны стали более тесно сотрудничать в области инвестиций, торговли, заключения инженерных контрактов и других областях [17]. На двусторонние отношения также оказывает влияние «Морской пояс» [15]. Сотрудничество развивается в соответствии с «Видением 2040» Омана, Десятым пятилетним планом и другими долгосрочными планами и программами развития. Оман является членом Лиги арабских государств (ЛАГ) и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), членом ВТО (с 2000 г.), а также сотрудничает с партнерами в рамках соглашения о Всеарабской зоне свободной торговли.

Китай очень заинтересован в укреплении торговых связей с Ближним Востоком, в частности, с Оманом, особенно с учетом роста неопределенности торговых отношений с США. Оман богат нефтяными и газовыми ресурсами, которые необходимы Китаю для поддержания положительной экономической динамики. Нефтяная и газовая промышленность являются основой национальной экономики и обеспечивают внутреннее производство. Общая стоимость составляет почти 30%, а доходы от экспорта составляют почти 70% государственных бюджетных поступлений [2]. Также для Китая важно стратегическое географическое положение стран ССАГПЗ и, в частности, Омана.

Оман активно развивает нефтегазовые ресурсы, новые источники энергии (особенно водородную энергетику), логистику, минеральные ресурсы, рыболовство и туризм. Страна стремится изменить единую экономическую структуру, которая чрезмерно зависит от нефтегазовой отрасли. С 2014 г. Султанат Оман прилагает все усилия для развития экономики на основе стратегии диверсификации и оптимизации инвестиционной среды для привлечения иностранных инвестиций и придания нового импульса экономике [1].

Одним из ведущих направлений экономического сотрудничества между Китаем и Оманом выступает взаимная торговля. Стоит отметить, что Китай занимает 2-е место по объему стоимости экспорта на оманский рынок среди всех партнеров Султаната. Крупнейшим торговым партнером Омана остаются Объединенные Арабские Эмираты. ОАЭ в 2024 г. также стали крупнейшим направлением реэкспортной торговли Омана.

Согласно данным китайского Института экономических и промышленных исследований, объем двустороннего импорта и экспорта товаров между Китаем и Оманом в 2024 г. составит 367,327 млрд долларов, увеличившись на 11,657 млрд долларов по сравнению с 2023 г. т. е. на 4,7% в годовом исчислении, что укрепило двусторонние экономические связи и инвестиционные возможности. При этом частный сектор обеих стран играет решающую роль в развитии торговли.

Как видно из рис. 1, двусторонняя торговля между Китаем и Оманом имеет тенденцию к росту, однако на него оказывают влияние различные факторы (например, в 2020 г. – глобальная пандемия), поэтому имеющийся рост требует корректировки и усилий сторон для его поддержания. Например, в целях содействия торговле в рамках Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ) Оман ввел единые тарифы с 1 января 2025 г. Эта инициатива направлена на упрощение таможенных операций государств – членов Совета сотрудничества Арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и может оказать влияние на общую динамику товарооборота Омана и Китая в 2025 г. В новой тарифной системе будет использоваться 12-значный код вместо прежнего 8-значного формата.

Рис. 1. Двусторонняя торговля Омана и Китая в 2016–2024 гг. (в млрд долл., изменение, в %)¹

То обстоятельство, что с 2021 г. в Султанате реализуется программа оценки соответствия Омана, которая требует, чтобы продукция, подпадающая под действие регламента, получала сертификацию от нотифицированного органа, назначенного генеральным директором по стандартам и метрологии (DGSM), на объемы двусторонней торговли, по видимому, не повлияло. Помесячная торговля Омана и Китая также испытывает влияние сезонных и других факторов (рис. 2).

В месячном исчислении годовой объем экспорта КНР в Оман в 2024 г. достиг максимума в ноябре и составил 5 594 млн долларов, увеличившись на 2 221 млн долларов. Объем китайского экспорта на оманский рынок за аналогичный период 2023 г. составил 3 373 млн долларов, а со-

¹ Источники рис. 1–3: URL: <https://www.huaon.com/channel/tradedata/1052920.html>

вокупный объем экспорта к ноябрю 2024 г. – 55,291 млрд долларов, увеличившись на 55% в годовом исчислении.

В отдельные месяцы в 2024 г. величина китайского экспорта была выше, а в другие – ниже, чем в аналогичные периоды 2023 г. (рис. 2).

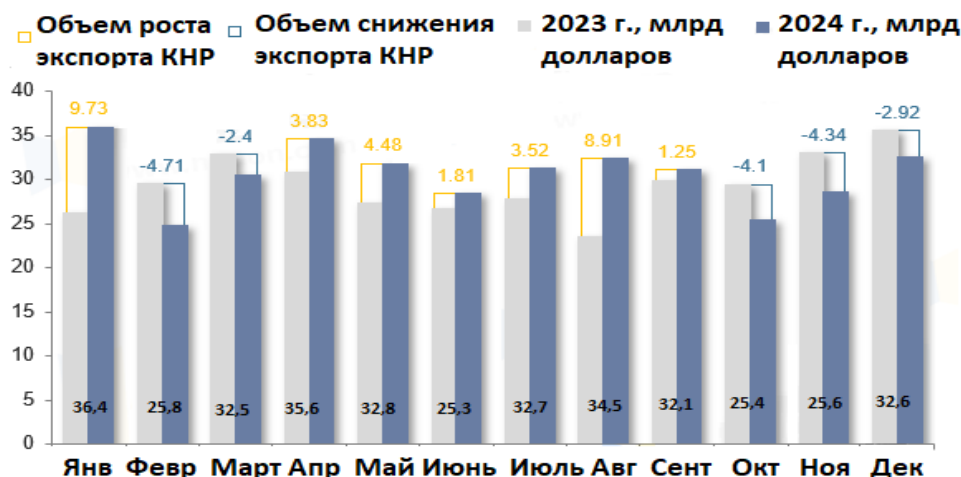

Рис. 2. Ежемесячный двусторонний экспорт товаров из Китая в Оман в 2023–2024 гг. (в млрд долларов)

В области телекоммуникаций после более чем десяти лет напряженной работы компания Huawei стала основным поставщиком оборудования для телекоммуникационной отрасли Омана. Она занимает 1-е место по доле на телекоммуникационном рынке Омана. В то же время частные предприятия, финансируемые Китаем, активно осваивают рынок Омана и инвестируют в нефтепроводные трубы, строительные материалы, упаковку и запасные части. Хороших результатов также достигли проекты в сфере продаж, производства медицинского оборудования и других отраслях промышленности.

На оманском рынке существует значительный спрос на китайские товары, а все виды производимой в КНР продукции могут удовлетворить потребности различных групп населения в Омане. Однако из-за слабости внутреннего потребления и инвестиций Китая экспорт стал основной движущей силой экономического роста страны [8].

Импорт КНР из Султаната Оман в целом также менялся по отдельным месяцам и характеризовался более высоким по сравнению с 2023 г. объемом (рис. 3).

В месячном исчислении годовой импорт в 2024 г. достиг максимума в январе и составил 33,077 млрд долларов, увеличившись на 8 855 млн долларов по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. Импорт за аналогичный период 2023 г. составил 22,222 млрд долларов, а совокупный

импорт за январь 2024 г. – 33,077 млрд долларов, продемонстрировав рост на 38,4% в годовом исчислении. Импорт в Китай представляет собой в основном поставки оманских углеводородов (до 97% от общего объема оманского экспорта в Китай) и соответствующих продуктов, производящихся, в том числе на совместных предприятиях. Так, Dali Petroleum Company, совместное предприятие PetroChina и местных компаний, стало третьим по величине производителем нефти в Омане. Китайские компании по оказанию услуг в области нефтегазового инжиниринга и поставке оборудования также стали важной опорной силой в нефтегазовой отрасли Омана.

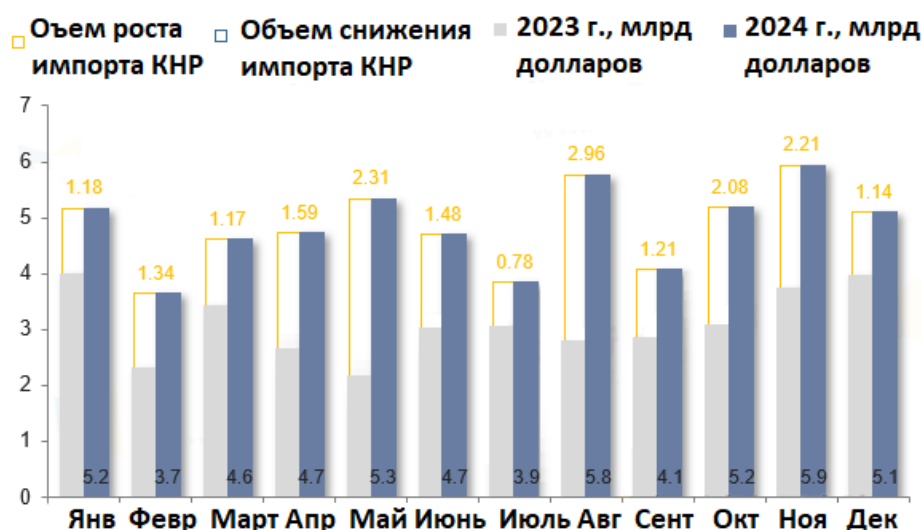

Рис. 3. Ежемесячный импорт товаров из Омана в Китай в 2023–2024 гг. (в млрд долларов)

Развитию торговых отношений сторон способствует и строительство Оманом нескольких современных портов.

Торговый баланс между Китаем и Оманом в 2024 г. составил –25,138 млрд долларов, а торговый баланс между Китаем и Оманом в 2023 г. достиг –27,479 млрд долларов.

Помимо двусторонней торговли, многообещающими являются результаты инвестиционного сотрудничества между странами. Развитие энергетических ресурсов, химической промышленности и обрабатывающей промышленности Омана, его судостроение отличаются высокой степенью открытости и хорошей политикой сотрудничества [13]. Они также являются областями специализации китайских профессиональных предприятий. Обе стороны могут сочетать свои преимущества в этих и других сферах. Например, такие направления, как информационные технологии, опреснение морской воды, развитие новых источников энер-

гии, железные дороги и строительство новых городов, туризм развиваются достаточно активно и имеют высокий потенциал для обеих сторон.

Таким образом, основными факторами развития двусторонней торговли между Оманом и Китаем можно считать прежде всего потребность Китая в углеводородах (т. е. ресурсный фактор) и географический фактор (стратегическое положение Омана на перекрестке торговых путей – отчасти фактор исторический). Важно отметить, что разбалансировка и фактическое разрушение послевоенной модели международных экономических отношений и некоторый упадок западного мира стимулировали интерес Омана к незападным партнерским отношениям, а Китай, будучи весьма крупной экономикой с высокой степенью заинтересованности как в диверсификации поставок минерального топливного сырья (с высокой емкостью своего рынка в интересующих Оман секторах), так и в дополнительных (даже не слишком крупных) рынках сбыта своей готовой промышленной продукции, представляет для Султаната определенный интерес.

Кроме того, Оман политически заинтересован интегрироваться в Азиатский регион, причем ориентируется также и на другие страны, например, Индию.

Заключение

Устойчивое развитие китайско-арабских экономических отношений происходит в нестабильной международной обстановке, особенно на политическом и экономическом уровнях. Как показывает исследование, в последние годы торговое сотрудничество Китая со странами Ближнего Востока растет, причем оно имеет важное значение для обеих сторон.

Растет и торговля между КНР и Султанатом Оман. На рынках каждой из стран реализуются наиболее конкурентные товары (и соответствующие факторы производства, согласно теории Хэкшера – Олина). Однако с точки зрения этой позиции, в торговле с Китаем сегодня Оман получает сиюминутную выгоду и, по сути, консервирует свои абсолютные преимущества, пока, не нарабатывая устойчивые относительные. Насколько это выгодно Оману в перспективе – покажет время. Представляется, что у Китая более далекоидущие и эффективные планы, в достижении которых Султанат обеспечивает Поднебесной определенные возможности на основе прогресса во взаимной торговле, т. е. роста количества энергоносителей из Омана, поддерживающих китайскую экономику в непростое для Китая время.

Во многом это касается и других стран Персидского залива, активизирующих свои торговые связи с КНР. Но в целом стоит констатировать, что все стороны достаточно прагматично подходят к торгово-экономическому сотрудничеству. В то же время, как представляется, арабским странам важно сформировать долгосрочную парадигму разви-

тия торгово-экономических отношений как с Китаем, так и с другими государствами, и концептуальную модель ее государственного регулирования с учетом не только нынешних, но и перспективных интересов собственного стабильного социально-экономического развития. На наш взгляд, предпочтительным вариантом может выступать, например, единый (скажем, в рамках ССАГПЗ) подход к решению этих задач.

Если говорить о мировой экономике, то рост арабо-китайской торговли, а также расширение взаимодействия в других сферах, например, в сфере космоса, означает углубление евразийских торгово-экономических отношений и представляет собой еще одну трещину в глобальном мировом западно ориентированном порядке. Насколько она может быть глубока?

Список литературы

1. Аль Мархун А. О. С., Гусарова С. А. Диверсификация развития экономики Султаната Оман // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 6 (155). – С. 84–88. – DOI: 10.34925/EIP.2023.155.6.010
2. Аль Мархун А. О. Особенности экономики Султаната Оман // Научные исследования и разработки. Экономика. – 2023. – Т. 11. – № 2. С. 44–48. DOI: 10.12737/2587-9111-2023-11-2-44-48
3. Бирюков Е. С. Специальные экономические зоны в мировой экономике (на примере арабских стран) // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2016. – № 2 (58). – С. 222–230.
4. Исаев В. А., Филоник А. О. Катар: три столпа роста (социально-экономический очерк). – М., 2014.
5. Мелкумян Е. С. Султанат Оман – КНР: стратегическое партнерство // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 12. – С. 46–50. – DOI:10.31857/S032150750012798-9
6. Руденко Л. Н. Торговля и экономическое сотрудничество Омана и Бахрейна с Китаем (2010-е годы) // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 4. – С. 75–85. – DOI: 10.24412/2072-8042-2022-4-75-85
7. Русакович В. И. Оман: структурные преобразования и экономический рост // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 3 (728). – С. 48–55.
8. Русакович В. И. Стремительный рост китайской экономики и накопление структурных противоречий: возможно ли восстановление? // Россия и Азия. – 2023. – № 4 (26). – С. 6–18.
9. Савинский А. В. Роль культурных аспектов в китайско-африканском экономическом сотрудничестве // Россия и Азия. – 2024. – № 3 (29). – С. 19–27.
10. Саид А. Долговой кризис и его влияние на экономическое развитие (на примере Султаната Оман) // Международная торговля и торго-

вая политика. – 2022. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 94–104. – DOI: 10.21686/2410-7395-2022-2-94-104

11. Хэ Миндзюнь. Внешняя торговля Китая: тенденции развития, роль для национальной экономики и трансформация регулирования // Россия и Азия. – 2021. – № 2 (16). – С. 43–54.

12. Шкваря Л. В. Страны Персидского залива: современные тенденции экономического развития. – Ялта, 2021.

13. Akhter M. J. Chinese Investments in Maritime Sectors of Oman and UAE: Transitioning Realities // Policy Perspectives. – 2023. – Vol. 20. – Issue 1. – P. 1–15. DOI: 10.13169/polipers.20.1.ra5.

14. Berro T. والتحديات الفرص: الفضاء مجال في العربي الصيني التعاون // Chinese and Arab Studies. – 2024. – Vol. 2. – Issue 1. – Pp. 81–93. DOI: 10.1515/caas-2022-2007

15. Chaziza M. The Significant Role of Oman in China's Maritime Silk Road Initiative // Contemporary Review of the Middle East. – 2019. – Vol. 6. – Issue 1. – P. 44–57. DOI: 10.1177/2347798918812285

16. Gani A., Al Mawali N. R. Oman's Trade and Opportunities of Integration with the Asian Economies // Economic Modelling. – 2013. – Vol. 31. – P. 766–774. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2013.01.015>

17. Han Z., Chen X. Historical Exchanges and Future Cooperation Between China and Oman Under the “Belt & Road” Initiative // International Relations and Diplomacy. – 2018. – Vol. 6. – Issue 1. – P. 1–15. – DOI: 10.17265/2328-2134/2018.01.001

18. Hemchi M. The Political Economy of China–Arab Relations: Challenges and Opportunities // Contemporary Arab Affairs. – 2017. – Vol. 10. – Issue 4. – P. 577–595. DOI: 10.1080/17550912.2017.1402481

19. Sadik A. T., Bolbol A. A. Capital Flows, FDI, and Technology Spillovers: Evidence from Arab Countries // World Development. – 2001. – Vol. 29. – Issue 12. – P. 2111–2125. – URL: [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(01\)00083-3](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(01)00083-3)

References

1. Al Markhun A. O. S., Gusarova S. A. Diversifikatsiya razvitiya ekonomiki Sultanata Oman [Diversification of Economic Development of the Sultanate of Oman]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2023, No. 6 (155), pp. 84–88. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2023.155.6.010

2. Al Markhun A. O. Osobennosti ekonomiki Sultanata Oman [Features of the Economy of the Sultanate of Oman]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika* [Scientific Research and Development. Economy], 2023, Vol. 11, No. 2, pp. 44–48. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587-9111-2023-11-2-44-48

3. Biryukov E. S. Spetsialnye ekonomicheskie zony v mirovoy ekonomike (na primere arabskikh stran) [Special Economic Zones in the Global Economy (on the Example of Arab Countries)]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 2016, No. 2 (58), pp. 222–230. (In Russ.).
4. Isaev V. A., Filonik A. O. Katar: tri stolpa rosta (sotsialno-ekonomicheskiy ocherk) [Qatar: Three Pillars of Growth (Socio-Economic Essay)]. Moscow, 2014. (In Russ.).
5. Melkumyan E. S. Sultanat Oman – KNR: strategicheskoe partnerstvo [Sultanate of Oman – China: Strategic Partnership]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2020, No. 12, pp. 46–50. (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750012798-9
6. Rudenko L. N. Torgovlya i ekonomicheskoe sotrudnichestvo Omana i Bakhreyna s Kitaem (2010-e gody) [Trade and Economic Cooperation of Oman and Bahrain with China (2010s)]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2022, No. 4, pp. 75–85. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2022-4-75-85
7. Rusakovich V. I. Oman: strukturnye preobrazovaniya i ekonomicheskiy rost [Oman: Structural Transformations and Economic Growth]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2018, No. 3 (728), pp. 48–55. (In Russ.).
8. Rusakovich V. I. Stremitelnyy rost kitayskoy ekonomiki i nakoplenie strukturnykh protivorechiy: vozmozhno li vosstanovlenie? [The Rapid Growth of the Chinese Economy and the Accumulation of Structural Contradictions: is Recovery Possible?]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 4 (26), pp. 6–18. (In Russ.).
9. Savinskiy A. V. Rol kulturnykh aspektov v kitaysko-afrikanskom ekonomicheskom sotrudnichestve [The Role of Cultural Aspects in Sino-African Economic Cooperation]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 3 (29), pp. 19–27. (In Russ.).
10. Said A. Dolgovoy krizis i ego vliyanie na ekonomicheskoe razvitie (na primere Sultanata Oman) [Debt Crisis and its Impact on Economic Development (on the Example of the Sultanate of Oman)]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2022, Vol. 8, No. 2 (30), pp. 94–104. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2022-2-94-104
11. Khe Mindzyun. Vneshnyaya torgovlya Kitaya: tendentsii razvitiya, rol dlya natsionalnoy ekonomiki i transformatsiya regulirovaniya [China's Foreign Trade: Development Trends, Role for the National Economy, and Regulatory Transformation]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2021, No. 2 (16), pp. 43–54. (In Russ.).
12. Shkvarya L. V. Strany Persidskogo zaliva: sovremennye tendentsii ekonomicheskogo razvitiya [The Countries of the Persian Gulf: Current Trends in Economic Development]. Yalta, 2021. (In Russ.).

13. Akhter M. J. Chinese Investments in Maritime Sectors of Oman and UAE: Transitioning Realities. *Policy Perspectives*, 2023, Vol. 20, Issue 1, pp. 1–15. DOI: 10.13169/polipers.20.1.ra5.
14. Berro T. والتحديات الفرص: الفضاء مجال في العربي الصيني التعاون // *Chinese and Arab Studies*, 2024, Vol. 2, Issue 1, pp. 81–93. DOI: 10.1515/caas-2022-2007
15. Chaziza M. The Significant Role of Oman in China's Maritime Silk Road Initiative. *Contemporary Review of the Middle East*, 2019, Vol. 6, Issue 1, pp. 44–57. DOI: 10.1177/2347798918812285
16. Gani A., Al Mawali N. R. Oman's Trade and Opportunities of Integration with the Asian Economies. *Economic Modelling*, 2013, Vol. 31, pp. 766–774. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2013.01.015>
17. Han Z., Chen X. Historical Exchanges and Future Cooperation Between China and Oman Under the “Belt & Road” Initiative. *International Relations and Diplomacy*, 2018, Vol. 6, Issue 1, pp. 1–15. DOI: 10.17265/2328-2134/2018.01.001
18. Hemchi M. The Political Economy of China–Arab Relations: Challenges and Opportunities. *Contemporary Arab Affairs*, 2017, Vol. 10, Issue 4, pp. 577–595. DOI: 10.1080/17550912.2017.1402481
19. Sadik A. T., Bolbol A. A. Capital Flows, FDI, and Technology Spillovers: Evidence from Arab Countries. *World Development*, 2001, Vol. 29, Issue 12, pp. 2111–2125. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(01\)00083-3](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(01)00083-3)

Поступила: 10.02.2025

Принята к печати: 19.02.2025

Сведения об авторе

Людмила Васильевна Шкваря
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: destard@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6653-939X

Information about the author

Lyudmila V. Shkvarya
Doctor of Economic Sciences,
Professor, Professor of the Department
of World Economics of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992,
Russian Federation.
E-mail: destard@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6653-939X

ПРОБЛЕМЫ СОПРЯЖЕНИЯ ЕАЭС И ОРГАНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**О. В. Бирюкова, К. А. угли Хасанов,
Д. С. Бугаева, Е. А. Смагин**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия

В Организации тюркских государств (ОТГ) исторически приоритетное значение отдавалось политической и культурно-гуманитарной сферам многостороннего сотрудничества. Авторы демонстрируют, что в настоящее время ОТГ взяла курс на расширение экономического сотрудничества внутри объединения и предпринимает соответствующие нормативные и институциональные шаги для этого. Основная причина такой экономической повестки – понимание, прежде всего Турцией, недостаточности политических и гуманитарных проектов на основе тюркской идентичности, культуры и языка для расширения своего влияния в регионе. Вместе с тем такое развитие неизбежно пересекается с евразийской интеграцией и создает риски для России. Авторами выявлено, что размер экономик стран ОТГ уступает экономической мощи стран ЕАЭС, однако тюркские государства иллюстрируют более динамичный рост, чем ЕАЭС и мир в целом. Торговля и потоки ПИИ между ЕАЭС и ОТГ осуществляются в основном в двустороннем формате (Турция – Россия) по ограниченным товарным номенклатурам (нефть и металлы) и проектам вложений инвестиций (логистика). Несмотря на активную гуманитарную и культурную работу объединения, торговая и инвестиционная связанность стран пока не отражает реализацию соответствующих инициатив, заложенных в «Видении Тюркского мира-2040». Анализ демонстрирует, что для членов двух организаций (Казахстан, Киргизия и имеющий статус наблюдателя в ЕАЭС Узбекистан) Россия и ЕАЭС имеют большое экономическое значение, однако государства Центральной Азии поддерживают дальнейшую интеграцию внутри ОТГ как часть своего многовекторного курса внешней политики. Роль России и ЕАЭС в случае углубления интеграции внутри ОТГ значительно увеличится, поскольку именно Российская Федерация рассматривается внешними акторами как ключевой игрок, способный сбалансировать региональное влияние Турции. Исходя из этого, в статье предлагаются сценарии дальнейшего взаимодействия ЕАЭС и ОТГ, которые позволят в долгосрочной перспективе купировать риски растущего влияния Турции без перехода к открытой конфронтации и отойти от нынешней тактики игнорирования объединения. В частности, авторы рассматривают перспективы сотрудничества в сферах зеленой экономики, логистики, энергетики, науки и образования.

Ключевые слова: Турция, пантюркизм, евразийская интеграция, экономическое сотрудничество, внешняя политика, Центральная Азия.

PROBLEMS OF COUPLING THE EAEU AND THE ORGANIZATION OF TURKIC STATES IN MODERN CONDITIONS

Olga V. Biryukova, Kamoliddin Adkhamzhon ugli Khasanov,
Darya S. Bugaeva, Evgeniy A. Smagin
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Historically, the Organization of Turkic States (OTS) prioritized political, cultural and humanitarian fields of multilateral cooperation. However, authors demonstrate that OTS has now taken a course to expand economic cooperation within the association and is taking consistent regulatory and institutional steps to do so. The main reason for the introduction of the economic agenda is the understanding of the insufficiency of political and humanitarian projects based on Turkic identity, culture and language to expand its influence in the region. At the same time, such development inevitably intersects with Eurasian integration and creates risks for Russia. The authors highlight that the size of the economies of the OTS countries is inferior to the economic power of the EAEU countries, however, the Turkic states illustrate a more dynamic growth than the EAEU and the world as a whole. Trade and FDI flows between the EAEU and OTS take place mainly in the bilateral format between Turkey and Russia for limited commodity nomenclatures (oil and metals) and investment projects (logistics). Despite the active humanitarian and cultural work of the OTS, the trade and investment connectivity of the countries does not yet reflect the implementation of the relevant initiatives laid down in the "Vision of the Turkic World-2040". The analysis demonstrates that for members of two organizations (Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan, which has observer status in the EAEU) Russia and the EAEU have a large economic role, but the Central Asian states support further integration within the OTS as part of their multilateral foreign policy. The role of Russia and the EAEU in the scenario of deepening integration within the OTS increases significantly, since it is the Russian Federation that is considered as a key player capable of balancing Turkey's regional influence by external actors. Based on this, the article suggests scenarios for further interaction between the EAEU and the OTG, which will allow to mitigate the long-term risks of Turkey's growing influence without switching to open confrontation and move away from the current tactics of ignoring the association. In particular, the authors consider the prospects for cooperation in the fields of «green economy», logistics, energy, science and education.

Keywords: Turkey, pan-Turkism, Eurasian integration, economic cooperation, foreign policy, Central Asia.

Организация тюркских государств в зеркале исследований

В целом тематика тюркской интеграции по линии ОТГ на сегодняшний день недостаточно освещена в академической литературе, о чем свидетельствует незначительное количество соответствующих публикаций (статей, книг, монографий). В особенности это характерно для российского исследовательского поля, в котором тюркский сюжет несколько игнорируется, что отчасти коррелирует с позицией России в отношении ОТГ. На этом фоне в академическом пространстве можно отметить русскоязычные работы казахстанских, киргизских и китайских исследователей, посвященные вопросам развития тюркской интеграции в

рамках ОТГ. К примеру, казахстанский исследователь Г. У. Хаджиева рассматривает потенциал и противоречия тюркской интеграции в рамках Тюркского совета. Так, автор отмечает, что, хотя стержнем интеграционных процессов в тюркском мире является гуманитарная составляющая, базирующаяся на факторе языковой близости, ни одна тюркская страна в настоящее время не способна стать движущей силой экономической интеграции [6]. Что касается киргизских исследователей, то, например, С. Карабаев и Ф. Акыналп, анализируя проблемы и перспективы тюркской интеграции, фиксируют наличие определенного соперничества между тюркской и евразийской инициативами [5].

Заслуживает отдельного внимания работа китайского автора Чжан Юйяня, посвященная анализу происхождения мотивов, особенностей и влияния Организации тюркских государств. Рассуждая о перспективах развития ОТГ, исследователь выделяет ряд препятствий на пути тюркской интеграции, таких как отсутствие непрерывного географического пространства, отсутствие локомотива интеграционных процессов и недостаточно высокий уровень развития экономики Турции для поддержания этой роли. В заключение констатируется, что ОТГ представляет собой вызов национальной безопасности и внешнеполитическим интересам Российской Федерации [7].

Помимо этого, следует выделить ряд англоязычных работ по тематике ОТГ, написанных азербайджанскими, узбекскими и турецкими исследователями. Например, азербайджанский автор О. Багиров, анализируя экономический потенциал Организации тюркских государств и перспективы сотрудничества между ее членами, приходит к противоположному выводу по сравнению с упомянутыми выше казахстанскими и китайскими исследователями. По мнению О. Багирова, Турция благодаря своей крупной и диверсифицированной экономике способна играть ведущую роль в расширении торговых отношений в рамках Организации тюркских государств [8]. В свою очередь узбекский исследователь М. Мустофаев, рассматривая ОТГ через призму цивилизационного подхода С. Хантингтона, объясняет активизацию многостороннего сотрудничества тюркских государств в рамках единой международной организации с точки зрения историко-цивилизационного, политического и глобального процессов. Автор указывает, что возникновение ОТГ стало возможным в результате обретения тюркскими странами Центральной Азии и Закавказья независимости после распада СССР, что ознаменовало возрождение тюркской цивилизации [13].

Переходя к турецким авторам, стоит отметить А. Ф. Четинкую и Н. Демиреля, которые в своей работе предпринимают попытку проанализировать влияние ОТГ на внешнюю торговлю ее членов. Согласно результатам исследования, физическое расстояние между странами – участницами ОТГ оказывает статистически значимое негативное влияние

на взаимную торговлю, что соответствует устоявшейся точке зрения в академической литературе. Более того, на основании проведенного анализа авторы заключают, что только Турция нарастила торговые связи с тюркскими государствами. Это свидетельствует о том, что Анкара приобрела больше экономических выгод от своего членства в ОТГ, чем другие страны [10].

Турецкий исследователь М. Кыратлы, отмечает, что Россия и Китай, создавая собственное экономическое пространство в Центральной Азии, пытаются ограничить пространство для маневра других игроков, заинтересованных в этом регионе (в том числе Турции) [12]. В этой связи автор утверждает, что ОТГ обладает потенциалом устранить эти препятствия путем институционализации сотрудничества с тюркскими странами региона. Автор также подчеркивает, что Россия инструментализирует свое советское прошлое для укрепления всестороннего сотрудничества со странами Центральной Азии. При этом в качестве контрмеры М. Кыратлы предлагает Турции использовать собственное преимущество в этом направлении, а именно фактор культурно-лингвистической близости [12]. Помимо этого, отдельно следует остановиться на работе коллектива авторов, таких как А. Эмре Суджу, О. И. Искандаров, Р. Б. Махмудов и Д. Н. Чернов. По их мнению, Тюркский совет, хотя и представляет собой мягкую альтернативу России и Китаю для тюркских государств Центральной Азии, не может выступать в качестве полноценного центральноазиатского проекта для Турции [11].

Вместе с тем стоит упомянуть турецких авторов, исследующих взаимоотношения Турции со странами – участницами ЕАЭС. Так, с точки зрения Н. Башегмеза и К. А. Токера, ЕАЭС за счет таких факторов, как географическая близость и общие логистические сети, открывает перспективы для Турции, принимая во внимание нерешенность вопроса о вступлении Анкары в ЕС [9].

В работах российских исследователей больше внимания уделяется анализу перспектив взаимодействия ЕАЭС и ОТГ, а также изучению рисков, которые данное объединение создает для Союза. Например, С. А. Васильева отмечает, что перспективы взаимодействия ЕАЭС и Тюркского совета будут тесно связаны с динамикой российско-турецких отношений, поскольку Москва и Анкара выступают в качестве лидеров данных объединений [3]. С этой точкой зрения солидарны В. Живалов, Е. Чимириш, Т. Алиев [4]. По их мнению, возросшая активность Турции в тюркских странах Евразии создает конкуренцию интеграционной инициативе России в регионе, в связи с чем авторы прогнозируют усиление соперничества между ЕАЭС и ОТГ.

В то же время авторы считают, что ОТГ вряд ли сможет выдержать подобную конкуренцию по причине интегрированности таких тюркских стран, как Казахстан и Киргизия в ЕАЭС, и их глубоких связей с Россией.

Говоря о точках соприкосновения, указанные исследователи подчеркивают важность нахождения баланса интересов между ОТГ и ЕАЭС в области таможенного регулирования и внешнеэкономической деятельности в целом, что требует налаживания постоянного контакта между сторонами.

Таким образом, на основании проведенного обзора литературы можно заключить, что проблема сопряжения ЕАЭС и ОТГ остается недостаточно раскрытой в отечественной академической литературе. Во многом это обусловлено тем, что вышеупомянутые работы либо нуждаются в актуализации в соответствии с текущими реалиями, либо фокусируются преимущественно на ОТГ, либо выделяют конкретный аспект изучаемой тематики (например, риски, исходящие от ОТГ для ЕАЭС). Настоящая работа призвана восполнить этот пробел и нацелена на комплексное исследование проблемы сопряжения ЕАЭС и ОТГ на современном этапе с акцентом на выявлении возможных направлений экономического сотрудничества между двумя объединениями. Научная значимость представленной работы обуславливается тем, что она внесет вклад в актуализацию существующих в исследовательской литературе подходов к осмыслению рассматриваемой проблематики.

История создания ОТГ: эволюция и специфика объединения

Тюркский совет, созданный в 2009 г. как межправительственная организация, в 2021 г. был преобразован в региональное объединение под названием Организация тюркских государств. На сегодняшний день организацией не декларируются заявления о планах на дальнейшее расширение. Обусловлено это тем, что в Организацию тюркских государств уже интегрированы все суверенные тюркские страны (Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан), за исключением Туркмении, которая сохраняет свое присутствие в объединении в качестве наблюдателя. Помимо этих шести стран, статус наблюдателя в ОТГ имеют Венгрия, апеллирующая в своей внешнеполитической риторике к историческому тюркскому наследию, а также частично признанная Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК), вступление которой было успешно пролоббировано Турцией в 2022 г.

В отличие от ЕАЭС, ОТГ – политическая организация, базирующаяся на культурно-языковой общности, ориентированная на развитие тюркской культуры и идентичности и до последнего времени недостаточно экономически интегрированная. Закономерно, среди заявленных ОТГ целей и задач преобладают политические и культурно-гуманитарные. В регионе также уделяется внимание обеспечению безопасности: выработке общих внешнеполитических подходов, координации действий по борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, популяризации культурного наследия тюркских народов и ин-

тенсификации взаимодействия в области науки и техники, образования, экологии, здравоохранения, спорта и туризма.

Вместе с тем уже в Нахичеванской декларации 2009 г. указывалась необходимость расширения сотрудничества в торгово-экономической, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой областях, создания условий для развития торговли и инвестиций, упрощения таможенных и транзитных процедур, финансовых и банковских операций¹. Эти направления неизбежно пересекаются с задачами ЕАЭС по формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов на Евразийском пространстве².

Продолжая фокусироваться на развитии сотрудничества в рамках внешней политики, безопасности, культуры, в последующих документах по итогам различных саммитов экономическая повестка ОТГ постепенно расширялась и конкретизировалась. На восьмом саммите 2021 г. был принят главный стратегический и концептуальный документ Организации «Видение Тюркского мира-2040»³, фактически ставший дорожной картой по углублению интеграции стран-членов в сфере торговли, логистики и финансов.

Так, в торгово-логистической сфере Организация планирует⁴ интегрировать товарные рынки и увеличить объем торговли между государствами-членами за счет устранения количественных ограничений и нетарифных барьеров. С целью повышения интенсивности транспортных операций, снижения логистических затрат и ликвидации барьеров в рамках перевозок по Транскаспийскому международному среднему коридору «Восток – Запад» предполагается либерализовать транспортные секторы государств-членов, упростить и гармонизировать таможенные и транзитные процедуры.

В сфере финансов – интенсифицировать взаиморасчеты в национальных валютах, разработать финансовые и инвестиционные инструменты для поддержки частного сектора и содействия экономическому росту, а также использовать международные фонды для финансирования совместных инфраструктурных проектов⁵.

¹ См.: Nakhchivan Agreement on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States. – URL: https://www.turkicstates.org/assets/pdf/temel_belgeler/nakhchivan-agreement-on-the-establishment-of-the-copperation-council-of-turkic-speaking-states-1-en.pdf (дата обращения: 24.07.2024).

² См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 25 мая 2023 г.) (с изм. и доп., вступившими в силу с 24 июня 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/4421fb06ad7b500f19481a4a56ebf703112c5e80/ (дата обращения: 24.07.2024).

³ См.: Turkic World Vision 2040. – URL: <https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 24.07.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Есть планы и по интеграции энергосистемы за счет диверсификации и внедрения зеленой энергетики с целью удовлетворения потребностей государств – членов ОТГ в электроэнергии и обеспечении энергетической безопасности.

Указанные в концепции «Видение Тюркского мира-2040» векторы развития Организации нацелены на ее трансформацию из разрозненной политической структуры в экономически интегрированную региональную группу, соединяющую торгово-логистические коридоры в направлениях «Восток – Запад» и «Север – Юг», что напрямую пересекается с интересами ЕАЭС и определяют ОТГ в качестве потенциального конкурента и источника риска для интеграционных процессов на Евразийском пространстве.

Вместе с тем как в указанных областях, так и в рамках расширения внутреннего агропромышленного сотрудничества и обеспечения продовольственной безопасности, внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта, экологии, развития возобновляемых источников энергии, возможно выстраивание конструктивного взаимодействия между ЕАЭС и ОТГ. Конфигурация и перспективы его развития будут напрямую зависеть от отношений Турции и России как крупнейших региональных игроков.

Сложности сопряжения объединений

Турция, позиционирующая себя в качестве лидера ОТГ, воспринимает Евразийский экономический союз через призму своих интересов на евразийском пространстве, уделяя наибольшее внимание тюркским странам Центральной Азии и Закавказья, что отражает пантюркистскую направленность политики Анкары в регионе [4]. Поскольку после распада Советского Союза Турция приложила значительные усилия для продвижения собственного видения модели институционализации двусторонних и многосторонних отношений с тюркоязычными странами, ЕАЭС и ведущая роль России в нем рассматриваются турецкой стороной скорее как вызов, так как география Союза, в который входит ряд тюркских постсоветских стран (Казахстан, Киргизия, а также Узбекистан в статусе наблюдателя), напрямую пересекается с географией ОТГ.

О противоречивом восприятии ЕАЭС Турцией свидетельствует также анализ турецкой научной литературы, посвященной вопросам развития ОТГ. Так, отдельные турецкие исследователи отмечают, что интегрированность ряда центральноазиатских стран в Евразийский экономический союз и доминирующая роль России в объединении являются одной из главных причин наличия проблемы в гармонизации отношений Турции с тюркскими государствами [12]. Более того, продвигаемый Россией проект создания единого экономического пространства на базе ЕАЭС интерпретируется как фактор, негативно влияющий на текущую

экономическую институционализацию Организации тюркских государств.

В то же время, анализируя программный документ ЕАЭС «Основные направления экономического развития государств – членов Евразийского экономического союза до 2035 года», можно обнаружить, что Организация тюркских государств, в отличие от АСЕАН, ШОС и БРИКС+, не указана в числе приоритетных направлений сотрудничества Союза с региональными объединениями. С одной стороны, это может быть индикатором сравнительно невысокой привлекательности ОТГ как перспективного направления взаимодействия для ЕАЭС, с другой стороны, такое положение дел может намекать на наличие негласного соперничества.

Таким образом, наличие негласного соперничества между ЕАЭС и ОТГ в настоящее время препятствует формированию кредита доверия между объединениями (рис. 1). В этом отношении многое зависит от восприятия Россией и Турцией друг друга [14]. Можно утверждать, что отсутствие доверия обусловлено разным видением Москвой и Анкарой евразийского пространства. Это обстоятельство представляется сдерживающим фактором на пути развития сотрудничества между ЕАЭС и ОТГ.

Рис. 1. Сдерживающие факторы для ЕАЭС при сотрудничестве с ОТГ

Присутствуют и объективные риски пересечения интересов ЕАЭС и ОТГ. Наиболее острые среди них – идеологические. С точки зрения продвижения общетюркских форматов сотрудничества на идеологической основе благоприятным для Турции фактором является отсутствие ярко выраженной внешнеполитической привязки тюркских стран, стремящихся к проведению сбалансированной внешней политики. В идеологическом отношении отличие турецкого подхода от российского заключается в том, что культурно-образовательная политика Турции в регионе направлена на более широкую целевую аудиторию, которая не ограничивается узким понятием «соотечественники», а распространяется на все

тюркские народы, поскольку в турецком языке категории «турок» и «тюрок» отождествляются.

На сегодняшний день Турция обладает более комплексным по сравнению с Россией видением культурного, образовательного и идеологического компонентов внешней политики в отношении тюркских стран постсоветского пространства. Это также подкрепляется тем, что Турция располагает разветвленной сетью государственных и некоммерческих институтов гуманитарной политики и совмещает культурно-образовательные инструменты распространения своего влияния с содействием помощи развитию (например, строительные проекты) [1]. Несмотря на то, что Турция продолжает соблюдать баланс в отношениях с Россией и учитывает ее интересы в регионе, комплексный характер проводимой Турцией политики в сфере культуры, образования и идеологии формирует вызовы российским интересам в Центральной Азии и Закавказье.

Другая группа рисков связана с развитием транспортных коридоров в обход России. Результаты карабахского конфликта, завершившегося в пользу Азербайджана и его союзника в лице Турции, формируют условия для создания новых транспортных маршрутов в Евразии. Среди них выделяется проект Зангезурского коридора, который может обеспечить Турцию и Азербайджан прямой транспортной коммуникацией, а также соединить основную территорию Азербайджана с его эксклавом – Нахичеванской Автономной Республикой.

Успешное развитие проекта Зангезурского коридора может воплотиться в формирование важного узла Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ или Среднего коридора), соединяющего Азию с Европой через Каспийское море. Более того, осуществление данного проекта также упростит сообщение между Турцией и государствами Центральной Азии, в том числе членами ОТГ. Для Российской Федерации такой сценарий грозит ослаблением ее позиций как основной транзитной страны [8], поскольку Средний коридор будет представлять собой альтернативу России в этом отношении.

Углубление интеграции стран ОТГ уже в ближайшие годы может материализовать ряд торгово-экономических рисков для ЕАЭС и Российской Федерации в регионе. Закрепленные в «Видении Тюркского мира-2040» задачи по свободному перемещению товаров, капитала, услуг и технологий означают вероятную либерализацию торговли и инвестиций, что в первую очередь приведет к росту взаимного товарооборота и ПИИ и будет создавать эрозию для евразийской интеграции. Упрощение и гармонизация таможенных и транзитных процедур государств-членов при пересечении границ уже запущены.

Ряд иных факторов выступает препятствием на пути формализации взаимодействия между Турцией и ЕАЭС. Во-первых, это фактор существования соглашения о Таможенном союзе между Европейским союзом

и Турцией от 1995 г. Во-вторых, отдельные турецкие авторы отмечают значение армянского фактора, который также рассматривается препятствием для углубления сотрудничества Турции с ЕАЭС [9].

Анализ текущего состояния взаимодействия между ЕАЭС и Российской Федерацией и ОТГ

Совокупный ВВП стран ОТГ в 2023 г. составил 1,5 трлн долларов (включая Казахстан и Киргизию – 273 млрд долларов), и доля в мировом ВВП увеличилась с 1,18% в 2020 г. до 1,48% в 2023 г. Несмотря на то что ВВП стран ЕАЭС на 800 млрд долларов больше, турецкие экономики растут быстрее евразийских – в среднем на 5% в год. Турция является второй по размеру экономикой двух объединений (ВВП – 1,1 трлн долларов) после России (2 трлн долларов), что обуславливает превалирование их интересов при ведении внешней политики ОТГ и ЕАЭС (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Экономические показатели стран ОТГ и ЕАЭС, 2000–2023 гг.*

Показатель	2000	2010	2020	2021	2022	2023
<i>ВВП в текущих ценах, млрд долл.</i>						
Совокупный ВВП по ОТГ	316	1 032	1 002	1 149	1 303	1 549
Совокупный ВВП по ЕАЭС	311	1 852	1 741	2 132	2 602	2 366
Мир	34 098	66 527	85 258	96 990	100 663	104 791
Доля ОТГ в мировом ВВП	1%	2%	1%	1%	1%	1%
Доля ЕАЭС в мировом ВВП	1%	3%	2%	2%	3%	2%
<i>ВВП в постоянных ценах, % изменения год от года</i>						
Среднее по ОТГ	6	5	–2	7	5	4
Среднее по ЕАЭС	7	4	–4	5	3	5
Мир	5	5	–3	6	3	3
<i>ВВП на душу населения в текущих ценах, в долл.</i>						
Среднее по ОТГ	1 421	5 629	5 012	5 782	6 790	7 571
Среднее по ЕАЭС	1 022	6 109	6 272	7 284	8 634	8 916
<i>Госдолг, % ВВП</i>						
Среднее по ОТГ	54	24	38	37	31	31
Среднее по ЕАЭС	73	31	45	40	36	38
<i>Инфляция, %</i>						
Среднее по ОТГ	23	8	8	11	25	19
Среднее по ЕАЭС	44	8	5	9	13	8
Мир	5	4	3	6	9	6

* Составлено по данным МВФ.

ВВП на душу населения в странах ОТГ варьируется сильнее, чем в ЕАЭС, что может создавать дополнительные трудности при наращивании блоковой экономической мощи ввиду разнонаправленного и разноускоренного темпа развития стран-участниц.

Турецкие страны менее закредитованы: отношение госдолга к ВВП в 2023 г. составило 31% (в среднем в ЕАЭС – 38%). Это может указывать, с

одной стороны, на осторожность правительств в части привлечения заимствований, а с другой – на вероятный недостаток капитала для реализации национальных проектов.

Инфляция в тюркских странах в среднем в 1,5–2 раза выше, чем в ЕАЭС, и в 2–3 раза выше, чем по миру. Особенный риск наблюдается в турецкой экономике, когда годовая инфляция в 2023 г. составила более 50%. Продолжительный кризис и вероятный дефолт могут отодвинуть на второй план внешнеполитические амбиции страны через площадку ОТГ.

Объем взаимной торговли стран ОТГ растет во всех странах, кроме Казахстана, и в 2023 г. составил 8% от объема экспорта. Однако для лидера по взаимной торговле – Турции – эта доля существенно меньше (4%), при условии, что на турецкий экспорт приходилось две трети всего экспорта стран ОТГ. Таким образом, хотя на данный момент торговая связанность тюркских стран и возрастает, динамика не иллюстрирует активную реализацию экономических, логистических, таможенных инициатив, заложенных в «Видении Тюркского мира-2040».

Ключевыми торговыми партнерами для Турции являются США, Великобритания, Нидерланды, Ирак и Россия, причем экспорт в Россию превышает по объему экспорт во все страны ОТГ вместе взятые. В 2023 г. доля взаимной торговли стран – участниц ОТГ (кроме Турции) возросла в Азербайджане и Казахстане с 10% до 16% и с 11% до 12% соответственно, а в Узбекистане и Киргизии – уменьшилась с 35% до 32% и с 38% до 27% соответственно (рис. 2). Это говорит о том, что закрепленные инициативы пока не реализуются в должной мере.

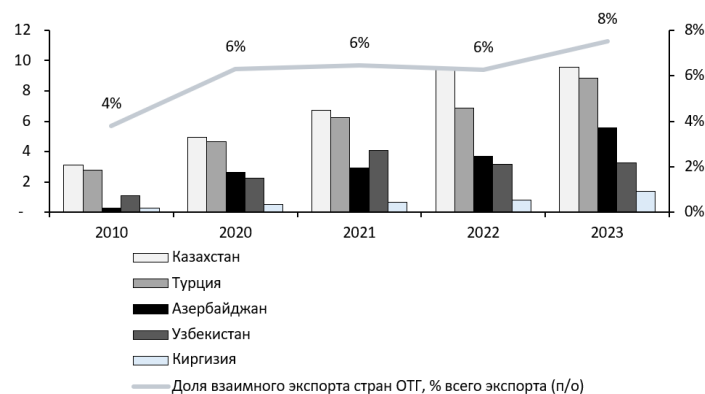

Рис. 2. Взаимная торговля стран ОТГ, 2010–2023 гг. (в млрд долл. (л/о), % (п/о))¹

Накопленные взаимные ПИИ стран ОТГ составляют 16% всех накопленных ПИИ в 2022 г. При этом в Азербайджане инвестиции сократились. Основная часть (82%) ПИИ вложена в экономику Турции (рис. 3).

¹ Рис. 2; 4 составлены по данным МВФ.

Важным инвестором является Азербайджан – 51% ПИИ страны направлены в страны ОТГ, 98% которых – в Турцию (табл. 2). В остальных случаях инвестиционная связанность стран незначительна и пока не отражает активную реализацию инвестиционных проектов.

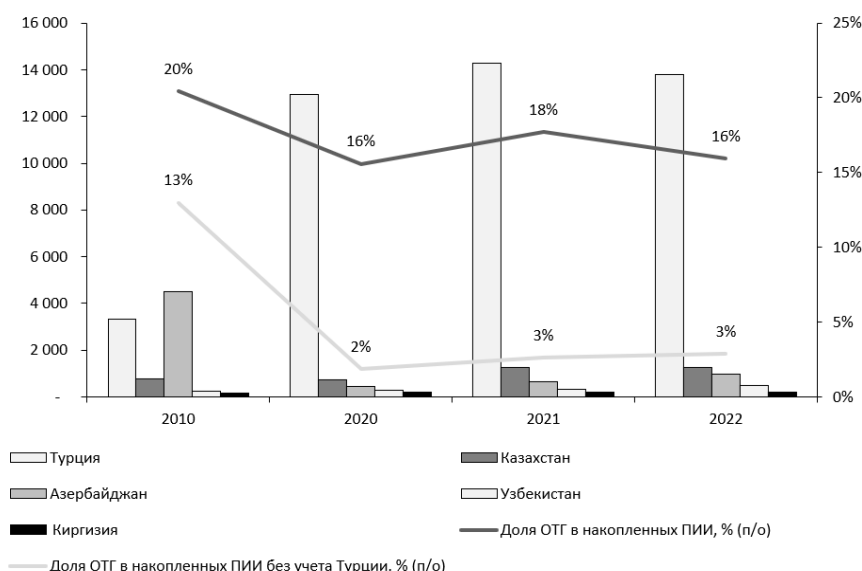

Рис. 3. Накопленные взаимные ПИИ стран ОТГ, 2010–2022 гг. (в млн долл.)¹

Т а б л и ц а 2

Накопленные ПИИ стран ОТГ, 2022 г.* (в млн долл.)

Инвестор	Казахстан	Азербайджан	Турция	Узбекистан	Киргизия	Итого
Казахстан	–	6	333	180	255	775
Азербайджан	200	–	13 477	46	26	13 749
Турция	1 039	952	–	262	34	2 287
Узбекистан	–	–	–	–	–	–
Киргизия	0,1	–	0,1	–	–	0,2
Итого	1 239	958	13 811	487	315	16 811

Текущий формат взаимодействия между ЕАЭС и ОТГ представлен главным образом двусторонними связями между странами-участницами этих двух региональных объединений. Этим фактором обуславливается невысокий уровень диверсифицированности торговых отношений между странами – членами ОТГ, большинство из которых имеют высокоразвитые торгово-экономические связи с Россией.

Страны ЕАЭС (без учета Казахстана и Киргизии) занимают небольшую долю во внешней торговле стран ОТГ: в 2023 г. на Союз пришлось всего 6% экспорта и 15% импорта (рис. 4). Импортная связанность с

¹ Табл. 2 и рис. 3; 5 составлены по данным ЮНКТАД, МВФ.

евразийскими странами снижается, а экспортная – растет. Такая динамика связана с переориентацией турецко-российских отношений – в 2023 г. импорт из России сократился на 13 млрд долларов, а экспорт – возрос на 1,3 млрд долларов.

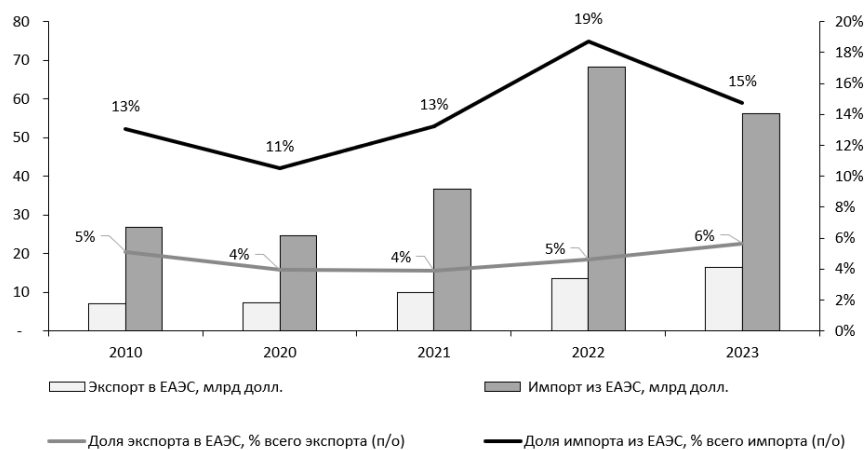

Рис. 4. Торговля стран ОТГ с ЕАЭС (без Казахстана и Киргизии), 2010–2023 гг., (в млрд долл., %)

В структуре взаимной торговли более 60% экспорта из Союза составляют минеральное топливо и нефтепродукты; по 5% приходится на товары сельского хозяйства, железо и медь.

Накопленные ПИИ стран ЕАЭС в странах ОТГ (без учета Киргизии и Казахстана) в 2022 г. были вдвое больше, чем накопленные ПИИ тюркских стран в странах Союза – 5,3 млрд долларов и 2,7 млрд долларов соответственно. Однако из всех накопленных инвестиций евразийских государств в третьи страны на ОТГ приходилось 2,5%, в то время как 3,3% накопленных инвестиций ОТГ находились в ЕАЭС (рис. 5).

Рис. 5. Накопленные инвестиции стран ОТГ и ЕАЭС (без учета Казахстана и Киргизии), 2010–2022 гг. (в млрд долл., %)

Таким образом, в относительном выражении инвестиции ОТГ в ЕАЭС больше, хотя это направление на данный момент для тюркских стран не является приоритетным. Основной инвестиционный поток приходится на Турцию – Россию: в 2022 г. накопленные ПИИ Турции в Российскую Федерацию достигли 1 млрд долларов (+765 млн за год), и эта доля продолжает расти.

Взаимодействие между ЕАЭС и Российской Федерацией с Турцией

Значимым фактором в контексте взаимоотношений ЕАЭС и ОТГ выступает состояние взаимодействия между Россией и Турцией – странами, которые играют роль локомотивов указанных объединений. Хотя российско-турецкие связи в последнее десятилетие приобрели многоплановый характер, особенно в сфере экономического сотрудничества, в отношениях между странами по-прежнему присутствуют противоречия, связанные с несовпадением долгосрочных интересов в Сирии, Ливии, а также на постсоветском пространстве, а именно в Закавказье и Центральной Азии.

В российско-турецких отношениях преобладает двусторонний формат взаимодействия, что обуславливается отсутствием устойчивых многосторонних платформ сотрудничества, в которых одновременно участвовали бы и Россия, и Турция. При этом могут действовать ситуативные форматы с участием Москвы и Анкары, которые направлены на решение узконаправленных проблем двусторонних отношений¹.

В целом текущая динамика российско-турецких отношений может быть охарактеризована как позитивная. Тренд к наращиванию двустороннего взаимодействия между странами был задан в 2016 г., когда отношения между ними были нормализованы после непродолжительного кризиса, наступившего в связи с инцидентом со сбитым российским самолетом в 2015 г. С тех пор экономические связи России и Турции вступили в новую стадию развития, укрепившись после обострения украинского кризиса. В 2022 г. был достигнут рекордный товарооборот между Россией и Турцией (68,2 млрд долларов), но уже в 2023 г. объем торговли сократился до 56,5 млрд долларов, причем импорт из Российской Федерации возрос (рис. 6).

Россия остается основным импортером для Турции даже с учетом снижения торговли в 2023 г. до 45,6 млрд долларов (с 59 млрд долларов в 2022 г.). При этом доля импорта из Китая и европейских стран в Турцию продолжает расти. Это связано с тем, что Турция существенно сократила объем импорта основной товарной группы взаимной торговли с Российской Федерацией – нефтепродуктов – с 96,5 млрд долларов в 2022 г. до

¹ Примером является созданный в 2017 г. Астанинский формат, выступающий переговорной площадкой по урегулированию конфликта в Сирии.

69 млрд долларов в 2023 г. (более 66% всего российского товарного экспорта в Турцию).

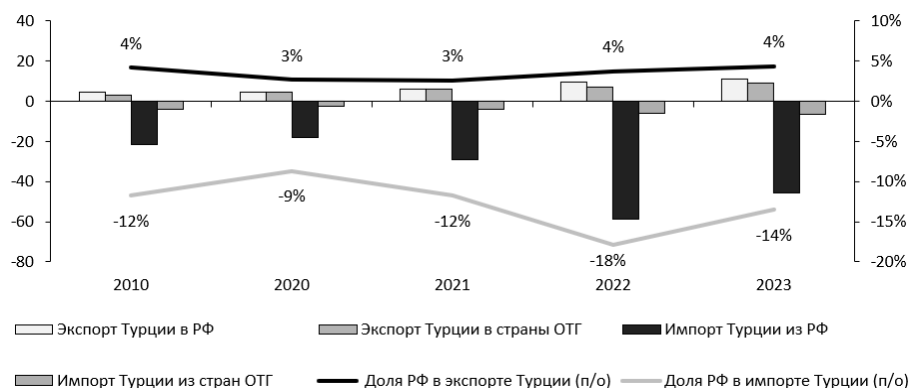

Рис. 6. Взаимная торговля Турции, ОТГ и России, 2010–2023 гг.
(в млрд долл. (л/о), % (п/о))¹

Современное состояние взаимодействия Турции с Россией по вопросу влияния на постсоветском пространстве можно описать как комфортное соперничество. Оно предполагает наличие конструктивного диалога и ситуативного сотрудничества на фоне конкуренции и разногласий по отдельным региональным проблемам. Наиболее яркими примерами проявления этого формата отношений между Российской Федерацией и Турцией является взаимодействие по вопросу урегулирования карабахского конфликта, сохранение контакта в условиях современной политической ситуации, а также извлечение торговых и инвестиционных выгод.

В условиях ухудшения отношений России с европейскими странами и возникших в этой связи проблем с транспортировкой российских энергоносителей по маршруту «Северных потоков» Турция становится важной транзитной точкой для Российской Федерации. Потенциал транзитного статуса Анкары для России обусловлен, во-первых, удобным географическим положением Турции, находящейся на стыке трех континентов, во-вторых, неприсоединением турецкой стороны к санкционному режиму стран Запада.

Успехи российско-турецкого энергетического сотрудничества подтверждаются на примере реализации таких масштабных проектов, как «Голубой поток» и «Турецкий поток», ставших неотъемлемой частью российской сети энергопоставок. К тому же сотрудничество Турции и Российской Федерации в энергетической сфере нарастает в области атомной энергетики, о чем свидетельствует строительство АЭС «Аккую»

¹ Рис. 6 составлен по данным МВФ и ИТС.

в Турции¹. Этот проект является одной из самых крупных инициатив в рамках российско-турецких отношений, является первым в мире проектом АЭС, реализуемым по модели «строй – владей – используй». То есть Россия после строительства атомной станции в Турции сможет также ею управлять на протяжении всего жизненного цикла АЭС. Доля госкорпорации «Росатом» в проекте составляет 99,2%, а общая стоимость проекта оценивается на уровне 20 млрд долларов².

Что касается трека ЕАЭС – Турция, то в этом направлении наблюдается противоречивость, выражающаяся прежде всего в неоднозначной позиции Анкары в отношении этого объединения. Учитывая сложность вопроса вхождения Турции в ЕС, Евразийский экономический союз потенциально мог бы выступать в качестве альтернативы. Более того, для самой Турции, учитывая ее выраженное стремление к закреплению за собой статуса межрегионального хаба, актуализируется значимость сотрудничества со странами ЕАЭС.

Восприятие ОТГ другими региональными акторами

Развитие ОТГ и его возможная трансформация из сугубо культурной и политической организации в экономическое объединение с военным потенциалом вызывает тревогу у большинства региональных акторов. Транспортные проекты Турции пересекаются с инициативами Китая, Ирана и Грузии, а культурная экспансия создает риски как для государств с тюркским меньшинством, так и для отдельных лидеров исламского мира (табл. 3).

В сложившейся обстановке роль России существенно повышается, так как она выступает в качестве основного игрока, способного противостоять развитию ОТГ путем укрепления евразийской интеграции и использования своего политического веса для купирования рисков. Присутствие Российской Федерации в регионе нейтрализует значительную часть угроз для внешних игроков, в частности, ставя под сомнение военный потенциал ОТГ.

Важно отметить, что большинством стран ОТГ рассматривается как инструмент Турции по ограничению политического влияния, а также экономической деятельности других игроков. Существование ОТГ в какой-то степени позволяет сохранить статус-кво в регионе, не давая какой-либо из сторон обрести логистическую монополию или занять место единоличного лидера в сфере безопасности.

¹ Физический пуск первого блока АЭС «Аккую» намечен на 2024 год, ввод в эксплуатацию ожидается в 2025 году.

² Проект строительства АЭС «Аккую». – URL: <http://www.akkunpp.com/index.php?Lang=ru> (дата обращения: 24.07.2024)

Т а б л и ц а 3

Восприятие ОТГ внешними акторами

	Политика	Безопасность	Экономика и логистика	Культура
Китай	ОТГ рассматривается как сдерживающий механизм активности Китая в Центральной Азии	Развитие ОТГ повышает возможность прокси-конфликта Турции и России в ЦА, который затруднит деятельность КНР	Логистические проекты ОТГ пересекаются с коридором China – Central Asia – West Asia, входящим в «Один пояс, один путь»	Положение жителей Синьцзян-Уйгурского автономного района, принадлежащих к тюркским народам
Иран	Турция и ОТГ рассматриваются как проводник западного влияния в Закавказье	Прочные отношения члена ОТГ Азербайджана и Израиля рассматриваются как угроза безопасности	Средний коридор, Зангезурский коридор и другие проекты снизят роль Ирана для тюркских государств	Присутствие в Иране значительной тюркской общины (преимущественно этнических азербайджанцев)
Саудовская Аравия	ОТГ рассматривается как проводник внешнеполитических амбиций Турции, желающей стать новым центром притяжения исламских стран	Развитие военного потенциала ОТГ вызывает опасения из-за возможных изменений динамики в регионе	<i>Существенных противоречий не обнаружено</i>	Тюркская идентичность делает менее важной исламскую идентичность и подрывает амбиции Саудовской Аравии по укреплению своей роли как лидера исламского мира
Грузия	<i>Существенных противоречий не обнаружено</i>	<i>Существенных противоречий не обнаружено</i>	Зангезурский коридор снижает логистическую значимость Грузии для Закавказья	Крупная роль голеновского движения в продвижении мягкой силы Турции в Грузии делает этот инструмент нестабильным
Афганистан	Непризнание Талибана* делает институционализированный диалог с ОТГ невыполнимым	Ситуация в Афганистане представляет перманентную угрозу безопасности входящим в ОТГ странам Центральной Азии	<i>Существенных противоречий не обнаружено</i>	<i>Существенных противоречий не обнаружено</i>
Евросоюз	Разногласия между ЕС/НАТО и Турцией делают опасным для Евросоюза любое поощрение ОТГ, также чувствительным является вопрос ТРСК, имеющей статус наблюдателя в ОТГ	Двойственная позиция Венгрии нарушает общеевропейский подход к блоковой безопасности	<i>Существенных противоречий не обнаружено</i>	Единоличное лидерство Турции в культурном аспекте ОТГ может сделать идею пантюркизма менее привлекательной для Венгрии

* Талибан признан в России террористической организацией.

Возможные направления сотрудничества

Ограниченное взаимодействие между ЕАЭС и ОТГ в сферах, напрямую не связанных с политическими вопросами, не приведет к усилению влияния ОТГ, но даст преимущества членам евразийской организации (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Потенциальные возможности сотрудничества между ЕАЭС и ОТГ

Направление сотрудничества	План реализации
Зеленая экономика	Гармонизация подходов к зеленой экономике в части общих приоритетов климатической повестки и развития устойчивой энергетики
Цифровизация	Обмен опытом и передовыми технологиями в области электронного правительства и цифровых государственных услуг. Обмен данными между информационными системами объединений о перемещении транспортных средств для контроля таможенных процессов
Общая финансовая инфраструктура	Расширение практики взаиморасчетов в национальных валютах с целью снижения зависимости от доллара. Расширение сотрудничества по линии исламского банкинга
Координация энергетических проектов	Обсуждение на уровне организаций отдельных проектов, учитывая большое число российских экспортеров топлива в их составе
Наука и образование	Создание совместных межуниверситетских консорциумов для выстраивания системных коммуникаций между академическими сообществами

Одним из перспективных направлений взаимодействия ЕАЭС и ОТГ может стать сотрудничество в сфере зеленой экономики и цифровизации. О приоритетности указанных направлений для ОТГ свидетельствует упоминание о них в стратегической концепции «Видение Тюркского мира-2040». В этом отношении для налаживания сотрудничества важным представляется гармонизация подходов стран – участниц ЕАЭС и ОТГ к зеленой экономике, а именно в части общих приоритетов климатической повестки, развития устойчивой энергетики и т. д.

Энергетические проекты, включая газовый хаб в Турции, могут обсуждаться на уровне организаций, учитывая большое число экспортеров топлива в их составе. Отдельные соглашения между ОТГ и ЕАЭС, которые облегчат транзит газа, поспособствуют развитию данных проектов и закрепят в них Россию, не давая поводов для создания обходных схем. Наибольший потенциал продвижение подобных идей имеет среди элит Азербайджана, которые могут получить плюсы от евразийской интеграции без необходимости вступления в одну организацию с Арменией.

Выгодным для ЕАЭС было бы сотрудничество с ОТГ по гуманитарному направлению, учитывая опыт и растущее влияние Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТІКА). Возможно создание глобальных гуманитарных проектов на уровне регионов (Центральная Азия/Закавказье), в которых Россия и Турция смогли бы разделить ответственность и обмениваться опытом.

Другим перспективным направлением экономического сотрудничества между ЕАЭС и ОТГ является налаживание взаимодействия в финансовой сфере, в том числе через сотрудничество в исламском банкинге. Поскольку вопрос использования национальных валют в торговле между странами-членами стоит на повестке дня ОТГ, для ЕАЭС открываются перспективы возможного создания отдельной совместной с ОТГ финансовой инфраструктуры, направленной на снижение зависимости от доллара. Одним из главных бенефициаров в случае реализации такой инициативы может стать Россия, которая заинтересована в смягчении последствий санкций США и ЕС за счет налаживания процессов дедолларизации в рамках многосторонних форматов сотрудничества с другими странами.

Кроме того, определенные перспективы имеет налаживание сотрудничества между ЕАЭС/Российской Федерацией и ОТГ в рамках научно-образовательной сферы. Так, одним из примеров возможной активизации взаимодействия между указанными объединениями в этой области может стать развитие сетевого сотрудничества университетов – создание совместных межуниверситетских консорциумов, направленных на выстраивание системных коммуникаций между академическими сообществами стран – участниц ЕАЭС и ОТГ с целью повышения уровня диалога.

Выводы для России

Проведенный в исследовании анализ продемонстрировал, что идейный вдохновитель и основной архитектор ОТГ – Турция – уже выходит за границы пантюркизма в регионе и затрагивает компетенции ЕАЭС. Кроме того, Казахстан, Киргизия и Узбекистан – не просто союзники России, а члены различных экономических и оборонных структур с российским участием.

При этом Казахстан, Киргизия и Узбекистан воспринимают ОТГ в качестве одного из приоритетных направлений в рамках многовекторной внешней политики, нацеленной на диверсификацию внешнеэкономических связей, и вспомогательной платформы для укрепления взаимодействия с другими тюркскими странами Центральной Азии. Эти страны не рассматривают ОТГ как альтернативу ЕАЭС, скорее, эти два направления видятся им как параллельные (но и не взаимодополняющие). В настоящее время наиболее активно выстраивает взаимодействие с ОТГ Узбекистан.

стан, более умеренная позиция у Казахстана. В то же время Киргизия в меньшей степени инвестирует в проект ОТГ, она скорее участвует в пассивном формате.

Анализ взаимной торговли стран ОТГ показывает небольшую интегрированность в экономической сфере, несмотря на официально закрепленные инициативы. Особенно это выделяется в слабой интенсивности торговых связей и в низком удельном весе взаимных инвестиций в совокупных ПИИ. Это в очередной раз доказывает политический характер объединения, имеющего недостаточные предпосылки для формирования экономического блока.

Страны ОТГ находятся в тесных взаимоотношениях с Россией в части торговли, однако укрепление и даже поддержание их текущего уровня требует дополнительных усилий, так как растет роль третьих сторон: Китая, ЕС [2]. Динамика торговли в основном отражает снижающуюся зависимость от импорта из Российской Федерации. Особенно это чувствительно в контексте российско-турецких отношений, поскольку объем торговли с Турцией – самый большой среди всех тюркских стран.

Отметим, что Россия, несмотря на все сложности взаимоотношений с Турцией, заинтересована в усилении ее суверенитета и готова до определенных границ закрывать глаза на активную внешнюю экспансию. Такими границами будут военное партнерство Анкары с недружественными государствами, слишком громогласное бравирование турецко-азербайджанским альянсом (забывая об интересах России и Ирана) и агрессивная политика пантюркизма в Центральной Азии в ущерб концепции евразийства.

Продолжение стратегии игнорирования развития ОТГ со стороны Москвы имеет свои слабые стороны. Фактически на сегодняшний день процессы строительства ОТГ происходят в закрытом от России формате, без согласования с повесткой ЕАЭС и координации с нашими приоритетными проектами. Такой подход лишь способствует потере Россией влияния в странах-участницах объединения.

Переход к резкой конфронтации со стороны Москвы также несет в себе ряд рисков, среди которых усиление антироссийских настроений, дистанцирование от евразийской интеграции, поддержка санкций против России. Меньше всего Москва сегодня заинтересована в эскалации конфликтов со странами региона.

Целесообразным выглядит конструктивное взаимодействие России с ОТГ с использованием международной правосубъектности ЕАЭС, при этом нельзя забывать о том, что проекты пантюркской направленности невыгодны интересам России. Такая тактика внешнего взаимодействия должна сопровождаться практическим перетягиванием политических и экономических инициатив на себя и реализацией их в рамках двустороннего сотрудничества со странами СНГ.

В случае наращивания экономического потенциала ОТГ представляется важным рассмотреть наделение России статусом стратегического партнера. Такие шаги позволят повысить нашу информированность о деятельности и финансовых потоках ОТГ, избежать прямого столкновения интересов, скоординировать реализацию взаимовыгодных проектов, размыть обособленность организации и ослабить возможности ее идеологического позиционирования как потенциального альтернативного проекта евразийской интеграции.

Балансированию интересов в регионе будет способствовать кооперация ЕАЭС с Организацией экономического сотрудничества через Иран. На сегодняшний день ОТГ является наблюдателем в данной интеграции, однако проект вызывает опасения со стороны Тегерана. Россия может продвигать ОЭС как более понятное альтернативное региональное объединение на территории ЦА (в котором влияние Турции отчасти балансируется присутствием Ирана и Пакистана), одновременно защищаясь от развития ОТГ и предлагая странам-участницам желаемую возможность многовекторности.

Наряду с этим Россия может выступить как альтернативный центр поддержки тюркской культуры, смещая нарратив с турецкого пантюркизма на содружество и содействие различных народов с упором на тюрков. Акторами данного культурного обмена могут стать регионы, ранее имевшие статус наблюдателя в ТЮРКСОЙ (Башкирия, Татарстан, Хакасия, Тува, Алтай, Якутия). Необходимы создание новых форматов (фестивали, конкурсы, образовательные площадки) и институционализация культурно-просветительских отношений на тюркской основе для возможного выстраивания грантовой системы поддержки ученых и деятелей культуры.

Список литературы

1. Белоус Ю. А., Кулиева Н. С., Хасанов К. А. Особенности гуманитарного аспекта внешней политики современной Турции // Россия и современный мир. – 2023. – № 1 (118). – С. 115–136. – DOI: 10.31249/rsm/2023.01.07
2. Бирюкова О. В., Мануйлов И. А. Развитие производственных цепочек во внутрирегиональной торговле: уроки для ЕАЭС // Экономическая наука современной России. – 2017. – № 1 (76). – С. 92–103.
3. Васильева С. А. ЕАЭС и Тюркский совет: перспективы взаимодействия // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2018. – Т. 13. – № 3 (179). – С. 184–192.
4. Живалов В., Чимирис Е., Алиев Т. Организация тюркских государств: перспективы развития и риски для Евразийского экономического союза // Современная мировая экономика. – 2023. – Т. 1. – № 2 (2).

5. Карабаев С., Акынали Ф. Проблемы и перспективы тюркской интеграции на современном этапе. М. Рыскулбеков атындагы кыргыз экономикалык университетинин кабарлары [Вестник Кыргызского экономического университета им. М. Рыскулбекова]. – 2016. – № 4. – С. 164–167.
6. Хаджиева Г. У. Потенциал и противоречия тюркской экономической интеграции // Вестник университета Туран. – 2014. – №. 4 (64). – С. 51–56.
7. Чжан Юйянь. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2023. – №. 17 (1). – С. 77–87. DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-78-87
8. Baghirov O. The Organization of Turkic States' Economic Potential and Cooperation Prospects Among Its Members // Perceptions: Journal of International Affairs. – 2022. – N 27 (1). – P. 53–73.
9. Başgömez N., Toker K. A. Crossroad for Turkey: European Union or Eurasian Economic Union : *International Conference on Eurasian Economies*. Session 1A: Regional Studies. 2016. P. 6-13. DOI:10.36880/C07.01668
10. Çetinkaya A. F., Demirel N. Analyzing the Impact of the Organization of Turkic States on the Foreign Trade of Member Countries // Cogent Social Sciences. – 2024. – N 10 (1). – DOI:10.1080/23311886.2023.2288370
11. Emre Sucu A., Iskandarov O., Mahmudov R., Chernov D. Does Turkey have a Central Asian Project? // MGIMO Review of International Relations. – 2021. – N 14 (3). – P. 82–96. – DOI:10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96
12. Kıratlı M. Some Example Organizations and Commercial Law Studies in the Common Economic Area Strategy of the Organization of Turkic states // Law and Justice Review. – 2023. – №. 25. – P. 137–168.
13. Mustofaev M. The Organization of Turkic States: a New Approach to Global and Regional Challenges // Perceptions: Journal of International Affairs. – 2022. – N 27 (1). – P. 105–120.
14. Yakış Y. Eurasian Union and Turkey. – URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/eurasian-union-and-turkey/> (дата обращения: 24.12.2024).

References

1. Belous Yu. A., Kulieva N. S., Khasanov K. A. Osobennosti gumanitarnogo aspekta vneshney politiki sovremennoy Turtsii [Specifics of the Humanitarian Aspect of Modern Turkish Foreign Policy] *Rossiia i sovremenniy mir* [Russia and the Modern World], 2023, No. 1 (118), pp. 115–136. (In Russ.). DOI: 10.31249/rsm/2023.01.07
2. Biryukova O. V., Manuylov I. A. Razvitie proizvodstvennykh tsepochek vo vnutriregionalnoy torgovle: uroki dlya EAES [The Development of Production Chains in Intraregional Trade: Lessons for EEU] *Ekonomicheskaya*

nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia], 2017, No. 1 (76), pp. 92–103. (In Russ.).

3. Vasileva S. A. EAES i Tyurkskiy sovet: perspektivy vzaimodeystviya [EAEU and Turkish Council: Prospects for Cooperation]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Vol. 3, Social Sciences], 2018, Vol. 13, No. 3 (179), pp. 184–192. (In Russ.).

4. Zhivalov V., Chimiris E., Aliev T. Organizatsiya tyurkskikh gosudarstv: perspektivy razvitiya i riski dlya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Organization of Turkic States: Development Prospects and Risks for the Eurasian Economic Union]. *Sovremennaya mirovaya ekonomika* [Contemporary World Economy], 2023, Vol. 1, No. 2 (2). (In Russ.).

5. Karabaev S., Akynalp F. Problemy i perspektivy tyurkskoy integratsii na sovremennom etape [Problems and perspectives of Turkic Integration on the Modern Stage]. *M. Ryskulbekov atyndagy kyrgyz ekonomikalyyk universitetinin kabarlary* [Bulletin of M. Ryskulbekov Kyrgyz University of Economics], 2016, No. 4, pp. 164–167.

6. Khadzhieva G. U. Potentsial i protivorechiya tyurkskoy ekonomicheskoy integratsii [The Potential and Contradictions of the Turkic Economic Integration]. *Vestnik universiteta Turan* [Turan University Bulletin], 2014, No. 4 (64), pp. 51–56.

7. Chzhan Yuyyan'. Organizatsiya tyurkskikh gosudarstv (OTG): proiskhozhdenie, motivy, osobennosti i vliyanie [Organization of the Turkic States (OTS): Origins, Motives, Specifics and Impact]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Perm University Herald. Political Science], 2023, No. 17 (1), pp. 77–87. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-78-87

8. Baghirov O. The Organization of Turkic States' Economic Potential and Cooperation Prospects Among Its Members. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2022, – No. 27 (1), pp. 53–73.

9. Başgmez N., Toker K. A. Crossroad for Turkey: European Union or Eurasian Economic Union: *International Conference on Eurasian Economies*. Session 1A: Regional Studies, 2016, pp. 6–13. DOI:10.36880/C07.01668

10. Çetinkaya A. F., Demirel N. Analyzing the Impact of the Organization of Turkic States on the Foreign Trade of Member Countries // *Cogent Social Sciences*, 2024, No. 10 (1). DOI:10.1080/ 23311886.2023.2288370

11. Emre Sucu A., Iskandarov O, Mahmudov R., Chernov D. Does Turkey have a Central Asian Project? *MGIMO Review of International Relations*, 2021, No. 14 (3), pp. 82–96. DOI:10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96

12. Kıratlı M. Some Example Organizations and Commercial Law Studies in the Common Economic Area Strategy of the Organization of Turkic states. *Law and Justice Review*, 2023, No. 25, pp. 137–168.

13. Mustofaev M. The Organization of Turkic States: a New Approach to Global and Regional Challenges. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2022, No. 27 (1), pp. 105–120.

14. Yakış Y. Eurasian Union and Turkey. Available at: <https://valdaiclub.com/a/highlights/eurasian-union-and-turkey/> (accessed 24.12.2024).

Поступила: 12.12.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Сведения об авторах

Ольга Владимировна Бирюкова

кандидат экономических наук, академический руководитель образовательной программы «Мировая экономика», доцент, доцент департамента мировой экономики, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, старший научный сотрудник Лаборатории ответственного бизнеса НИУ ВШЭ.

Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
E-mail: olga.biryukova@mail.ru

Камолиддин Адхамжон угли Хасанов

магистрант факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
E-mail: kakhasanov@edu.hse.ru

Дарья Сергеевна Бугаева

эксперт Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
E-mail: d.bugaeva@hse.ru

Евгений Александрович Смагин

исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
E-mail: smaginjj@yandex.ru

Information about the authors

Olga V. Biryukova

PhD, Academic supervisor of the Educational Program "World Economy", Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Economy, Senior Researcher at the Center for Integrated European and International Studies, Senior Researcher at the Laboratory of Responsible Business of HSE University.

Address: National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya street, Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: olga.biryukova@mail.ru

Kamoliddin Adkhamzhon ugli Khasanov

Master's Student at the Faculty of World Economics and World Politics of HSE University.

Address: National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya street, Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: kakhasanov@edu.hse.ru

Darya S. Bugaeva

Expert at the Center for Comprehensive European and International Studies of HSE University.

Address: National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya street, Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: d.bugaeva@hse.ru

Evgeniy A. Smagin

Researcher at the Center for Comprehensive European and International Studies of HSE University.

Address: National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: smaginjj@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-125-136>

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА, ВЫБОР ОТРАСЛИ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТНЫХ РЫНКОВ НА ПРИМЕРЕ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г. Шумкоски

Международный институт суверенных наук, Битола, Македония

В статье анализируется промышленная политика в целом и выбор секторов экономики с наилучшим потенциалом для создания рабочих мест, вклада в ВВП и доходов бюджета. Обсуждается необходимость реализации промышленной политики как предпочтительного выбора и основной стратегии для достижения общих целей экономического развития страны, в отличие от неолиберального подхода открытости торговли. Экономическое развитие страны требует трансформации экономической активности из секторов с низкой производительностью в секторы с высокой производительностью путем целевой поддержки выбранных секторов, в которых страна имеет сравнительные преимущества. Изменения такого масштаба могут быть достигнуты посредством целенаправленной, скоординированной и последовательной долгосрочной промышленной политики, реализуемой правительством. Представлена методология по выбору потенциальных секторов экономики, а также целевых стран для экспорта, торговли, инвестиций и экономического сотрудничества на примере Киргизии. Сделан вывод о том, что эффективная промышленная политика и выбор приоритетных секторов экономики в сочетании с выбором стратегических экономических альянсов в рамках членства в ЕАЭС способствуют успешному развитию Киргизской Республики за последнее десятилетие.

Ключевые слова: экономическое развитие, методология стратегического планирования

INDUSTRIAL POLICY, SECTOR SELECTION AND EXPORT MARKETS STRATEGIES. THE CASE OF THE KYRGYZ REPUBLIC

G. Sumkoski

International Institute of Sovereign Sciences, Bitola, Macedonia

The article analyzes industrial policy in general and the choice of economic sectors with the best potential for job creation, contribution to GDP and budget revenues. The necessity of implementing industrial policy as the preferred choice and the main strategy for achieving the overall goals of the country's economic development, in contrast to the neoliberal approach of trade openness, is discussed. The economic development of a country requires the transformation of economic activity from low-productivity sectors to high-productivity sectors by targeting selected sectors in which the country has comparative advantages. Changes of this magnitude can be achieved through a targeted, coordinated and consistent long-term industrial policy implemented by the Government. The methodology for selecting potential sectors of the

economy, as well as target countries for exports, trade, investments and economic cooperation is presented using the example of Kyrgyzstan. It is concluded that effective industrial policy and the choice of priority sectors of the economy, combined with the choice of strategic economic alliances within the framework of EAEU membership, contribute to the successful development of the Kyrgyz Republic over the past decade.

Keywords: economic development, strategizing methodology.

Introduction

The developing countries are either rediscovering, or some successful ones never actually stopped, using the industrial policy as a preferred choice for pursuing economic development and welfare for its nations and people. There are many reasons for this, not the least inability of the opposite methods of opening the borders or trade openness, to provide for the above-mentioned needed growth and development. Recent studies suggest that industrial policies may offer advantages over trade openness and liberalization in fostering economic growth in developing countries. Even the key promotor of the trade openness over the last decades, The International Monetary Fund [5] is forced to recognize that economic diversification, facilitated by targeted industrial policies, is crucial for promoting sustainable growth. Delechat's research published by the IMF, indicates that such policies can effectively shift economies from traditional sectors to a variety of high-quality services and industries, enhancing country's resilience and its long-term development. Paudel [10] finds that trade openness does not provide benefits sufficient to drive economic growth, and that complementary policies, including industrial strategies, are necessary to achieve economic developments.

This also confirms the results of the empirical analysis by Sumkoski [19], that exports are always positively associated with economic growth, while imports begin to be positively associated with growth only after a country has reached a certain level of development, represented by the level of income. The results of his research also confirm a strong relationship between economic growth and gross investment, foreign investment, national savings, higher education, and public investment.

Industrial policy

Implementing industrial policy and removing barriers in sectors with the greatest potential for economic growth and job creation, means building upon countries' comparative advantages in manufacturing and services. This also requires improved design and implementation of initiatives to support the modernization of selected priority sectors is required. This can be achieved through the design and implementation of targeted and long-term sectoral policies, financial and credit policies, business, education, tax and labor policies.

Infant industry, a precursor to modern industrial policy, is a policy aimed at encouraging new industries by providing them with protection from foreign competition. The idea is that new industries, like infants, need protection and support to grow and become competitive. This protection can take the form of tariffs, quotas, and subsidies. The goal is to give these new industries time to mature and become competitive in the world market. In the seminal work of Bardhan [2. – P. 1], learning by doing is modelled as a classic Marshallian externality: the higher the aggregate output of an industry, the more productive each individual firm's technology. When learning is unlimited, Bardhan shows that it is socially optimal to subsidize the infant industry. Sukkar [16] extends Bardhan's analysis by allowing learning in one sector to generate spillovers to other sectors, thereby providing a cross-industry justification for the infant industry argument. The idea of the "miracles of the free market" and that the successful emergence of new competitive sectors in a country's exports is the result of liberalization is one of the most powerful myths in the modern history of economic development, writes Amir Lebdioui ¹(London School of Economics' Centre for Latin America and the Caribbean), in his "An invisible hand at the wheel?", analyzing the myth of Chile. In contrast to the widespread notion of laissez-faire faire, industrial policy was used to effectively manage the market by channeling market signals into new areas where private enterprise was suboptimal. The Chilean state played an important role in stimulating human capital accumulation, ensuring the reputation of the "national" sector through strict regulation and quality control, providing for semi-public venture capitalism, and disseminating expertise and technology across sectors through various state agencies. Interventions even included providing subsidized credit through the Central Bank.

Hence, and in order to create conditions for its implementation, there is a need to recognize, identify and mitigate country's lack of a coherent industrial policy support. The key and most common elements of the lack of a coherent industrial policy and sector support are as follows:

- There is a lack of coherent and systematic removal of barriers in sectors with the greatest potential for economic growth and job creation.
- There is a lack of coordinated and sustainable sectoral support based on the comparative advantages in manufacturing and services, and on increasing the productivity, which is key to sustainable economic growth.

The mitigation measures that governments can adopt are various. They range from the initial conducting of a comprehensive market research and analysis, seeking expert advice, and conducting pilot projects in selected sectors, that can help reduce the risk of targeting the wrong sectors. It also requires developing concrete industrial policies that remove administrative,

¹ URL: <https://blogs.lse.ac.uk/latamcaribbean/2021/05/19/debunking-the-free-market-miracle-how-industrial-policy-enabled-chiles-export-diversification/>

financial, institutional, and infrastructure barriers in sectors with the greatest potential for private sector growth and job creation, building on the country's comparative advantages. In addition, there is a need to design and implement improved initiatives and support to the upgrading of the base of the selected priority sectors, such as the know-how, skills upgrade, digitalization and connectivity. Even though it can be difficult to increase productivity in a short period of time, raising and improving it is the key to the socio-economic development that is both sustainable and beneficial for all.

Sector Narrowing Methodology

Importance of sector selection – Why not promote all sectors at once?

Selecting the right sectors for development and investment can be challenging, as there may be a lack of accurate data, an incomplete understanding of market dynamics, and uncertainty about future demand. Most countries are naturally not strong in all sectors, and pursuing general or blanket investment promotions leads to poor targeting and suboptimal results.

International best practice shows that this approach is not as effective as focusing on 3–4 high priority sectors at the initial stage. Additional sectors can be added later. Most countries are not strong in all sectors and having too many priorities means that there are no priorities. Lack of focus leads to suboptimal results. Sector success depends on the competitive advantages of each sector relative to its competitors in the region and globally. Research shows that encouraging targeted sectors in a country increases FDI inflows by 41% [4], and in developing countries, targeted sectors received 151% more FDI than non-targeted sectors [6].

Public investment in the Kyrgyz Republic – creating conditions for targeted sectors development

The expansion of public investment (PI) in the last decades has been mostly directed towards the energy and transport sectors. Roads have traditionally been the most important investment area until the increase in investment as of 2009 in the energy sector, largely financed by China, reflecting the changing regional and global political environment. Substantial progress has been made in renovating major transport corridors, improving domestic and regional connectivity. Progress has been recorded in the financial area in stabilising the banking system and improving bank supervision, although efforts to establish a rural financial market and develop capital markets have had little success. In agriculture, the area's policy reform and development programmes have been fairly successful in achieving their objectives, while efforts to reform the Ministry of Agriculture and encourage the commercialisation of agriculture have not.

With the privatization efforts undertaken in the usually predominant private sectors such as agriculture, textile and clothing, the PI in them sharply declined after the independence and they were left to the private sector, with

the public investment in the infrastructure expected to help and aid the private investment (including Domestic Investment and FDI) in these sectors.

With the significant expansion of infrastructure projects, the share of social and private sector projects in the PI has declined. For example, the share of the PI devoted to the education sector fell from a peak of 14.6% in 2008 to 2.1% in 2012. Rural development has also seen its share of the budget decline sharply, from a peak of 14% in 2007 to 0.3% in 2012. The only stable and significant public investment goes into roads 26.9% in 2014 and energy sectors 47.2% in 2014.

Review and Selection of Sector Strengths and Potential

Sector selection criteria and methodology

Typically, the government aid to sector development, it all starts with choosing and defining the right criteria for the sector review and ultimately a selection of key sectors for support. The government and appropriate ministries, business associations engage in a deep analysis and identification of selection criteria. The methodology includes sectoral feasibility studies, export markets studies, investment attraction review, skills, infrastructure, and needs assessment in all of these areas.

Governments typically use a structured methodology to select priority sectors for support and economic development. This process involves multiple analytical, strategic, and policy-driven approaches. Governments conduct economic and statistical analysis to assess various economic indicators to identify sectors with the highest potential for growth, employment generation, export potential, and contribution to GDP. Governments' departments conduct feasibility studies to assess financial, technical, and operational viability of prioritizing any particular sector. Risk assessment includes, market volatility, external shocks, political and regulatory risks, technological adaptability, infrastructure needs. They then analyze how well a sector can compete globally based on the factor conditions such as natural resources, human capital, infrastructure, potential for productivity increase and innovation, demand conditions (local and global market demand conditions, distance from the markets, existing regional industries and supply chains, business environment and government support in competing countries).

The strong case for international competitive advantage for the chosen sector, both regionally and internationally, must be developed. Therefore, a comparative analysis of the sector's competitive advantage compared to competitors is crucial.

Once all analytical results for the sectors are available, the process start by identifying 4 to 6 criteria that any sector must meet to qualify as a high priority sector. These criteria usually vary considerably from one country to another, but priority sectors are often obvious and almost self-selecting. They depend on the existing factor conditions in each country (supply conditions)

and the nature of the existing demands and existing export and FDI flows in the country (demand conditions). Sector characteristics vary considerably from country to country, and sector success depends on the competitive advantages of each sector relative to its competitors in the region. The government usually prepares a so-called heat-map and assigns values to each of the indicators, together with weighting them against the key factors such as employment, contribution to GDP, budget, employment, etc. These heat-map tables are for the purpose of easier discussion and comparison for the non-expert groups that are of key and decisive importance for the wider public consultation process including the ministries, academia, general public and businesses of the country.

Governments collaborate with industry experts, business associations, academia, and international organizations to refine sectoral priorities. Methods for such stakeholder consultations include public hearings, policy forums, industry surveys and roundtable discussions. The sector selection should also be in line with the country's long-term strategy and national development plans and visions.

Possible indicators:

- Raw materials or services;
- Access to markets/consumers;
- Tariffs/trading costs;
- Tariffs/import duties;
- Availability of skilled labor or skills;
- Infrastructure (energy, telecommunications) Availability of raw materials;
- Transport logistics (road, rail, sea and air);
- Availability of parts, components and services;
- Availability of land and buildings;
- Incentives;
- Profitability;
- Export.

Once priority sectors are selected, governments implement support mechanisms such as:

- Tax incentives and subsidies (e. g. R&D tax credits, investment grants);
- Infrastructure investments (e. g. special economic zones, industrial parks);
- Trade policies (e. g. tariffs, export promotion programs);
- Skills development and education initiatives (e. g. vocational training, education, skill-upgrading focus).

And throughout the implementation of the industrial policy for sector promotion, governments continuously monitor the impact of sectoral policies

and adjust strategies based on new economic trends, technological disruptions, and global market conditions.

Sector Options in the Kyrgyz Republic

From the study that the author conducted for the EU in 2014 [20] it was evident that the sectoral focus in Kyrgyzstan, by design or otherwise, was and continues to be largely on agro-processing, water bottling, garment manufacturing, light industrial processing and other related areas. A number of existing studies have already been conducted by various organizations to understand the current profile of industry and business sectors with potential, their likely impact on the country's economic growth, the time frame for their development and the likely impact in areas such as training, infrastructure requirements, government rules and regulations and other related issues. Some of the sectors identified by the author as having significant potential for Kyrgyzstan are listed in the following order:

1. Processing of agricultural products.
2. Textiles/RMG.
3. Light processing industry.
4. Tourism.
5. ICT and call centers.
6. Construction materials.
7. Processing of minerals.

The accuracy of the sectoral choices proposed and made a decade ago, was confirmed by the consequent next decade of the economic development of the Kyrgyz republic, with light processing industry, textile and RMG, leading its development as it can be seen from the table below. The country is rich in mineral resources, with gold being a major export commodity. However, now the textile industry, particularly the export of combed single cotton yarn and knitted or crocheted apparel, plays a vital role in Kyrgyzstan's export economy (Table).

Kyrgyz Republic Top 5 Products exports in 2022*

	Kyrgyz Republic Top 5 Products exports in 2022	(US\$ Thousands)	Kyrgyz Republic Top-5 Products imports in 2022	(US\$ Thousands)
1	Petroleum oils, etc, (excl. crude); preparation	144,314.47	Petroleum oils, etc, (excl. crude); preparation	877,674.64
2	Precious metal ores and concentrates (excl. sil)	133,894.10	Knitted or crocheted fabrics, >30cm wide, >=5%	539,588.12
3	Waste and scrap, copper or copper alloy	87,711.95	Mountings, fittings and similar articles of bas).	395,451.20
4	Combed single cotton yarn, with >=85% cotton	84,522.52	Transmission apparatus, for radioteleph incorpo	223,277.73
5	Transmission apparatus, for radioteleph incorpo	82,519.57	Non-wood parts of footwear (excl. uppers, outer	215,965.11

* Source: URL: <https://wits.worldbank.org>

Methodology for narrowing down countries as export markets

Best suited target countries for both export promotion and investment promotion can be identified by current FDI, current export and trade links, transit flows and routes, geographic location, cost of transport, skills, geopolitical and other factors. World Bank data show that the top five FDI source countries in Eastern Europe during 1997–2006 were Germany, Austria, Italy, France, and the United States. These investors since then and the western financial crisis of 2008, have been significantly overtaken by China as the top investor. Hence, another important factor is the strategic rationale of investors, such as market access motivation, resource-access motivation, raw material motivation, or cost-cutting motivation.

Transport and Trade Costs in Central Asia

Trade volumes to and from Central Asia continue to be negatively affected by both the shortage of goods for export from Kyrgyzstan and high transport costs, which reduce the competitiveness of products. The Kyrgyz Republic ranks 149th out of 160 countries in the World Bank's Connecting to Compete 2014. Kyrgyz transport faces problems when transporting goods to China, where they are held up and unloaded at the border, which takes several days. A new multi-million dollar railway project is being built between Turkmenistan, Afghanistan and Tajikistan (the TAT line), but still faces problems of financing and political will: it will probably be delayed. Uzbekistan, Kyrgyzstan and China are also working on another railway link between Andijan and Kashgar. There are several other ongoing projects under the CAREC regional corridor framework and the Silk Road initiative. High road transport costs, problems at borders and heavy bureaucracy in transit countries increase costs and make it possible to set up production in the country for sale on foreign markets only of medium and high value products.

CAREC transport corridors, "One Belt, One Road"

Public investment in infrastructure can further boost economic growth. In addition to traditional donors such as the World Bank and ADB, the Eurasian Development Bank is now providing a grant for a pre-feasibility study for the construction of the Russia – Kazakhstan – Kyrgyzstan – Tajikistan railway line. This transport artery is expected to connect with the Afghanistan – Turkmenistan – Tajikistan railway that is to be fully financed by CAREC. The Kyrgyz Republic also expects to benefit from the Silk Road Infrastructure Fund, developed under the Shanghai Cooperation Organization, which has pledged \$40 billion to improve infrastructure in SCO countries and another \$40 billion to the New Silk Road initiative, improving transport and energy connectivity and ensuring access to markets.

Beyond Trade – Inclusion in Regional and Global Value Chains

The changing global trading environment has important implications for the Central Asian countries' goal of economic diversification. With a network now developing that is better suited to participate in the global economy, with

China, Russia and other countries complementing each other as major investors and trading partners in the region, the notoriously low level of regional cooperation in Central Asia that has hampered transit is now opening up new opportunities for countries to participate in RVCs and GVCs to a much greater extent. After independence, the transport networks inherited by the CA countries were almost exclusively northward-facing. The RVC data suggest that the Central Asian countries have so far suffered from being too far from the main economic hubs. This calls for initiatives to develop GVC-related transport and communications infrastructure and logistics, as well as other policies to reduce the costs of international trade. Regional value chains are more pronounced than global supply chains [7], presumably reflecting the fact that distance matters less and trading and monitoring costs are lower when suppliers or customers are geographically closer. RVCs thrive when people-to-people contacts are easier, or more precisely, when suppliers or customers can quickly reach suppliers or customers to resolve delays, disputes, or technical problems quickly.

To be an attractive value chain participant, a country must have smooth flows of inputs and outputs, be able to provide good access to trade services, information technology, and ensure unimpeded movement of people (at least for key managers and technical personnel). In Central Asia, the Kyrgyz garment industry is a rare GVC success story, relying on access to the best prices and quality of zippers, buttons, threads, and other materials purchased in globally accessible bazaars. In all these areas, low costs and minimal delays are necessary for just-in-time processes without large inventories, making location in the value chain attractive. While Baldwin [1] notes that GVCs have “destroyed import substitution industrialization” as a development strategy, it seems that in the multipolar world order, alongside new and emerging RVCs and GVCs, the exact opposite is happening.

Selecting Country Options for Kyrgyzstan

The neighboring Central Asian countries have very little FDI in each other. However, they are each other's significant export partners and destinations. The only interregional investment comes from Kazakhstan, and the main driver of regional FDI is China. In general, current investment in Kyrgyzstan comes from China and the CIS countries. The Kyrgyz Republic's primary export destinations are:

- Russian Federation: Accounting for approximately 47.43% of exports;
- Kazakhstan: Representing about 18.22% of exports;
- Uzbekistan: Contributing to 10.49% of exports.

These partnerships highlight the country's strong trade ties within the region. Overall, and according to existing trade patterns and sources of FDI, the geographic location, cultural and linguistic similarities, similar business environments, and current and incoming transport and trade routes along CAREC and the Belt and Road suggest that Kyrgyzstan should base its

strategy for export promotion and investment attraction in the following countries:

1. Russia, Kazakhstan (EAEC) and Eastern Europe (EU).
2. China.
3. Afghanistan, Pakistan, India, Uzbekistan.
4. Iran, Türkiye, Southern Europe (EU and EU candidate countries).
5. Japan, Korea.

Economic integration is of great importance for smaller countries such as the Kyrgyz Republic, with its very limited markets in terms of the number of consumers and the size of the corresponding demand. Kyrgyz businesses can more actively enter the markets of partner countries, which makes the EAEU a profitable and growth-supporting enterprise for them, contributing to its sustainable economic development [14; 15].

Conclusion

The article discusses the need to implement an industrial policy in general and, in particular, strategies to support individual industries and sectors and work on improving access to export markets to achieve the country's comprehensive economic development goals. Shifting economic activity from low-productivity to high-productivity sectors is essential for economic development. The article uses the example of the Kyrgyz Republic to show the process of selection of industries, and also elaborates on the analytical and strategic process of selecting its target countries for trade, export, investment and economic cooperation. It can be concluded that a good industrial policies and sectors' selection, combined with its strategic economic alliances choice with EAES membership, was conducive to the Kyrgyz Republic's development success in the last decade.

References

1. Baldwin R. Global Supply Chains: Why They Emerged, Why They Matter, and Where They Are Going, edited by D. K. Elms and P. Low. 'Global Value Chains in a Changing World', 2013, pp. 13–60.
2. Bardhan P. K. On Optimum Subsidization of the Learning Industry: An Aspect of the Theory of Young Industry Protection. *International Economic Review*, 1971, Vol. 12 (1), pp. 54–70.
3. Bibikova A. M., Ibragimkhalilova T. V. Instruments for the Formation and Implementation of a Region: Marketing and Image Approach. Donetsk, Donetsk National University, 2020, pp. 57–61.
4. Charlton A., Davis N. Does Investment Promotion Work? *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 2007, Vol. 7, No. 1. URL: <https://doi.org/10.2202/1935-1682.1743>

5. Delechat C., Melina G., Newiak M., Papageorgiou C., Spatafora N. Economic Diversification in Developing Countries: Lessons from Country Experiences with Broad-Based and Industrial Policies IMF. Washington DC, 2024, July 30.
6. Harding T., Javorcik B. S. Roll Out the Red Carpet and they Will Come: Investment Promotion and FDI Inflows. *The Economic Journal*, 2011, Vol. 121 (557), pp. 1445–1476.
7. Johnson R. C., Noguera G. 'Accounting for Intermediates: Production Sharing and Trade in Value Added'. *Journal of International Economics*, 2012, Vol. 86 (2), pp. 224–236.
8. Kosheleva E. G. Geographical and Economic Research Take into Account to a Large Extent the Development of the State and the Region. Kursk: Closed Joint-Stock Company "University Book", 2020.
9. Kravchenko V. A. Indicators Are Characterized by the Development of Economic Systems. *New in Economic Cybernetics*, 2022, No. 3, pp. 174–184.
10. Paudel R. Trade Liberalisation and Economic Growth in Developing Countries: Does Stage of Development Matter? 2014, December 15. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2545735>
11. Polovyan A. V., Kravets E. O. Scientific and Methodological Approach to Determining Priorities for the Development of the Economy of an Industrial Region. *Management Accounting*, 2023, No. 10, pp. 128–136.
12. Rakhimov K. Infrastructural Projections of Geopolitics in Central Asia. The Return of Russia. Moscow, Central Asia: New Coordinates, 2013.
13. Shabalina L. V., Shavkun G. A., Timko M. V. Measures for the Implementation of the Concept of the International Development Strategy of the Donetsk People's Republic. *Management Accounting*, 2023, No. 10, pp. 137–145.
14. Shkvarya L., Karabulatova I., Rusakovich V., Rapiiev A. The impact of the Customs Union and the EAEU on the Small and Medium Businesses in Kazakhstan. *Central Asia and the Caucasus*, 2017, Vol. 18. № 1. C. 93–100.
15. Shkvarya L.V. Russia in Integration Processes in the Post-Soviet Space. *Problems of Modern Economy*, 2009, No 4, pp. 296–298.
16. Sukkar P. The Need for Industrial Policy in LDCs: A Reexamination of the Infant Industry Argument. *International Economic Review*, 1987, Vol. 28 (2), pp. 521–34.
17. Sumkoski G. Global Transfer of Neoliberal Models and the Doctrine of a Sovereign State. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, 2022, Vol. 22, No. 4, pp. 771–787. DOI:10.22363/2313-0660-2022-22-4-771-787
18. Sumkoski G. Building Reform Capacity. Entry in Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy and Governance 2017–2018, 2016. Available at: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-3-319-31816-5_3306-1

19. Sumkoski G. Export, Openness and Growth: Time Series Cross-Country Analysis for 117 Developing Countries. London School of Economics. Master Thesis, 2000.

20. Sumkoski G. Potential Sectors for Development Support in 5 Central Asian Countries. Team Leader Analytical Report. DEVCO, EU Commission. Brussels, 2014.

Поступила: 04.01.2025

Принята к печати: 19.02.2025

Сведения об авторе

Горпан Шумкоски

директор Международного
института суверенных наук.
Адрес: Международный институт
суверенных наук, 7000, Битола,
Булевард ББ, Македония.
E-mail: goran@sumkoski.com
ORCID: 0000-0002-2912-7449

Information about the author

G. Sumkoski

Director of the International Institute
of Sovereign Sciences.
Address: International Institute
of Sovereign Sciences, Bitola, 7000,
Boulevard BB, Macedonia.
E-mail: goran@sumkoski.com
ORCID: 0000-0002-2912-7449

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-137-154>

БЕДНОСТЬ В РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЯХ: ДИНАМИКА КЛЮЧЕВЫХ ИНДИКАТОРОВ В 2018–2023 гг., ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ

А. В. Масолыгин

Фонд «Центр стратегических разработок», Москва, Россия

Бедность остается неизменной темой научного дискурса с момента появления новой России. Будучи глубоко политизированным и достаточно абстрактным при поверхностном изучении, вопрос бедности зачастую рассматривается исключительно в контексте внутренней логики развития страны. Вместе с тем, оставаясь структурным элементом экономики России, уровень бедности в нашей стране оказывает определенное влияние на логику развития мировой экономики. Исходя из этого, целью данной работы является анализ уровня бедности в России и его динамики на фоне изменения положения России по данному показателю в международных сопоставлениях. Для решения указанной задачи автором анализируются выборки из 60 стран, где бедность рассматривается как доход в менее 6,85 долларов в день, и 52 стран, где приводится статистика относительной бедности – доход ниже 50% от медианного. Данная работа охватывает период с 2018 по 2023 г. (с начала действия Единого плана по достижению национальных целей развития до 2024 года и на перспективу до 2030 года (далее – Единый план) и до последнего года, за который приведены официальные данные Росстата). Автор рассматривает бедность как многогранное социально-экономическое явление, дает собственное определение бедности, учитывая официальное определение данного понятия в России, а также изменение подходов к ее оценке. Приводится характеристика динамики и особенностей ключевых индикаторов бедности, установленных в Едином плане, – уровня бедности, доходов, заработных плат, социальных выплат (в том числе пенсионных выплат) и занятости. Некоторые данные представлены по Российской Федерации в целом, субъектам Российской Федерации, а также отдельным отраслям. Выделяются долгосрочные вызовы и задачи, связанные как с отдельными показателями социально-экономического развития, так и с ограничениями конкретных программных документов.

Ключевые слова: глобальная бедность, уровень бедности, уровень жизни, доходы населения, заработная плата, занятость, международные сопоставления бедности.

POVERTY IN RUSSIA IN INTERNATIONAL COMPARISONS: DYNAMICS OF KEY INDICATORS IN 2018-2023, CHALLENGES AND TASKS

Andrey V. Masolygin

Center for Strategic Research Foundation, Moscow, Russia

Poverty has remained a constant topic of scientific discourse since the new Russia emerged. Being deeply politicized and rather abstract when superficially studied, the issue of poverty is

often considered exclusively in the context of the internal logic of the country's development. At the same time, while remaining a structural element of the Russian economy, the level of poverty in our country has a certain impact on the logic of global economic development. Based on this, the purpose of this work is to analyze the level of poverty in Russia and its dynamics against the background of Russia's changing position on its indicator in international comparisons. To solve this problem, the author considers a sample of 60 countries where poverty is regarded as an income of less than \$6.85 per day and 52 countries where relative poverty statistics are provided – income below 50% of the median. This work covers the period from 2018 to 2023 (from the start of the Unified Plan for Achieving National Development Goals until 2024 and for the future until 2030 (hereinafter referred to as the Unified Plan) until the last year, for which official data from Rosstat are provided). The author considers poverty as a multifaceted socio-economic phenomenon, gives his own definition of poverty, taking into account the official definition of this concept in Russia, as well as changing approaches to its assessment. The article describes the dynamics and features of key poverty indicators established in a Unified Plan, such as poverty levels, incomes, wages, social benefits (including pension payments) and employment. Some data are presented for the Russian Federation as a whole, as well as for the subjects of the Russian Federation and individual industries. The long-term challenges and tasks related to specific indicators of socio-economic development, as well as the limitations of certain program documents, are highlighted.

Keywords: global poverty, poverty level, standard of living, population income, wages, employment, international comparisons of poverty.

Введение

К началу 2025 г., несмотря на существенное улучшение значения показателя бедности в рамках достижения цели по ликвидации нищеты (в первую очередь за счет Китая и Индии), вопрос бедности в мире остается острым. Так, согласно отчету Всемирного банка за 2024 г., многие страны с низким уровнем дохода стали беднее, чем в 2019 г., что во многом связано с такими экономическими проблемами, как замедление экономического роста, увеличение долговой нагрузки [16]. На этом фоне ситуация с бедностью в России остается стабильной: уровень бедности (доля граждан с доходами ниже 2,15 долларов в день) не превышает 0,3%.

В расчетах по официальной методологии, представленных Росстатом, в 2023 г. уровень бедности в России составил 8,3% – рекордно низкое значение за весь охваченный официальной статистикой временной период (1995–2023 гг.). Подобное снижение обусловлено рядом экономических и внеэкономических факторов. Среди них особое место занимает проводимая государством политика по снижению бедности. Данная статья призвана рассмотреть динамику бедности и ключевых показателей, влияющих на нее, провести сопоставление с другими странами, выявить отдельные проблемы соответствующей политики, требующие решения в будущем.

Данная работа представляет актуальность в контексте утверждения в мае 2024 г. новых национальных целей развития (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»), а также Единого плана по достижению национальных целей

развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹, что обуславливает необходимость подведения итогов реализации предшествующих программных документов (пусть и промежуточных, так как данные за 2024 г. выйдут только во второй половине 2025 г.).

Подходы к оценке бедности

Вопрос бедности объединяет в себе как социальную и экономическую, так и политическую, культурную, этическую проблемы [6. – С. 269]. Несмотря на многогранность вопроса, он конструируется вокруг потребления. Таким образом, бедность – это состояние, характеризующееся потреблением различными группами населения товаров и услуг (в том числе общественных благ) в объеме, меньшем приемлемого уровня потребления в соответствующем обществе.

Важно отметить существенную разницу между бедностью и нищетой. Так, одной из целей ООН является ликвидация именно нищеты (доля граждан с доходами ниже 2,15 долларов в день) – экстремального состояния бедности. По состоянию на 2023 г. в мире проживало около 700 млн человек в состоянии нищеты². Среди 71 страны, по которой есть данные на 2021 г., максимальное значение наблюдается в ЦАД (65,7%), Нигере (50,6%) и Кении (36,1%)³.

В странах с высоким уровнем дохода на человека значение данного показателя равняется или близко к 0% (около 0,3% в 2021 г.)⁴. Это свидетельствует об отсутствии нищеты, однако не означает отсутствия бедности. Данный вопрос обуславливает необходимость иной оценки бедности в развитых странах. Так, Всемирным банком собирается статистика по доле населения с доходами ниже 50% медианного – в 2021 г. лучшие результаты у Казахстана (3,1%), Киргизии (4,4%) и Словении (5,4%). При этом у таких стран, как Швеция, Китай и США значения превышают 10% (11,1%, 11,6 и 15,5% соответственно), в Израиле – 19,5%⁵.

Если распределение стран по уровню нищеты во многом зависит от уровня валового национального дохода на душу населения, то для оценки бедности на основе медианного дохода это не так. Относительная бедность скорее характеризует уровень равенства распределения доходов, а также социально-культурные особенности потребления. В этом и заключается основное отличие между абсолютной (уровень дохода ниже определенного минимума) и относительной бедностью (уровень дохода ниже среднего (медианного) по стране).

¹ См.: Михаил Мишустин утвердил Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. – URL: <http://government.ru/docs/53927/>

² Ликвидация нищеты. – URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/ending-poverty>

³ URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

⁴ Ликвидация нищеты. – URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/ending-poverty>

⁵ URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

Как определяется бедность в России?

С 1 января 2021 г. уровень бедности в России определяется как численность (доля) населения с денежными доходами ниже границы бедности (далее – уровень бедности). Граница бедности (ГБ) рассчитывается как базовая ГБ (соответствует значению величины прожиточного минимума (ВПМ) на душу населения, установленного в целом по Российской Федерации за IV квартал 2020 г.), умноженная на индекс потребительских цен за соответствующий период с IV квартала 2020 г. Подобное изменение в методологии привело к тому, что расчет уровня бедности в 2021–2022 гг. показал несколько более высокое значение, чем при старой методике. Если до 2021 г. уровень бедности рассчитывался на основе нормативно устанавливаемой величины, а именно величины прожиточного минимума (устанавливается Федеральным законом о бюджете), то с 2021 г. – это расчетная величина. Этим объясняется и несовпадение значений ГБ и ВПМ. В 2021 и 2022 гг. (по состоянию на 1 января) ВПМ была ниже ГБ для всех категорий социальных групп (за исключением пенсионеров в 2021 г.). Особенно это заметно в 2022 г., когда ВПМ была на 6,4% ниже ГБ (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Соотношение ВПМ и ГБ в 2021–2023 гг.* (в %)

	Все население	В том числе по социально-демографическим группам		
		Трудоспособное население	Пенсионеры	Дети
2021	97,86	98,47	101,99	96,53
2022	93,42	94,00	97,37	92,15
2023	100,25	100,87	104,49	98,89

* Рассчитано по: Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.01.2025); Величина прожиточного минимума в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

В этом контексте важно учитывать, что социальные пособия начисляются категории «малоимущие граждане», а не тем, кто имеет доход ниже ГБ. Принадлежность к группе малоимущих граждан определяется исходя из уровня ВПМ¹, что до 2021 г. соответствовало методике расчета бедности. После 2021 г. две категории – «малоимущие» и «бедные» – являются во многом пересекающимися, но не совпадающими множествами. Таким образом, в 2021–2022 гг. сложилась ситуация, когда часть людей, все еще относившаяся к категории «бедные», не получала социальной под-

¹ См.: Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=DBcEDQ&base=LAW&n=452698&dst=100008&field=134#seHfxZUilJCehRj5> (дата обращения: 15.01.2025).

держки, так как уже вышла из категории «малоимущие». В 2023 г. ситуация обратная во всех социально-демографических группах, кроме детей, – ГБ установилась выше ВПМ. В связи с этим некоторые люди продолжили получать помощь как малоимущие, по сути, не являясь бедными.

Исходя из вышеуказанного, в России оценивается именно абсолютная бедность – «невозможность удовлетворять базовые потребности человека в питании, одежде, жилье и тепле» [14. – С. 17]. Похожий подход используется в отдельных развитых странах (Великобритании, США, Чехии Сингапуре), а также ряде развивающихся (Индии, Иране, странах СНГ).

Динамика бедности в 2018–2023 гг. и альтернативные методы расчета бедности

За шесть лет официальный уровень бедности (абсолютная бедность) снизился на 4,4 процентного пункта – с 12,7% до 8,3% (с 18,8 млн человек до 12,2 млн человек)¹. При этом, если обратиться к оценке относительной бедности (определение границы бедности через сопоставление со средними или медианными доходами), то заметна несколько другая динамика. Отличие абсолютной и относительной бедности в том, что под первой понимается доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, а под второй – ниже определенного стандарта (например, медианного дохода) [5. – С. 157]. Из представленных в табл. 2 данных, видно, что относительный уровень бедности в исследуемом периоде находится в диапазоне 24,3–25,2%.

Т а б л и ц а 2

Уровень бедности в 2018–2023 гг. (в %)

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Доля населения с денежными доходами ниже ГБ/ВПМ	12,7	12,4	12,2	11,1	9,0	8,3
Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже 60% медианного среднедушевого денежного дохода населения	25,3	25,2	24,8	25,0	24,3	24,8

* Рассчитано по: Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границы медианного среднедушевого денежного дохода населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

Региональный разрез

В 2023 г. уровень бедности был значительно дифференцирован в региональном разрезе – разброс составляет 24,1 процентного пункта – от

¹ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

3,6% в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) до 27,7% в Республике Ингушетия. С 2018 г. ситуация улучшилась, но незначительно: тогда разрыв составлял 28,9 процентного пункта – от 5,5% в ЯНАО до 34,4% в Республике Ингушетия. При этом топ рейтинга регионов по уровню бедности фактически не изменился – это Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), Астраханская, Саратовская, Курганская, Амурская, Псковская, Смоленская и Ульяновская области, Республики Бурятия, Калмыкия, Крым и Саха, Забайкальский край и Еврейская автономная область (ЕАО). В указанных регионах уровень бедности в 2023 г. превышал 11,5–12%. При этом в ряде регионов наблюдалось существенное улучшение ситуации – в Чукотском автономном округе и Кабардино-Балкарской Республике бедность снизилась практически в 2 раза – до 4,6% и до 14,2% соответственно. В целом во всех регионах России наблюдается снижение уровня бедности – исключением является только Тамбовская область, где этот показатель с 2018 г. зафиксировался на уровне 9,8%¹.

Международные сопоставления уровня бедности

Ориентируясь на данные Всемирного банка, можно отметить несколько тенденций. В первую очередь – это сохранение крайне низких значений по общему уровню экстремальной бедности (доходы ниже 2,15 долларов в день), а также общее снижение уровня абсолютной бедности в России. Из данных табл. 3 видно, что доля населения с доходами ниже 6,85 долларов в день (порог для стран с высоким уровнем дохода) сократилась с 2,6% до 2%.

Т а б л и ц а 3

Уровень бедности в России в 2018–2021 гг. в международных сопоставлениях*
(место в рейтинге и значения)

2018		2019		2020		2021	
Место	Значение	Место	Значение	Место	Значение	Место	Значение
<i>Доля населения с доходами ниже 2,15 долл. в день (ППС) – выборка 53 страны</i>							
13	0,1%	18	0,2%	15	0,1%	20	0,1%
<i>Доля населения с доходами ниже 6,85 долл. в день (ППС) – выборка 61 страна</i>							
23	2,6%	29	2,7%	23	1,7%	27	2%
<i>Доля населения с доходами ниже 50% медианного дохода – выборка 52 страны</i>							
33	14,4%	33	14%	25	11,6%	32	13%

* Составлено по: URL: // databank.worldbank.org/home.aspx (дата обращения: 05.02.2025).

На фоне других стран динамика в России умеренная – наша страна стабильно находится в третьей десятке по уровню абсолютной бедности.

¹ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

В 2020 г. уровень абсолютной бедности в России был ниже, чем в среднем по странам с высоким уровнем доходов – 1,7% против 1,8% (Россия до 2024 г. входила в число стран со средневысоким уровнем дохода), однако в 2021 г. ситуация обратная – 2% против 1,4%. Похожую динамику демонстрирует и показатель относительной бедности – снижение с 14,4% до 13%¹. Место России в рейтинге также было стабильно – 32-е–33-е (кроме 2020 г. – 25-е).

В целом с 2004 г. Россия стабильно находится в верхних диапазонах распределения стран по уровню бедности – при этом в сравнении с развитыми странами наблюдается высокий уровень неравенства по доходам (индекс Джини) и «высокие показатели концентрации доходов в руках верхних 1–10% населения» [10. – С. 24].

Динамика и структура доходов населения в 2018–2023 гг.

Уровень бедности населения определяется двумя ключевыми показателями – уровнем доходов и их распределением. До 2018 г. уровень относительного неравенства был достаточно стабильным (около 25% населения с доходами ниже 60% медианы). Колебания экономической конъюнктуры почти не оказывали влияния на уровень неравенства – на фоне экономического восстановления в 2017 г. наблюдалось увеличение данного показателя [8. – С. 33].

В 2018–2023 гг. среднедушевые денежные доходы населения выросли на 67,6% до 53 тыс. рублей, при этом реальные темпы роста составили 14,1%. Номинальный рост доходов во все исследуемые годы превышал уровень инфляции, за исключением 2020 г., на который пришелся пик антиковидных ограничений.

Структура доходов за шесть лет значительно не изменилась: сильнее всего выросла доля оплаты труда (на 3,1 процентного пункта до 60,2%), доходов от собственности (на 2,1 процентного пункта до 6,7%), доходов от предпринимательской и другой производственной деятельности (на 0,4 процентного пункта до 6,5%) за счет снижения доли социальных выплат и прочих поступлений (последние рассчитываются балансовым методом) на 0,5 процентного пункта до 18,5% и 5,1 процентного пункта до 8,1% соответственно².

Распределение по 20%-ным группам показывает, что доли всех групп ниже пятой (с наивысшими доходами) в общем доходе выросли в 2018–2023 гг. на одну величину – 0,2 процентного пункта (четвертая группа – на 0,1 процентного пункта). Доля пятой группы, соответственно, снизилась на 0,7 процентного пункта до 46,4%. Доля первой группы со-

¹ URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

² Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления (новая методология) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

ставила 5,5%¹. За период 2018–2022 гг. похожая динамика наблюдалась преимущественно в странах Латинской Америки – в Аргентине доля наименее обеспеченных 20% выросла на 10,2 процентного пункта до 5,4%, доля с наибольшими доходами снизилась на 0,6 процентного пункта до 46,6%; в Перу для первой группы рост в 14 процентных пунктов до 5,7%, для второй – снижение на 2,9 процентного пункта до 46,5%; в Мексике + 7,7 процентного пункта до 5,6% и –4,4 процентного пункта до 49,8% соответственно. При этом в ряде развитых стран со схожим уровнем неравенства ситуация обратная – в США доля 10% с наименьшими доходами снизилась на 1,9 процентного пункта до 5,2%².

Факторы изменения доходов населения и их влияние на бедность в России

Снижение бедности в России является результатом тенденций развития мировой и национальной экономики, а также государственной политики. В Едином плане меры, направленные на снижение бедности, объединены в три крупные группы: стимулирование общего роста реальных доходов населения; общесистемные меры по ускоренному росту доходов низкодоходных групп населения; повышение уровня социального обеспечения и адресности мер социальной поддержки³. В совокупности эти механизмы направлены на обеспечение роста главных составляющих дохода населения – заработных плат и социальных трансфертов, а также на поддержку занятости и повышение качества мер социальной поддержки.

Фактор 1. Рост заработных плат

Одним из ключевых драйверов роста заработных плат (ЗП), особенно у низкодоходных групп населения, является повышение минимального размера оплаты труда (МРОТ). В 2018–2023 гг. МРОТ увеличился почти на 71,2% – с 9,5 тыс. до 16,2 тыс. рублей. При этом была изменена схема его расчета. Так, 1 мая 2018 г. размер МРОТ был привязан к прожиточному минимуму и составил 11 163 рубля. В 2022 г. на фоне всплеска цен (за январь – май 2022 г. рост составил 11,4%)⁴ было принято решение об индексации МРОТ: с 1 июня 2022 г. он составил 15 279 рублей.

¹ Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 16.01.2025).

² URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-п) (с изм. от 24 декабря 2021 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 08.09.2023).

⁴ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 16.01.2025).

На распределение ЗП по децильным группам это фактически не повлияло – доля первой группы (с наименьшими доходами) увеличилась в 2017–2023 гг. на 0,2 процентного пункта до 2,5%, второй – на 0,2 процентного пункта до 3,7%, третьей – не изменилась¹.

В 2018–2023 гг. отраслевое неравенство в заработных платах несколько снизилось – разрыв соотношения ЗП в отрасли с минимальными ЗП (производство одежды – 19,8 тыс. рублей в 2018 г., 34,2 тыс. рублей – 2023 г.) и максимальными (добыча нефти и природного газа – 127,8 тыс. рублей и 146,7 тыс. рублей соответственно) уменьшился с 6,44 раз до 5,3.

Во всех регионах в 2018–2023 гг. реальные заработные платы росли в 47 регионах, несмотря на снижение в 2022 г. В целом за исследуемый период наблюдался накопленный рост от 3,8% в Республике Ингушетия до 44,4% в Чувашской Республике. Распределение темпов роста заработных плат по регионам во многом соответствует структуре их экономики: так, регионы с высокой долей ВПК в экономике, активным строительством (поддерживаемым бюджетным импульсом) показали меньший спад по итогам 2022–2023 гг. [4. – С. 45], что и предопределило их более высокую динамику в 2018–2024 гг.

Фактор 2. Рост социальных выплат и социальной поддержки

Важным фактором снижения бедности в исследуемый период стало улучшение системы социальной поддержки. Среди ключевых мероприятий – индексация социальных пособий и льгот не ниже уровня инфляции, дальнейшее расширение практики социального контракта, создание и развитие Социального казначейства. В основе лежит уход от «категориального подхода», когда поддержка оказывается без привязки к уровню доходов получателя (отсутствие оценки нуждаемости) [7. – С. 1649].

Проведена работа по унификации мер поддержки, повышению их адресности. Например, начиная с 2023 г. до этого разрозненные меры поддержки семей были объединены в единое пособие на детей и беременных женщин, которое совместило ежемесячные пособия для семей с детьми до 17 лет и беременных женщин с низкими доходами. По данным Росстата, объем социальных выплат в 2018–2023 гг. увеличился на 55,2% – основным драйвером стало увеличение пособий и иных инструментов материальной поддержки (рост на 116,3%)².

В результате в 2018–2022 гг. доля бедных семей среди всех многодетных снизилась с 48,7% до 30,5%, детская бедность снизилась с 22,9% до

¹ Распределение общей суммы начисленной заработной платы по 10-процентным группам работников / Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 16.01.2025).

² Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.01.2025).

16,5%¹, в том числе за счет увеличения доступности отдельных материальных благ и досуга (активный отдых, дополнительное образование) [2. – С. 51]. При этом доля социальных трансфертов в доходах населения в целом снизилась почти с 19% в 2018 г. до 17,9% в 2023 г., в первую очередь за счет снижения доли пенсий и доплат к ним с 14% до 11,8% (доля пособий и социальной помощи выросла с 4,3% до 5,6%). Совокупный объем трансфертов в части пенсий и доплат к ним в 2018–2023 гг. увеличился на 38,7%². Средний размер назначенных пенсий за тот же период увеличился с 13,3 тыс. до 29,8 тыс. рублей, реальный рост составил 10,73% (по состоянию на 1 января 2024 г.). Вместе с тем по регионам ситуация неоднородна – есть два региона, в которых реальный размер пенсии на 1 января 2024 г. был ниже, чем в том же периоде 2018 г. – это Севастополь (–1,1%) и Республика Ингушетия (–1,5%). В двух регионах наблюдается снижение реального размера пенсии уже третий год подряд – это Мурманская область (на 2,1% за три года) и Республика Ингушетия (на 11,4% за три года), еще в 35 регионах снижение наблюдается второй год подряд.

Одним из инструментов снижения бедности является социальный контракт – соглашение о выделении субсидии, заключаемое между государством и гражданином со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума, установленного в соответствующем регионе. Согласно отчету Счетной палаты за 2021–2022 гг., у 28% граждан – участников социального контракта «среднедушевые доходы семьи превысили размер прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации» [1. – С. 7]. При этом достижение планового показателя, характеризующего снижение уровня бедности, «значительно дифференцируется по регионам (от 8,9 до 42,2%)» [1. – С. 8]. Счетной палатой отмечается позитивное влияние данного инструмента на уровень бедности, хотя и выделяется ряд проблем реализации, таких как нехватка финансирования и неравная эффективность в региональном разрезе.

Фактор 3. Поддержка занятости

В 2018–2023 гг. уровень безработицы в возрасте 15 лет и старше снизился с 4,8% до 3,2% населения. В международных сопоставлениях Россия находится между Мальтой (3,11%) и Нигерией (3,08%). Среди развитых стран данные по России сопоставимы с данными по Сингапуру (3,4%), Израилю (3,4%), Германии (3,07%), а также Гонконгу (2,9%)³. Среди ключевых причин снижения безработицы – демографическая яма, сокращение численности трудовых мигрантов, увеличение неполной занятости,

¹ Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности с 2017 года (ОКВЭД2) / Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.01.2025).

² Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.01.2025).

³ URL: <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения: 05.02.2025).

квалификационно-профессиональный дисбаланс, смертность населения во время пандемии и др.) [11. – С. 30].

По состоянию на 2023 г., уровень безработицы по регионам варьировался от 1,5% в ЯНАО до 27,8% в Республике Ингушетия. Наибольшее снижение уровня безработицы наблюдалось в Республике Тыва (–8,3 процентного пункта до 6,6%), Карачаево-Черкесской Республике (–4,8%), Республике Адыгея (–4,6 процентного пункта до 7,3%). В четырех регионах, наоборот, безработица выросла – это Республика Ингушетия (+1 процентный пункт до 27,8%), Москва (+0,5 процентного пункта до 1,8%), Республика Дагестан (+0,4 процентного пункта до 11,9%) и Санкт-Петербург (+0,1 процентного пункта до 1,6%)¹. При этом рост безработицы приходился на 2018–2020 гг. – время пандемии коронавирусной инфекции и начала восстановительного роста. С 2021 г. безработица последовательно уменьшается во всех регионах.

С точки зрения видов экономической деятельности видно изменение структуры занятости. Так, доля сельского хозяйства снизилась на 0,9 процентного пункта до 6%, доля розничной торговли – на 0,7 процентного пункта до 18,4%, на 0,2 процентного пункта снизились доли госуправления, образования и обеспечения электроэнергией, газом и паром (до 4,9%, 7,4% и 2,1% соответственно). При этом на 0,6 процентного пункта выросла доля транспортировки и хранения (до 8,1%), на 0,4 процентного пункта – строительства, ИТ, административной деятельности (до 9,3%, 2,4% и 3,1% соответственно)².

Поддержка рождаемости и женская занятость

Единый план в рамках достижения первой национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» наряду с задачей по снижению бедности содержит также задачу по обеспечению устойчивого роста численности населения, в том числе за счет стимулирования рождаемости. Это также подразумевает обеспечение доступности дошкольного образования и поддержку занятости. Несмотря на то что напрямую в Едином плане эти две задачи не привязаны друг к другу, вопрос рождаемости имеет определенное отношение к вопросу бедности.

В первую очередь речь идет о женской занятости. В 2018–2022 гг. уровень безработицы среди женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей дошкольного возраста (0–6 лет), фактически изменился незначительно (снижение на 0,7 процентного пункта до 5,8%), при этом наибольшее снижение

¹ Численность занятых в возрасте 15 лет и старше и уровень занятости / Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.01.2025).

² Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности с 2017 года (ОКВЭД2) / Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.01.2025).

видно в группе с детьми 3–6 лет (с 6,8% до 5,6%). В группе с детьми от 0 до 2 лет обратная ситуация – рост безработицы с 5,8% до 6,1%¹.

На занятость женщин с детьми во многом влияет наличие необходимой дошкольной инфраструктуры. В 2018–2022 гг. на 2,7 процентного пункта до 10% снизилось число тех, кто отмечает нехватку мест, как причину непосещения детьми 3–6 лет дошкольных учреждений, особенно семей с двумя детьми (–6 процентных пунктов до 7,1%) и с тремя детьми (–3,1 процентного пункта до 9,2%). Однако значение данного показателя для семей с одним ребенком выросло на 1,6 процентного пункта до 14,2%², что является достаточно высоким значением. При этом, по данным Минпросвещения России, на 1 января 2024 г. доступность дошкольного образования для детей от 3 до 7 лет составила 99,9%³. Данные по охвату гораздо скромнее – несмотря на рост показателя в 2019–2023 гг. на 5,3 процентного пункта, он составил 74,9%. В городской местности – 80% (+4,7 процентного пункта), в сельской – только 59,2% (+6,3 процентного пункта)⁴.

Несоответствие данных по доступности и охвату подчеркивает и вопрос качества методик расчета. Доступность рассчитывается как соотношение количества мест в дошкольных учреждениях и численности детей определенного возраста. Другими словами, показатели физической, ценовой доступности, обеспеченности преподавательским составом и кадрами в расчете не учитываются. Без решения вопроса доступности дошкольных учреждений (в совокупности с другими мерами поддержки женской занятости) задача повышения рождаемости, по сути, противоречит задаче поддержания высокой занятости и, как следствие, оказывает негативное влияние на уровень доходов домохозяйств и бедности.

Долгосрочные вызовы и задачи по снижению бедности

За время реализации Единого плана (2018–2023 гг.) в России наблюдалось снижение бедности, что повлияло на ее место в рейтинге в международных сопоставлениях. Совокупность позитивных факторов, даже несмотря на инфляционное давление, привела к улучшению ситуации с

¹ Уровень занятости и безработицы женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 20.01.2025).

² Распределение детей в возрасте 3 – 6 лет по причинам непосещения дошкольного образовательного учреждения / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 17.01.2025).

³ URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/preschool_education#:~:text=%D0%9D%D0%B0%20%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8F%202024%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0,%D0%BB%D0%B5%D1%82%20E2%80%93%2099%2C86%25. (дата обращения: 17.01.2025).

⁴ Охват детей дошкольным образованием / ЕМИАС, 2025. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43553> (дата обращения: 21.01.2025).

бедностью: доля тех, кто отмечает нехватку денег на еду, снизилась с 0,9% в 2018 г. до 0% в 2023 г.¹

Важно отметить ряд вызовов, которые видны из представленных Росстатом данных:

1. Доля тех, кому затруднительно покупать одежду и оплачивать ЖКХ все еще значительна – 11,2% (на 2,3% выше уровня бедности). Существенна также доля тех, кто не может позволить себе товары длительного пользования (смартфон, холодильник, стиральную машину, мебель и др.) – 48,7%². Таким образом, можно говорить о сохранении потребительской бедности, особенно на фоне значительного роста цен в 2022–2023 г. на ряд потребительских товаров и услуг.

2. Уровень относительной бедности (как при измерении 40% медианного дохода, так и 60%) оставался стабильным – около 25% и 11,3% соответственно (снижение за 6 лет составило всего 0,5 процентного пункта). В совокупности с пунктом 1 это говорит о сохраняющейся высокой доле «предбедного» населения – с доходами в диапазоне от 1 до 1,5 ГБ – несмотря на сокращение с 2018 г. на 2,7 процентного пункта их доля остается значительной (11,6%)³.

3. Сохраняется высокий уровень бедности среди многодетных семей – 30,5%⁴ (новый Указ о национальных целях развития отмечает данную проблему). Притом, что социальные трансферты являются важным элементом поддержки, необходимо создавать условия для качественной жизни – возможности для образования, труда и досуга.

4. Одной из ключевых задач является преодоление разрыва в оплате труда, так как межотраслевые и межрегиональные дисбалансы являются ключевыми долгосрочными факторами неравенства населения в целом [9]. При этом надо учитывать повышение многофакторной производительности (т. е. не только повышать производительность труда, но и фондоотдачу отраслей, снижать административные барьеры).

Так, при росте реальной среднемесячной заработной платы на 33,9% за шесть лет накопленный рост производительности труда составил всего 8,2%⁵ (2018–2023 гг.), а индекс изменения фондоотдачи и вовсе сни-

¹ Распределение домашних хозяйств, имеющих детей в возрасте до 16 (18) лет, по степени удовлетворенности своим финансовым положением / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 17.01.2025).

² Там же.

³ Распределение численности населения по размерам соотношения денежных доходов и величины прожиточного минимума/границы бедности в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 17.01.2025).

⁴ Социально-экономические индикаторы бедности в 2017–2023 гг. / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 17.01.2025).

⁵ Индексы производительности труда в экономике Российской Федерации / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 21.01.2025).

зился на 13,6%¹. Во всех отраслях сохраняется дисбаланс между производительностью и заработными платами – с точки зрения бедности следует выделить низкодоходные отрасли, находящиеся под риском из-за снижения производительности. Это в первую очередь сельское хозяйство, административная деятельность и сопутствующие дополнительные услуги.

Несоответствие темпов роста заработных плат и производительности труда в отраслях увеличивает риски углубления дисбалансов в оплате труда, нарушения «баланса между денежными и товарными массами» и, как следствие, усиливает инфляционные риски» [13], а также риски «вымывания с рынка наименее квалифицированной рабочей силы» [12. – С. 90]. В результате в долгосрочной перспективе повышение заработных плат, призванное увеличить доходы граждан, может послужить импульсом к снижению покупательной способности доходов, значительно снижая эффекты от повышения МРОТ.

5. Еще одной проблемой являются региональные дисбалансы – в десяти регионах уровень бедности превышал 15%. Наиболее тяжелая ситуация в Республике Ингушетия (27,7%), Республике Тыва (23,5%) и Карачаево-Черкесской Республике (20,6%)². Характерно, что по ряду показателей (реальный рост доходов и заработных плат, покупательной способности пенсий, уровень занятости, в том числе женской) Ингушетия занимает одно из худших мест среди всех российских регионов.

6. Сохраняются социально-экономические различия по линии «город – село»: при высоком уровне урбанизации 74,9% в 2023 г. на сельскую местность приходилось около 55% всех бедных³. Существуют проблемы гендерной дифференциации занятости в контексте современного развития агропромышленного комплекса, в том числе с высокой долей женской занятости [3. – С. 12].

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» частично учитывает вышеуказанные вызовы и задачи. В первую очередь имеются в виду задачи в рамках национальной цели – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, – направленные на снижение бедности, в том числе среди многодетных семей, снижение неравенства, повышение МРОТ, повышение качества жизни инвалидов. В соответствии с новым Единым планом важным остается сохранение

¹ Индексы изменения фондоотдачи / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 21.01.2025).

² Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Распределение малоимущего населения по основным группам / Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 21.01.2025).

преемственности существующих инструментов. При этом нельзя не отметить наличие важных нововведений – акценты на неравенстве и проблемах инвалидов.

Вместе с тем новый Единый план все еще не учитывает взаимозависимость социально-экономических процессов – существующее разделение целей и задач по отдельным направлениям без должных прописанных связей не позволяет рассматривать поставленные проблемы в комплексе. Еще одним слабым местом является недоучет отложенного влияния отдельных социально-экономических процессов друг на друга. Вышеупомянутая проблема женской занятости – это долгосрочная проблема, связанная с задачей по повышению рождаемости, иными словами, решения, принятые сейчас, могут сказаться на бедности, например, к концу реализации Единого плана – в 2036 г. Следует отметить, что актуальные исследования взаимовлияния бедности и неравенства показывают, что от изменения вышеуказанных социально-экономических показателей «на 85–90% зависит изменение демографических показателей» [15. – С. 80].

Вышеуказанные ограничения могут быть сняты в рамках грамотной системы мониторинга Единого плана, которую еще предстоит разработать и отладить.

Заключение

В 2018–2023 гг. России удалось не только сохранить крайне низкий уровень абсолютной бедности (нищеты), но и снизить уровень официальной бедности до рекордно низкого значения в 8,3%. Это позволило России сохранить свои позиции в международных сопоставлениях (по абсолютной и относительной бедности) и оставаться на рубеже третьего десятка.

Проведенный анализ показывает, что в целом государственная политика по снижению бедности в 2018–2023 гг. была успешной. Ключевыми факторами снижения бедности стали ускоренный рост заработных плат, вызванный как государственными мерами (повышение МРОТ, стимулирование отдельных отраслей), так и структурными (узость рынка труда, локальные дефициты труда); расширение мер социальной поддержки, повышение их адресности; поддержка занятости. Безусловно, сохраняются отдельные проблемы – это высокий уровень относительной бедности, существенное отраслевое и региональное неравенство, проблемы отдельных социальных групп (многодетные семьи). Решить указанные проблемы и закрепить достигнутые успехи призваны новые национальные цели развития. Несмотря на новые важные задачи (например, снижение неравенства, улучшение качества жизни инвалидов), во многом акцент сделан на сохранении преемственности подходов, что наряду с очевидными плюсами несет в себе сохранение ряда слабых

сторон предыдущих программных документов, в том числе недоучет взаимовлияния разных социально-экономических процессов. При этом в 2018–2023 гг. создан существенный задел для решения проблемы абсолютной бедности. В начале 2025 г. нужно сделать акцент на социально-экономической трансформации – переходе к снижению относительной бедности и соответствующим изменениям государственной политики.

Список литературы

1. Бюллетень Счетной палаты РФ. Социальная помощь. – 2023. – № 5 (306).
2. Гришина Е. Е. Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов // Финансовый журнал. – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 45–60. – URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60>
3. Зубаревич Н. В. Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2017. – № 2. – С. 12–14.
4. Зубаревич Н. В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – № 1. – С. 34–47. – DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47.
5. Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. Социология. Этнология. – 2013. – № 1. – С. 155–175.
6. Клисторин В. И. О бедности в России и в мире // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11. – № 3. – Ч. 2. – С. 264–280. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280
7. Кравченко Е. В. Адресность предоставления мер социальной поддержки: особенности и направления развития // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. – № 8. – С. 1645–1664. – DOI: 10.18334/ce.14.8.110701
8. Лившиц В. Н. Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом. – М. : Институт экономики РАН, 2017.
9. Лукьянова А. Л. Дифференциация заработных плат в России (1991–2008 гг.) : факты и объяснения. – М. : Издательский дом Гос. Ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – Препринт WP3/2010/10. – Серия WP3. Проблемы рынка труда.
10. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности : аналитический доклад. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. – Серия. Социально-экономическое неравенство в России: состояние, динамика, ключевые проблемы.
11. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год. отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. – М. : ИЭ РАН. – 2023. – Вып. 1 (202).

12. Неравенство в оплате труда: динамика, основные факторы, региональные различия, влияние институтов рынка труда : доклад. – М. : НИУ ВШЭ, 2021.
13. Никифорова А. О соотношении роста производительности и заработной платы // Общество и экономика. – 2001. – № 7/8. – С. 95–110.
14. Овчарова Л. Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. – 2012. – № 16. – С. 15–38.
15. Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. – М. : М-Студия, 2009.
16. Global Economic Prospects. – Washington, DC: World Bank, 2024. – June. – DOI:10.1596/978-1-4648-2058-8

References

1. Byulleten Schetnoy palaty RF. Sotsialnaya pomoshh [Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation (Social Assistance)], 2023, No. 5 (306). (In Russ.).
2. Grishina E. E. Materialnoe polozhenie mnogodetnykh semey i faktory rosta ikh dokhodov [Financial Situation of Large Families and Factors of Their Income Growth]. *Finansoviy zhurnal* [Financial Journal], 2024, Vol. 16, No. 1, pp. 45–60. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60>
3. Zubarevich N. V. Razvitie selskikh territoriy Rossii, sotsialnye i gendernye problemy [Development of Rural Territories of Russia, Social and Gender Issues]. *Mezhdunarodniy selskokhozyaystvenniy zhurnal* [International Agricultural Journal], 2017, No. 2, pp. 12–14. (In Russ.).
4. Zubarevich N. V. Regiony Rossii v kontse 2023 g.: udalos li preodolet krizisniy spad? [Regions of Russia at the End of 2023: Was It Possible to Overcome the Crisis Recession?]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics], 2024, No. 1, pp. 34–47. (In Russ.). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47.
5. Karabchuk T. S., Pashinova T. R., Soboleva N. E. Bednost domokhozyaystv v Rossii: chto govoryat dannye RMEZ VShE [Household Poverty in Russia: What Do the RLMS HSE Data Say]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology], 2013, No. 1, pp. 155–175. (In Russ.).
6. Klistorin V. I. O bednosti v Rossii i v mire [On Poverty in Russia and in the World]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2019, Vol. 11, No. 3, Part 2, pp. 264–280. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280
7. Kravchenko E. V. Adresnost predostavleniya mer sotsialnoy podderzhki: osobennosti i napravleniya razvitiya [Targeting of Social Support Measures: Features and Directions of Development]. *Kreativnaya ekonomika*. [Creative economy], 2020, Vol. 14, No. 8, pp. 1645–1664. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.14.8.110701
8. Livshits V. N. Bednost i neravenstvo dokhodov naseleniya v Rossii i za rubezhom [Poverty and Income Inequality in Russia and Abroad]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 2017. (In Russ.).

9. Lukyanova A. L. *Differentsiatsiya zarobotnykh plat v Rossii (1991–2008 gg.): fakty i obyasneniya* [Differentiation of Wages in Russia (1991–2008): Facts and Explanations]. Moscow, Izdatelskiy dom Gos. Un-ta – Vysshaya shkola ekonomiki, 2010. Preprint WP3/2010/10. Seriya WP3. Problemy rynka truda. (In Russ.).

10. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. *Neravenstvo v Rossii na fone drugikh stran: dokhody, bogatstvo, vozmozhnosti: analiticheskiy doklad* [Inequality in Russia Against the Background of Other Countries: Income, Wealth, Opportunities]. Moscow, Natsionalniy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2021. Seriya. Sotsialno-ekonomicheskoe neravenstvo v Rossii: sostoyanie, dinamika, klyuchevye problemy. (In Russ.).

11. *Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii – 2022 god* [Monitoring the Income and Standard of Living of the Population of Russia – 2022], edited by V. N. Bobkov, A. A. Gulyugina. Moscow, IE RAN, 2023, Issue 1 (202). (In Russ.).

12. *Neravenstvo v oplate truda: dinamika, osnovnye faktory, regionalnye razlichiya, vliyanie institutov rynka truda* [Wage Inequality: Dynamics, Main Factors, Regional Differences, Influence of Labor Market Institutions], doklad. Moscow, NIU VShE, 2021. (In Russ.).

13. Nikiforova A. *O sootnoshenii rosta proizvoditelnosti i zarabotnoy platy* [On the Relationship Between Productivity Growth and Wages], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2001, No. 7/8, pp. 95–110. (In Russ.).

14. Ovcharova L. N. *Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredeleniya i izmereniya bednosti* [Theoretical and Methodological Issues of Defining and Measuring Poverty], *SPERO. Sotsialnaya politika: Ekspertiza. Rekomendatsii. Obzory* [SPERO. Social Policy: Expertise. Recommendations. Reviews], 2012, No. 16, pp. 15–38. (In Russ.).

15. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. *Neravenstvo, ekonomicheskiy rost i demografiya: neissledovannye vzaimosvyazi* [Inequality, Economic Growth and Demography: Unexplored Relationships]. Moscow, M-Studio, 2009. (In Russ.).

16. *Global Economic Prospects*. Washington, DC, World Bank, 2024, June. DOI:10.1596/978-1-4648-2058-8

Поступила: 24.01.2025

Принята к печати: 13.02.2025

Сведения об авторе

Андрей Владимирович Масольгин
начальник отдела оперативного мониторинга и анализа экономической политики Центра анализа данных Фонда «Центр стратегических разработок».
Адрес: Фонд «Центр стратегических разработок», Москва, 125009, Газетный пер., 3-5 стр. 1, 3.
E-mail: Andrey.masolygin@yandex.ru

Information about the author

Andrey V. Masolygin
Head of the Division of Operational Monitoring and Analysis of Economic Policy, Center for Data Analysis "Center for Strategic Research" Foundation.
Address: Center for Strategic Research Foundation, 3-5 Gazetny Lane, Building 1, 3, Moscow, 125009, Russian Federation.
E-mail: Andrey.masolygin@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-155-164>

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ССАГПЗ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В XXI ВЕКЕ

Н. В. Каржанова, И. В. Аввакумова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, России

В статье представлен анализ ситуации, сложившейся в сфере высшего образования, в шести странах Персидского залива (Бахрейне, Омане, Катар, Кувейте, ОАЭ и Саудовской Аравии). Авторами обосновано, что сектор высшего образования традиционно сохраняет достаточно высокое качество, соответствующее международным стандартам. Однако процессы мировой, региональной и страновой экономической и политической трансформации вкупе с ростом глобальной нестабильности и смещения акцентов в отраслевой структуре мира и региона требуют новых подходов к сфере образования и ее качественного преобразования. Стремительное развитие информационных технологий способствовало прогрессу человечества и социально-экономическому благополучию, но для региона крайне важно, чтобы региональные системы образования поддерживали моральные и религиозные ценности, присущие странам Персидского залива. В статье показано, что в последние годы шесть стран Персидского залива старались стимулировать экономические преобразования и диверсифицировать развитие с помощью реформы образования и кадровых ресурсов. При этом они столкнулись с такими недостатками, как раздробленный рынок труда и слабая поддержка образования и кадровых ресурсов, а также с такими проблемами, как необходимость улучшения структуры команды талантливых специалистов, синергии образования и т. д. Авторы приходят к выводу о том, что реформы в сфере образования стран ССАГПЗ должны быть скоординированными, а односторонние изменения затрудняют достижение ожидаемых целей из-за их значительного сходства в задачах, инициативах и целях.

Ключевые слова: мировой рынок образования, развитие образовательных программ, социальное развитие, демографические аспекты, искусственный интеллект.

HIGHER EDUCATION IN THE GCC AND ITS TRANSFORMATION IN THE 21ST CENTURY

Natalya V. Karzhanova, Irina V. Avvakumova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The article presents an analysis of the situation in the field of higher education in six countries of the Persian Gulf (Bahrain, Oman, Qatar, Kuwait, the United Arab Emirates and Saudi Arabia). The authors substantiate that the higher education sector has traditionally maintained a fairly high quality that meets international standards. However, the processes of global, regional, and country-wide economic and political transformation, coupled with increasing global instability and shifting accents in the sectoral structure of the world and the region, require new approaches to the field of education and its rather serious qualitative transformation. The rapid development of information technology has contributed to the progress of humanity and socio-

economic well-being, but it is also extremely important for the region that regional education systems support the moral and religious values that are associated with the society of the Persian Gulf. The article shows that in recent years, the six Gulf countries have tried their best to stimulate economic transformation and diversified development through education and human resources reform, but they have faced disadvantages such as a highly divided labor market and weak support for education and human resources, they still face challenges such as a divided labor market and weak support for education and human resources, as well as problems such as the need to improve the team structure of talented specialists, educational synergies, etc. The authors conclude that the education reforms of the GCC countries should be coordinated, and unilateral changes make it difficult to achieve the expected goals due to their significant similarities in objectives, initiatives and goals.

Keywords: global education market, development of educational programs, social development, demographic aspects, artificial intelligence.

Введение

Регион Персидского залива становится все более значимым и важным актором в Западной Азии и в арабском мире, растет его значение на мировом уровне в различных сферах. Соответственно, возрастает интерес к региону с точки зрения экономики, политики, сферы безопасности, а также образования.

Современная практика и теоретические разработки подтверждают, что страны ССАГПЗ большое внимание уделяют сфере высшего образования для обеспечения роста конкурентоспособности стран региона в условиях цифровизации и смартизации мировой экономики, для усиления своих позиций на мировом рынке образования [1].

Кроме того, перед странами региона стоит жизненно важная задача осуществлять диверсификацию национальной экономики, так как рост волатильности мировых рынков, особенно нефти и газа, и в целом глобальная обстановка [5], требуют повышения безопасности, устойчивости и поддержания социальной сферы на необходимом уровне, в том числе и в сфере образования, включая национальную, энергетическую [4], цифровую безопасность, и оборону [7]. Все это, а также необходимость декарбонизации и экологизации, развития в регионе высокотехнологичных сегментов экономики [12] наряду с другими современными тенденциями развития мирового хозяйства и повышения качества человеческого капитала в условиях роста населения требует трансформации высшего образования в регионе.

Особое внимание в научной литературе уделяется социальным и демографическим аспектам развития стран ССАГПЗ. Поскольку рост населения в регионе остается достаточно устойчивым, а само население проживает преимущественно в городах, которые все больше становятся умными [11] (и это один из важнейших трендов современного Ближнего Востока), то его охват образовательными программами быстро растет.

В то же время в ССАГПЗ признают, что наука и технологии стали основными стратегическими ресурсами страны и являются решающими

факторами на новом пути экономического развития. Опыт многих стран Азии подтверждает, чтобы развивать науку и технику, способствовать развитию талантов, необходима реформа образовательной системы [3]. Талантливые люди, как правило, высоко ценятся в странах ССАГПЗ. Например, Саудовская Аравия рассматривает амбиции народа и потенциал молодого поколения как истинное богатство.

Результаты исследования

Страны ССАГПЗ накопили огромные богатства, полагаясь на свои нефтяные ресурсы. Однако в последние годы из-за воздействия целого ряда факторов оказывать влияние на мировую экономику и политику, опираясь на нефтяные ресурсы, невозможно. Это позволило шести странам ССАГПЗ в целом осознать необходимость и безотлагательность преодоления чрезмерной зависимости от невозобновляемых нефтяных ресурсов. Реформы должны сосредоточиться на изучении цифровой экономики, экономики знаний, зеленого развития, научно-технического развития и т. д., а также преобразовать существующие методы экономического развития для защиты долгосрочных интересов страны. Этот консенсус постепенно поднялся до национального стратегического уровня и стал главным призывом стран региона к развитию высшего образования.

Сектор высшего образования на Ближнем Востоке значительно вырос за последние несколько десятилетий [2] и, как ожидается, продолжит эту тенденцию. Общая рыночная стоимость этого сектора в регионе по прогнозам достигнет 175 млрд долларов к 2027 г., при совокупном годовом темпе роста 8,5% в течение 2022–2027 гг. В том числе объем рынка частного образования в странах Персидского залива достиг 30 млрд долларов в 2024 г., и по оценкам составит 52,83 млрд долларов в 2029 г. при совокупных темпах роста в годовом исчислении на 11,39% в течение 2024–2029 гг. Стоит отметить, что в сферу образования региона приходят и иностранные инвестиции [8].

Страны ССАГПЗ являются наиболее развитыми в сфере образования в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Так, бюджет сектора образования (государственного и негосударственного в совокупности) Саудовской Аравии, крупной региональной державы Ближнего Востока, обладающей не только значительными ресурсными, но и экономическими, финансовыми и географическими преимуществами [10], на 2024 г. достиг 195 млрд риалов (51,9 млрд долларов), что составило 14,5% от общего объема бюджета Саудовской Аравии в 2024 г. Этот объем финансирования превысил уровень предыдущего года, но незначительно. В перспективе, если тенденция сохранится, Саудовская Аравия вполне может побороться за лидерство на рынке образования в регионе ССАГПЗ в качестве крупнейшего образовательного рынка. Это соответствует Видению Саудовской Аравии до 2030 г., стратегической программы разви-

тия, обнародованной в 2016 г. и ставящей своей целью отход от нефтяной зависимости и диверсификацию национальной экономики. В контексте диверсифицированных экономических реформ Саудовской Аравии сфера высшего образования стала новой точкой роста. Продвигая экономические реформы, Саудовская Аравия также уделяет внимание социальной модернизации и преобразованиям, надеясь изменить консервативные и закрытые стереотипы международного сообщества о ней.

Благодаря инвестициям, особенно за последнее десятилетие, Саудовская Аравия добилась больших успехов не только в области образования, но и в области науки и исследований, и становится развитой страной в этих сферах на Ближнем Востоке. Всего за несколько лет страна стала одной из мировых держав в области искусственного интеллекта и информационных технологий, заняв 2-е место в мире по государственным стратегиям и осведомленности общественности об искусственном интеллекте. Эр-Рияд занимает 30-е место в мире и 3-е место в арабском мире в индексе умных городов IMD 2023. Одним из главных достижений Саудовской Аравии является размещение 220 государственных центров обработки данных на облачной платформе DEEM, что позволяет сэкономить значительные ресурсы. Саудовская Аравия выделила 200 млн долларов на научные исследования [9].

Если говорить о Катаре, то общий бюджет страны на 2024 г. составил 202 млрд риалов (или 55,4 млрд долларов). Катар продолжает фокусировать свой общий бюджет на достижении целей Qatar Vision 2030 по развитию человеческого капитала, уделяя особое внимание секторам здравоохранения и образования, на которые в совокупности приходится 20% всего бюджета.

Федеральный бюджет ОАЭ на 2024 г. составил 71,5 млрд дирхамов (19,4 млрд долларов). Бюджет сектора образования ОАЭ достиг при этом 10,914 млрд дирхамов. Доля расходов на образование в ОАЭ – 15,3% от общих расходов страны в 2024 г. Для каждого из эмиратов предусмотрен специальный бюджет, который отличается от федерального бюджета государства, и для каждого из них предусмотрен специальный бюджет на образование.

Многие кампусы Дубая предлагают студентам, в том числе иностранным, программы обучения по таким областям знания, как инженерия и технологии, архитектура, авиация, менеджмент, бизнес, экономика, средства массовой информации, компьютерные и информационные технологии, юриспруденция, естественные науки и др. Студенты со всего мира приезжают в Дубай для получения высшего образования, чтобы взаимодействовать с многонациональным студенческим сообществом. Стоит отметить, что в Дубае открылся филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, где обучаются как российские студенты, так и ребята из других стран.

ОАЭ – одна из самых технологически развитых стран в мире, использует искусственный интеллект в различных отраслях, например, при подборе кандидатов для укрепления цифровой экономики, управления данными. Согласно национальной стратегии искусственного интеллекта, к 2031 г. ОАЭ станут одной из мировых держав в области искусственного интеллекта. Создание центра машинного обучения и центра передового опыта – одна из инициатив страны.

Султанат Оман сформировал бюджет на 2023 г. в размере 11,650 млрд риалов (30,26 млрд долларов), в том числе бюджет образовательного сектора – 1,974 млрд риалов (5,1 млрд долларов). Процент расходов на образование от общих расходов в оманской монархии составил в 2024 г. 16,8%. Среди наиболее важных проектов развития, посвященных образованию в Омане, которые были реализованы в 2024 г., – строительство 15 государственных школ, проведение тендеров на строительство 20 новых государственных школ, а также создание университета прикладных наук и технологий в провинции Мансандам и увеличение 850 новых контрактов на производство государственных школьных автобусов.

Бюджет Кувейта на 2024 г. составил 24,5 млрд динаров (79,9 млрд долларов), в том числе расходы на образование составили 3,4 млрд динаров (11 млрд долларов), или 13,8% от общего бюджета страны. В бюджете на 2024 г. правительство Кувейта выделило министерству образования 2,6 млрд динаров (8,45 млрд долларов) и министерству высшего образования 788 млн динаров (2,56 млрд долларов), в результате чего общий объем финансирования сектора образования составил около 3,4 млрд динаров (11 млрд долларов).

Бахрейн также все активнее выходит на мировой рынок высшего образования, развивая и научные исследования. Великобритания выразила заинтересованность в налаживании сотрудничества с Бахрейном в области науки и техники.

В списке 100 лучших университетов мира в 2025 г. арабские университеты отсутствуют, однако Университет нефти и полезных ископаемых имени Короля Фахда занимает 1-е место среди региональных университетов, который среди 1 500 университетов из разных стран мира занял 101-е место (в 2024 г. он занимал только 143-е место). Катарский университет среди высших учебных заведений стран ССАГПЗ занимает 2-е место (122-е место), а университет Короля Абдул-Азиза из той же страны – 149-е место в мире и 3-е место в регионе.

Международные стандарты доказывают позитивный и растущий путь развития региона ССАГПЗ.

Высшее образование в странах ССАГПЗ преимущественно нацелено на развитие практических компетенций в нефтегазовой и нефтехимической сферах, строительстве, финансах, гостеприимстве, на транспорте и

др. Фундаментальная наука в университетах пока не получила широкого распространения. В последнее десятилетие начали развиваться высокотехнологичные и цифровые направления подготовки специалистов. В странах региона численность собственного населения относительно невелика, и страны, как правило, реагируют на нехватку рабочей силы на рынке, привлекая большое количество иностранного населения. В странах ССАГПЗ наиболее низкая доля иностранцев в общей численности населения. Так, в Саудовской Аравии – около 38%; доля иностранцев в Бахрейне составляет около 52,18%, Катар – около 85%, а в ОАЭ – 88,52% [6]. Эта структура определяет, что отечественная рабочая сила будет сосредоточена в некоторых областях с более высоким экономическим и социальным статусом, более высокими барьерами для входа по профессиям или более высокими доходами, что приводит к значительной сегментации рынка труда. При этом предпочтение граждан стран ССАГПЗ работе в государственном секторе подрывало привлекательность частного сектора – 96% местного населения Катара работает в правительственных ведомствах или на государственных предприятиях.

В сфере финансового страхования, государственного управления и горнодобывающей промышленности Саудовской Аравии доля национальной рабочей силы составляет 83,6%, 71,9% и 63,2% соответственно; в строительной и бытовой отраслях на долю домашней рабочей силы приходится всего 13,5% и 11,4%. Для отечественной рабочей силы созданы хорошие условия труда, а рыночный спрос может быть удовлетворен за счет привлечения большого количества иностранной рабочей силы. Отсюда – отсутствие инициативы инвестировать в отечественное образование, что еще больше усугубляет разрыв между образованием и рынком труда.

Основные меры по реформированию образования в странах ССАГПЗ могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, важно рассматривать образование и таланты как двигатель трансформации и развития страны. Например, Кувейт рассматривает инновационный человеческий капитал как один из столпов национального развития. Это будет способствовать реализации Национального видения 2035 года. Во-вторых, следует рассматривать развитие образования как важный стандарт процветания и силы страны. Например, Национальное видение 2030 Катара предлагает построить систему образования мирового класса, которая может предоставить учащимся первоклассное образование, сопоставимое с образованием в любой точке мира, и обеспечить высококачественное образование, основанное на личных пожеланиях и способностях. В-третьих, необходимо продвигать работу с талантливыми людьми и сделать ее ключевыми областями инвестирования. Такие страны, как Бахрейн и Саудовская Аравия предложили активизировать развитие образования, профессиональной подготовки, чело-

веческих ресурсов и других отраслей. Подобные инициативы также были заметны на региональном уровне.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что страны ССАГПЗ уже достигли заметного прогресса в сфере высшего образования. Они инвестируют значительные ресурсы в этот сегмент социальной сферы, создают новые университеты, а некоторые из действующих учебных заведений занимают достаточно высокие позиции в мировом рейтинге. Однако в системе высшего образования стран ССАГПЗ сохраняется ряд проблем и противоречий как системного, так и структурного характера. Для их решения странам региона в настоящее время важно сосредоточить внимание на внедрении технологий искусственного интеллекта в образовательную среду региональных высших учебных заведений. Необходимо укрепление сотрудничества с региональными и международными организациями, специализирующимися в области академической аккредитации и качества образования, а также поддержка исследователей в научных институтах и центрах в странах Персидского залива.

Эти меры позволят региону ССАГПЗ укрепить национальную образовательную систему, что в свою очередь даст возможность повысить региональную конкурентоспособность как на мировом рынке образования, так и на других мировых рынках и обеспечить долгосрочный и устойчивый социально-экономический прогресс в перспективе. Образование и работа с талантами должны продвигаться совместно с развитием других областей экономики и общества, что требует более системного, целостного и основанного на стратегическом видении плана образования с научным взглядом на историю и развитие.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З. Конкурентоспособность стран на мировом рынке образования // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2012. – № 3-4. – С. 128–132.
2. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. Кадры как фактор развития цифровой экономики в странах ССАГПЗ // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2018. – № 91-92. – С. 20–26.
3. Асмятуллин Р. Р. Особенности цифровизации образования в Узбекистане // Россия и Азия. – 2022. – № 3 (21). – С. 41–53.
4. Глинская М. В. Геоэкономика и геополитика современного мира и необходимость обеспечения экономической безопасности // Проблемы развития социально-экономических систем : материалы VIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Донецк, Донецкий национальный университет, 2024. – С. 359–361.

5. Костенко А. Н., Поплавский С. П., Борисова Е. В. Современные геополитические процессы и тенденции мирового развития // Вестник ученых-международников. – 2024. – № 1 (27). – С. 34–46.
6. Рязанцев С. В., Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. В. Роль бахрейнизации в развитии национальных человеческих ресурсов // Россия и Азия. – 2020. – № 2 (11). – С. 43–55.
7. Суворов В. Л., Поплавский С. П. Подготовка специалистов в области национальной безопасности и обороны государства – требование времени // Военная мысль. – 2012. – № 11. – С. 64–69.
8. Шкваря Л. В. Иностранный капитал в странах Персидского залива // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 2 (643). – С. 39–46.
9. Шкваря Л. В. Умные города: необходимость и стратегии развития // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 2 (115). – С. 525–527. – DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.102
10. Шкваря Л. В. Социально-экономическое развитие Королевства Саудовская Аравия и позиции в региональной экономике и торговле // Россия и Азия. – 2022. – № 2 (20). – С. 37–49.
11. Asmyatullin R. R., Tyrkba K. V., Ruzina E. I. Smart cities in GCC: Comparative Study of Economic Dimension // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2020. – Vol. 459. – P. 062045. – DOI: 10.1088/1755-1315/459/6/062045
12. Shkvarya L. V., Aidrous I. A. Z., Ruzina E. I., Savinsky A. V., Rodin S. I. Development of High-Tech Segment in the GCC Region on the Example of the Aviation Component of the Kingdom of Bahrain // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2019. Vol. 476. – P. 012025. DOI: 10.1088/1757-899X/476/1/012025

References

1. Aydrus I. A. Z. Konkurentosposobnost stran na mirovom rynke obrazovaniya [Competitiveness of Countries in the Global Education Market]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1: Economics and Law], 2012, No. 3-4, pp. 128–132. (In Russ.).
2. Aydrus I. A. Z., Asmyatullin R. R. Kadry kak faktor razvitiya tsifrovoy ekonomiki v stranakh SSAGPZ [Personnel as a Factor in the Development of the Digital Economy in the GCC Countries]. *Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2018, No. 91-92, pp. 20–26. (In Russ.).

3. Asmyatullin R. R. Osobennosti tsifrovizatsii obrazovaniya v Uzbekistane [Features of Digitalization of Education in Uzbekistan]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2022, No. 3 (21), pp. 41–53. (In Russ.).

4. Glinskaya M. V. Geoekonomika i geopolitika sovremennogo mira i neobkhodimost obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti [Goeconomics and Geopolitics of the Modern World and the Need to Ensure Economic Security]. *Problemy razvitiya sotsialno-ekonomicheskikh system, materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov* [Problems of Development of Socio-Economic Systems, Materials at the VIII International Scientific Conference of Young Scientists and Researchers]. Donetsk, Donetskii natsionalnyi universitet, 2024, pp. 359–361. (In Russ.).

5. Kostenko A. N., Poplavskiy S. P., Borisova E. V. Sovremennye geopoliticheskie protsessy i tendentsii mirovogo razvitiya [Modern Geopolitical Processes and Global Development Trends]. *Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov* [Bulletin of International Scientists], 2024, No. 1 (27), pp. 34–46. (In Russ.).

6. Ryazantsev S. V., Aydrus I. A. Z., Asmyatullin R. V. Rol bakhreynizatsii v razvitii natsionalnykh chelovecheskikh resursov [The Role of Bahrainization in the Development of National Human Resources]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2020, No. 2 (11), pp. 43–55. (In Russ.).

7. Suvorov V. L., Poplavskiy S. P. Podgotovka spetsialistov v oblasti natsionalnoy bezopasnosti i oborony gosudarstva – trebovanie vremeni [Training Specialists in the Field of National Security and State Defense is a Requirement of the Time]. *Voennaya mysl* [Military thought], 2012, No. 11, pp. 64–69. (In Russ.).

8. Shkvarya L. V. Inostranniy kapital v stranakh Persidskogo zaliva [Foreign Capital in the Persian Gulf Countries] *Aziya i Afrika segodnya*. [Asia and Africa Today], 2011, No. 2 (643), pp. 39–46. (In Russ.).

9. Shkvarya L. V. Umnye goroda: neobkhodimost' i strategii razvitiya [Smart Cities: Necessity and Development Strategies]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, No. 2 (115), pp. 525–527. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.102

10. Shkvarya L. V. Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Korolevstva Saudovskaya Araviya i pozitsii v regional'noy ekonomike i torgovle [Socio-Economic Development of the Kingdom of Saudi Arabia and Its Position in the Regional Economy and Trade]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2022, No. 2 (20), pp. 37–49. (In Russ.).

11. Asmyatullin R. R., Tyrkba K. V., Ruzina E. I. Smart cities in GCC: Comparative Study of Economic Dimension // *IOP Conference Series: Earth and*

Environmental Science. – 2020. – Vol. 459. – P. 062045. – DOI: 10.1088/1755-1315/459/6/062045

12. Shkvarya L. V., Aidrous I. A. Z., Ruzina E. I., Savinsky A. V., Rodin S. I. Development of High-Tech Segment in the GCC Region on the Example of the Aviation Component of the Kingdom of Bahrain // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. – 2019. Vol. 476. – P. 012025. DOI: 10.1088/1757-899X/476/1/012025

Поступила: 28.01.2025

Принята к печати: 7.02.2025

Сведения об авторах

Наталья Викторовна Каржанова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 3
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Karzhanova.NV@rea.ru

Ирина Владимировна Аввакумова

старший преподаватель кафедры
иностранных языков № 1
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Avvakumova.IV@rea.ru

Information about the authors

Natalya V. Karzhanova

PhD, Associate Professor
of the Department of Foreign
Languages N 3 of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: Karzhanova.NV@rea.ru

Irina V. Avvakumova

Senior Lecturer at the Department
of Foreign Languages N 1
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: Avvakumova.IV@rea.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-165-176>

ЦИФРОВОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ЭКОНОМИКУ И ТОРГОВЛЮ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. Р. Бяшарова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Глобальная тенденция к цифровизации находит свое выражение в распространении технологий Индустрии 4.0 во все большем количестве стран, в том числе в государствах Аравийского полуострова. Это повышает актуальность исследования их цифровой трансформации, оказывающей воздействие на внутренние социально-экономические процессы и международное сотрудничество, прежде всего в сфере внешней торговли на региональном и внерегиональном уровнях, а также на эволюцию региональной экономической интеграции. Цель статьи – установить факторы, направления цифровизации в объединении Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и выявить специфику их воздействия на интеграцию и внешнюю торговлю. Автор приходит к выводу о том, что процессы цифровизации заметно активизировались в странах ССАГПЗ и всесторонне усиливают внешнеторговый потенциал интеграционной группировки. Однако в цифровой, как и внешнеторговой сфере, сохраняется ряд проблем, что требует более пристального внимания правительства и усилий частного бизнеса, а также активизации международного цифрового сотрудничества. В связи с этим странам ССАГПЗ важно активизировать цифровизацию, в частности, в финансовой сфере, при обеспечении безопасности транзакций.

Ключевые слова: ССАГПЗ, цифровизация, международная торговля, региональная экономическая интеграция, ИКТ, международное сотрудничество.

DIGITAL DEVELOPMENT OF THE PERSIAN GULF COUNTRIES AND ITS IMPACT ON THE INTERNATIONAL ECONOMY AND TRADE: AN EMPIRICAL ANALYSIS

Adilya R. Byasharova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The global trend towards digitalization is reflected in the spread of Industry 4.0 technologies in an increasing number of countries, including the states of the Arabian Peninsula, which increases the relevance of studying their digital transformation, which affects internal socio-economic processes and international cooperation, primarily in the field of foreign trade at the

regional and non-regional levels, and also on the evolution of regional economic integration. The purpose of the article is to identify the factors and directions of digitalization in the association of the Cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf and to identify the specifics of their impact on integration and foreign trade. The author concludes that the processes of digitalization have already noticeably intensified in the GCC countries and comprehensively strengthen the foreign trade potential of the integration group. However, a number of problems remain in the digital sphere, as well as in the foreign trade sphere, which requires both closer attention from the government and the efforts of private business, as well as increased international digital cooperation. However, a number of problems remain in the digital sphere, as well as in the foreign trade sphere, which requires both closer attention from the government and the efforts of private business, as well as increased international digital cooperation. Therefore, it is important for the GCC countries to step up digitalization, in particular in the financial sector, while ensuring the security of transactions.

Keywords: GCC, digitalization, international trade, regional economic integration, ICT, international cooperation.

Введение

Страны Персидского залива – Бахрейн, Оман, Катар, Кувейт, ОАЭ и Саудовская Аравия, расположенные в Персидском заливе на Ближнем Востоке, обладают значительным экономическим потенциалом – самым мощным среди государств арабского мира, внушительным показателем подушевого дохода, особенно Катар (его ВВП на душу населения – один из самых высоких в мире).

Ближний Восток – богатый нефтью и газом регион. Его запасы нефти составляют 67% от общих мировых запасов. Только в регионе Персидского залива доказанные запасы нефти достигают 91 млрд т, что составляет 64,5% мировых запасов, из которых на Саудовскую Аравию приходится 25%, на Ирак – 10,9%, на ОАЭ – 9,5%, а на Кувейт – 9,1% [2]. Помимо нефти, в регионе Персидского залива имеются запасы природного газа, которые составляют 43% мировых запасов. В Катаре, ОАЭ и Саудовской Аравии суммарно насчитывается 23 трлн м³ – 14,8% от общих мировых запасов. При этом постоянно открываются новые месторождения полезных ископаемых. Ожидается, что в 2025 г. доля Саудовской Аравии на международном рынке сырой нефти достигнет самого высокого уровня с 1980 г., что обеспечит стране лидирующее положение на мировом рынке нефти [5].

Одним из ключевых направлений внешней торговли стран Персидского залива является нефтегазовая составляющая. В последние годы Китай проводит все более активную политику в отношении Ближнего Востока, в том числе и в сфере информационных и компьютерных технологий (ИКТ). Причем уровень цифровизации в регионе ССАГПЗ оценивается экспертами как более высокий по сравнению с другими регионами с развивающимися рынками, а его эффект – более значимым [10; 12].

В то же время государства ССАГПЗ активизировали свои цифровые усилия в соответствии с общемировыми трендами, особенно после

COVID-19 [14; 15]. Это направление уже обеспечивает социальный и экономический рост в регионе [13], а строительство инфраструктуры ИКТ, которая занимает важное место в ВВП региона, также ускоряется. Правительства стран ССАГПЗ по опыту многих других государств мира приняли национальные планы, направленные на содействие развитию рынка широкополосной связи, создание передовых условий за счет высококачественной связи и поддержку будущих инноваций и социально-экономического развития [17].

Результаты исследования

Важное значение в процессе цифровизации в странах ССАГПЗ сохраняет международное сотрудничество. Например, как и многие операторы по всему миру, Ooredoo преобразует архитектуру своей закрытой телекоммуникационной сети в интегрированную инфраструктуру ИКТ следующего поколения для предоставления новых услуг своим потребителям и корпоративным пользователям в любом месте, в короткие сроки и по низкой цене. Ожидается, что преобразованная сеть будет не только предоставлять базовые телекоммуникационные услуги, но и сможет управлять большим количеством других. Многие инновационные сервисы, такие как VoLTE высокой четкости, Интернет вещей и другие инновационные решения, могут предоставить пользователям лучший опыт работы с цифровыми технологиями. Сотрудничество между Ooredoo и Huawei в Катаре и Кувейте включает 4 ключевых этапа: совместное проектирование архитектуры, лабораторную предварительную проверку, интегрированное развертывание и бизнес-контроль для обеспечения успеха пилотного проекта. В Катаре Huawei отвечает за интеграцию и развертывание нескольких поставщиков на разных уровнях, включая координацию и открытие функций виртуальной сети (VNF) и инфраструктуры виртуализации сетевых функций (NFVI) для завершения общей комплексной поставки; в Кувейте Ooredoo побуждает всех поставщиков к совместной работе для достижения интеграции всей системы. Huawei не только предоставляет VNF и развертывается совместно с VMware, но и обеспечивает горизонтальную интеграцию бизнеса.

Помимо поставки некоторых ключевых компонентов всей сетевой системы, Huawei также является интегратором комплексных решений, активно сотрудничая и координируя действия с другими производителями для создания единой и полностью функциональной инфраструктуры NFV для достижения облачной инфраструктуры NFV, чтобы ИТ-приложения и сервисы NFV могли работать на одной платформе в одно и то же время.

Чтобы обеспечить бесперебойное и эффективное сотрудничество, Ooredoo использовала открытую лабораторию Huawei NFV в Сиане для тестирования и верификации программ. Благодаря открытому окну со-

трудничества лаборатория может преодолеть ряд проблем, таких как сложная координация и высокая степень кастомизации во время интеграции и тестирования на месте, а также добиться быстрой и гибкой интеграции. Например, это комплексная поставка и интеграция с инфраструктурой NFV сторонних производителей, включая ее установку и тестирование, настройку программного обеспечения VMware и новых функций и т. д. Общее комплексное решение NFV также временно использует новую версию VMware, основанную на функциях, отвечающих основным требованиям телекоммуникационных служб.

Кроме того, Ooredoo в полной мере использует лабораторию для разработки решений для реализации требований к интеграции ИКТ и телекоммуникаций в Катар. В ходе работы нескольких поставщиков Ooredoo и Huawei совместно проверили осуществимость архитектуры облачных телекоммуникационных услуг: проверена не только доступность некоторых функций, таких как аварийное восстановление, но и интеграция и осуществимость некоторых новых функций сторонних поставщиков, таких как распределенные логические маршрутизаторы (DLR) и шлюз пограничных служб (ESG).

Исходя из этого, Ooredoo быстро реализовала возможность управления несколькими арендаторами на основе одной и той же инфраструктуры UNIFY; имеет среду NFV, которая может обеспечить безопасность различных виртуализированных функций; создает единую платформу управления ИТ-облаком для управления несколькими центрами обработки данных, расположенными в разных регионах; разворачивает комплексные решения NFV для удовлетворения потребностей существующих ИТ и телекоммуникационных приложений.

Ключом к разворачиванию решений NFV является постоянная доступность и надежная высокая производительность. Предоставляя управляемый NFVI в Ooredoo, Huawei добилась высокой надежности конструкции виртуального уровня, надежности физических ресурсов и приложений и эффективно обеспечила высокую доступность 99,999% телекоммуникационных услуг Ooredoo; она также предоставила тестируемые и измеримые показатели производительности и приложения для стресс-тестирования для удовлетворения потребностей Ooredoo Business – требования операторского уровня. Кроме того, Huawei также предоставляет Ooredoo различные VNF, чтобы оказывать более качественные услуги конечным пользователям, особенно VIM, что делает Ooredoo первым оператором на Ближнем Востоке, предоставляющим пользователям услуги VoLTE на основе виртуальной инфраструктуры.

Поскольку страны ССАГПЗ остаются крупнейшими в мире производителями и экспортерами минеральных топливных ресурсов, то цифровизация стала важным фактором развития энергетической отрасли и внешней торговли для стран региона. В этой связи большое внимание в

регионе уделяется нефтяным портам. С развитием и применением цифровых технологий нефтяные порты стран ССАГПЗ постепенно реализуют цифровую трансформацию для повышения операционной эффективности, оптимизации управления и обеспечения энергетической безопасности.

Так, в процессе цифровой трансформации нефтяных портов Кувейта серверы стали одной из незаменимых инфраструктур [6]. Как центральное вычислительное устройство сервер отвечает за важные задачи хранения, вычисления и передачи данных. Серверы в нефтяных портах Кувейта используют высокопроизводительное аппаратное обеспечение и надежные программные системы для удовлетворения высоких требований, связанных с крупномасштабными наборами данных, сложными вычислениями и обменом мгновенными сообщениями. Цифровая трансформация нефтяных портов Кувейта неотделима от передовой сетевой архитектуры. Сервер подключен к порту через высокоскоростную сеть для обмена данными и связи с различным терминальным оборудованием, датчиками, системами мониторинга и т. д. Сетевая архитектура Kuwait Server использует многоуровневую топологию для повышения производительности сети, расширяемости и надежности. Нефтяные порты Кувейта обрабатывают большой объем данных в режиме реального времени и за прошлые периоды, поэтому управление данными является ключевой частью цифровой трансформации экономики и внешней торговли. Kuwait Server использует передовые технологии хранения данных и управления ими, включая распределенные базы данных, облачное хранилище и резервное копирование данных. Благодаря управлению данными Kuwait Oil Ports может точно и эффективно отслеживать и анализировать ключевые данные для достижения операционной оптимизации и поддержки принятия решений, в том числе в сфере внешней торговли [7].

Цифровая трансформация нефтяных портов Кувейта должна учитывать информационную безопасность и сетевую защищенность. Как основное оборудование сервер должен обладать высокими показателями безопасности и возможностями защиты. Kuwait Server использует многоуровневую стратегию безопасности, включая контроль доступа, зашифрованную передачу, обнаружение вторжений и устранение уязвимостей, для обеспечения безопасности работы порта и конфиденциальности данных.

С развитием науки и технологий дистанционное управление стало важной тенденцией в цифровой трансформации нефтяных портов Кувейта. Сервер можно отслеживать, настраивать и устранять неполадки с помощью средств удаленного управления без прямого физического контакта. Возможности удаленного кувейтского сервера помогают порту обеспечить эффективную эксплуатацию и техническое обслуживание,

быстрое реагирование и снижение затрат, а также оптимизировать внешнеторговые процессы и экспортно-импортные операции.

Таким образом, кувейтские порты играют ключевую роль в оцифрованных нефтяных портах Персидского залива. Его инфраструктура, сетевая архитектура, управление данными, безопасность и удаленное управление имеют важное значение для операционной эффективности, безопасности и надежности всего порта.

ССАГПЗ активно строит новую цифровую инфраструктуру и продолжает расширять свою глобальную интеллектуальную связь, в том числе в сотрудничестве с Китаем. Китайская компания China Mobile International (CMI) построила новую ветку подводных оптоволоконных кабелей 2Africa и соединила 3 континента – Азию, Африку и Европу. Важными новыми пунктами приземления проекта являются Оман (Барка), Объединенные Арабские Эмираты (Абу-Даби и Карба), Катар (Доха), Бахрейн (Манама), Кувейт (Эль-Кувейт Сити), Ирак (Фао), Пакистан (Карачи) и Индия (Мумбаи), а также пункт приземления в Саудовской Аравии (Алкобар) для дальнейшего расширения зоны стыковки и расширения возможностей информационного и внешнеторгового сотрудничества на основе развития магистральных информационных сетей с подключением ССАГПЗ к центрам обработки данных по всему миру [16].

В настоящее время страны ССАГПЗ для активизации внешней торговли и повышения эффективности международных расчетов исследуют блокчейн на национальном уровне. Так, правительство Бахрейна подчеркнуло важность блокчейна для экономики страны. Несмотря на то что Королевство Бахрейн положительно относится к криптовалютам, виртуальным валютам по-прежнему трудно закрепиться на Ближнем Востоке, потому что большинство стран ССАГПЗ в настоящее время запрещают торговлю криптовалютами. При этом Ближний Восток становится глобальным центром блокчейн-технологий. В регионе такие технологии тщательно изучаются и уже применяются. Например, в Дубае открыта биржа цифровых валют Palmex. В целом ОАЭ выступают одним из цифровых лидеров ССАГПЗ [11].

Так, Бахрейн стал одним из лидеров в сфере блокчейн, позволяющей сделать еще один шаг в продвижении безопасных транзакций. В сентябре 2017 г. Центральный банк Бахрейна (BCB) активизировал содействие развитию индустрии финансовых технологий в стране, включая биткойн и блокчейн-бизнес. Способность блокчейна защищать пользовательские данные является проявлением прогресса, особенно в том, что он может применяться к разным компаниям в разных отраслях, включая сетевую безопасность, внешнеторговые транзакции и т. д. [3]

При этом в других странах региона сохраняются проблемы в данной сфере. Так, в феврале 2018 г. Центральный банк Катара (QCB) опубликовал заявление для всех банков, работающих в стране, в котором пре-

дупредил о запрете проводить биткойн-транзакции в стране [4]. Регулятор добавил, что к тем, кто не соблюдает правила, будут применены штрафные санкции. В частности, QCB считает, что биткойн является незаконной валютой, потому что ни один центральный банк или правительство в мире не гарантируют обменять его стоимость на выпущенную валюту для оплаты товаров или золота, торгуемых по всему миру. В нем также упоминалась волатильность биткойна и его возможная причастность к финансовым преступлениям и кибератакам [1].

Подобно Катару, Саудовская Аравия изучает технологию блокчейн, хотя криптовалюта запрещена. Ее долгосрочный план экономического развития Saudi Vision 2030 также включает технологию блокчейн.

Все виртуальные валюты, включая биткойн, запрещены в Кувейте. В декабре 2017 г. Министерство финансов Кувейта объявило, что оно не признает криптовалюту и запрещает финансовым учреждениям, банкам и компаниям обрабатывать криптовалюту. Кувейтская финансовая корпорация (KFH) присоединилась к RippleNet, крупной сети на базе блокчейна, предназначенной для трансграничных денежных переводов. В сопроводительном заявлении KFH говорится о намерении использовать уникальные инструменты Ripple для обслуживания своих розничных пользователей. Благодаря этому KFH может обеспечить мгновенные и безопасные трансграничные денежные переводы за считанные секунды и сквозную прозрачность процесса оплаты, в том числе в сфере внешней торговли.

Правительство Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) по-другому относится к регулированию криптовалют: в начале октября 2017 г. страна выпустила первые руководящие принципы по регулированию ICO и виртуальных валют, которые признаны ценными бумагами и товарами. Однако несколько недель спустя глава Центрального банка Мубарак Рашид Аль Мансури выступил с предупреждением против использования виртуальных валют в качестве средства совершения транзакций, сославшись на такие причины, как отмывание денег и финансирование терроризма. Кроме того, в феврале этого года Управление по ценным бумагам и сырьевым товарам ОАЭ (SCA) также выпустило предупреждение инвесторам о рисках ICO.

Тем не менее ОАЭ придают большое значение экспериментам с блокчейном. Еще в октябре 2016 г. Дубай запустил общегородскую блокчейн-стратегию с целью стать первым блокчейн-городом к 2020 г. В апреле 2018 г. премьер-министр Объединенных Арабских Эмиратов и лидеры Дубая обнародовали свою национальную блокчейн-стратегию на 2021 г. У них также есть амбиции стать первым в мире блокчейн-правительством. Согласно сообщением, план был ориентирован на счастье граждан и резидентов, эффективность государственного управления, законодательстве и глобальном предпринимательстве. Целью стратегии явля-

лось достижение 50% федеральных транзакций на блокчейне. Это означает, что после использования этой технологии подача заявлений на визу, оплата счетов и продление лицензий могут быть безбумажными, что, возможно, сэкономит 11 млрд долларов в год. В мае 2018 г. правительство ОАЭ объявило о партнерстве с IBM по созданию системы регистрации бизнеса на блокчейне, чтобы гарантировать, что компании будут работать в пределах его юрисдикции. План упростит процесс создания и ведения бизнеса, запустит цифровой обмен торговыми лицензиями и сопутствующими документами для всех видов предпринимательской деятельности и обеспечит соответствие всей бизнес-системы Дубая [1].

С ускорением глобальной цифровой трансформации Ближний Восток постепенно становится центром глобальных технологий и цифровой экономики [9]. В частности, это касается Бахрейна благодаря его географическому положению, стабильной политической обстановке и развитой цифровой инфраструктуре. Выбор Бахрейна в качестве места развертывания облачных сервисов может обеспечить предприятиям не только эффективную и стабильную сетевую среду, но и предоставить больше возможностей для расширения бизнеса. Во многом имеющийся прогресс связан именно с внешней торговлей и в целом с международным сотрудничеством [8].

Заключение

Исследование показало, что в странах ССАГПЗ цифровизация активизировалась и содействует развитию внешней торговли как на страновом, так и на интеграционном уровнях. Цифровизация содействует расширению открытости внешнему миру на высоком уровне и способствует созданию новых преимуществ в международном сотрудничестве и конкуренции. Она включает, в частности, цифровизацию морских портов, финансовой сферы, торговли. Индустрия финансовых технологий предъявляет чрезвычайно высокие требования к безопасности данных и скорости транзакций, поэтому биткойн может не только обеспечить безопасную операционную среду, но и поддерживать обработку транзакций в режиме реального времени с помощью высокоскоростных сетевых подключений для удовлетворения потребностей компаний, занимающихся финансовыми технологиями.

Таким образом, рост Ближнего Востока, и, в частности, ССАГПЗ как цифрового центра предоставил глобальным компаниям новый эффективный и стабильный выбор в пользу облачных технологий. Благодаря высокоскоростной сети, превосходному географическому расположению и безопасной и надежной среде передачи данных, страны ССАГПЗ стали важным сегментом цифровой трансформации и торговли. Цифровизация в регионе развивается в соответствии с потребностями бизнеса, чтобы обеспечить наиболее эффективные возможности для международной

торговли. Однако в цифровой, как и внешнеторговой сфере, сохраняется ряд проблем, что требует более пристального внимания правительства и усилий частного бизнеса, а также активизации международного цифрового сотрудничества. Поэтому странам ССАГПЗ важно активизировать цифровизацию, в частности, в финансовой сфере при обеспечении безопасности транзакций.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Главина С. Г. Отношение стран ССАГПЗ к развитию рынка криптовалют // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2018. – № 6. – С. 83–91. DOI: 10.26653/2076-4650-2018-6-07
2. Аль Х. Обзор экономик стран Ближнего Востока и Северной Африки (цифровая финансово-экономическая трансформация) // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 12-2. – С. 185–193. – DOI: 10.17513/vaael.3903
3. Барини Хусам. Цифровые процессы в странах ССАГПЗ в первой трети XXI века: отраслевые особенности и необходимость выравнивания отраслевых разрывов // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 172–183. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-172-183
4. Бяшарова А. Р. Цифровизация финансов в странах ССАГПЗ: текущие тенденции и вызовы // Россия и Азия. – 2023. – № 2 (24). – С. 53–62.
5. Исаев В. А., Филоник А. О., Морозов В. М. Проблемы адаптации нефтегазового комплекса Аравийских монархий к современности // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 6 (108). – С. 178–189.
6. Меланьина М. В. Цифровое общество в арабских странах: прогресс в целях устойчивого развития // Глобальная нестабильность и цифровые технологии : реалии XXI века : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Москва, 27 ноября 2020 г. – М. : РУДН, 2020. – С. 422–425.
7. Новые тренды цифровизации: Россия и мир. – Серия. Научная мысль. – М. : Инфра-М, 2023.
8. Шкваря Л. В. Перспективы экономического сотрудничества Российской Федерации с арабскими странами // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. – 2005. – Т. 4. – № 24. – С. 24–32.
9. Шкваря Л. В., Родин С. И. Цифровая экономика в ССАГПЗ: современное состояние и проблемы // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 2 (115). – С. 188–191. – DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.033
10. Шкваря Л. В. Развивающиеся страны в международной торговле: особенности в XXI веке // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2023. – № 4. – С. 98–110. – DOI: 10.26653/2076-4650-2023-04-09
11. Alzarooni A., Lataifeh M. Exploring the Relationship between IT Competence and Digital Transformation Within Government Projects in the

UAE // 2022 International Conference on Communications, Computing, Cybersecurity, and Informatics (CCCI), 2022. – October. – DOI: 10.1109/CCCI55352.2022.9926598

12. Bahrini R., Qaffas A. A. Impact of Information and Communication Technology on Economic Growth: Evidence from Developing Countries // *Economies*. – 2019. – Vol. 7. – Issue 1. – P. 21. – DOI: 10.3390/economies7010021

13. Habibi F., Zabardast A. Digitalization, Education and Economic Growth: A Comparative Analysis of Middle East and OECD Countries // *Technology in Society*. – 2020. – Vol. 63. – Issue 9. – P. 101370. – DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101370

14. Hai T. N., Van Q. N., Thi Tuyet M. N. Digital Transformation: Opportunities and Challenges for Leaders in the Emerging Countries in Response to COVID-19 Pandemic // *Emerging Science Journal*. – 2021. – N 5. – P. 21–36.

15. Jiang X. Digital Economy in the Post-Pandemic Era // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. – 2020. – Vol. 18. – Issue 4. – P. 333–339. – DOI: 10.1080/14765284.2020.1855066

16. Looney R. E., Frederiksen P. C. The Evolution and Evaluation of Saudi Arabian. Economic Planning // *Journal of South Asian and Middle Eastern studies*. – 1998. – Vol. 9. – Issue 2. – P. 3–19.

17. Lopez Gonzalez J., Jouanjean M.-A. Digital Trade: Developing a Framework for Analysis // *OECD Trade Policy Papers*. – 2017. –N 205.

References

1. Aydrus I. A. Z., Glavina S. G. Otnoshenie stran SSAGPZ k razvitiyu rynka kriptovalyut [The Attitude of the GCC Countries to the Development of the Cryptocurrency Market]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], 2018, No. 6, pp. 83–91. (In Russ.). DOI: 10.26653/2076-4650-2018-6-07

2. Al Kh. Obzor ekonomik stran Blizhnego Vostoka i Severnoy Afriki (Tsifrovaya Finansovo-Ekonomicheskaya Transformatsiya) [Overview of the Economies of the Middle East and North Africa (Digital Financial and Economic Transformation)]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2024, No. 12-2, pp. 185–193. (In Russ.). DOI: 10.17513/vaael.3903

3. Barini Khusam. Tsifrovye protsessy v stranakh SSAGPZ v pervoy treti XXI veka: otraslevye osobennosti i neobkhodimost vyravnivaniya otraslevykh razryvov [Digital Processes in the GCC Countries in the First Third of the 21st Century: Industry Specifics and the Need to Equalize Industry Gaps]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International

Trade and Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 3, pp. 172–183. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-172-183

4. Byasharova A. R. Tsifrovizatsiya finansov v stranakh SSAGPZ: tekushhie tendentsii i vyzovy [Digitalization of Finance in the GCC Countries: Current Trends and Challenges]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 2 (24), pp. 53–62. (In Russ.).

5. Isaev V. A., Filonik A. O., Morozov V. M. Problemy adaptatsii neftegazovogo kompleksa Araviyskikh monarkhiy k sovremennosti [Problems of Adaptation of the Oil and Gas Complex of the Arabian Monarchies to Modernity]. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura* [Ethnosocium and Interethnic Culture]. 2017, No. 6 (108), pp. 178–189. (In Russ.).

6. Melanina M. V. Tsifrovoe obshchestvo v arabskikh stranakh: progress v tselyakh ustoychivogo razvitiya [Digital Society in Arab Countries: Progress Towards Sustainable Development], *Globalnaya nestabilnost i tsifrovye tekhnologii, realii XXI veka, sbornik materialov mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moskva, 27 noyabrya 2020 g. [Global Instability and Digital Technologies, Realities of the 21st Century, Proceedings of the Interuniversity Scientific and Practical Conference. Moscow, November 27, 2020]. Moscow, RUDN, 2020, pp. 422–425. (In Russ.).

7. Novye trendy tsifrovizatsii: Rossiya i mir. Seriya. Nauchnaya mysl [New Trends in Digitalization: Russia and the World. Series. Scientific thought]. Moscow, Infra-M, 2023. (In Russ.).

8. Shkvarya L. V. Perspektivy ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossiyskoy Federatsii s arabskimi stranami [Prospects for Economic Cooperation between the Russian Federation and Arab Countries]. *Ekonomika. Predprinimatelstvo. Okruzhayushchaya sreda*. [Economy. Entrepreneurship. Environment], 2005, Vol. 4, No. 24, pp. 24–32. (In Russ.).

9. Shkvarya L. V., Rodin S. I. Tsifrovaya ekonomika v SSAGPZ: sovremennoe sostoyanie i problemy [Digital Economy in the GCC: Current State and Problems], *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, No. 2 (115), pp. 188–191. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.033

10. Shkvarya L. V. Razvivayushhiesya strany v mezhdunarodnoy trgovle: osobennosti v XXI veke [Development of the Country in the International Community: Society in the 21st Century]. Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. *Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], 2023, No. 4, pp. 98–110. (In Russ.). DOI: 10.26653/2076-4650-2023-04-09

11. Alzarooni A., Lataifeh M. Exploring the Relationship between IT Competence and Digital Transformation Within Government Projects in the UAE. 2022 *International Conference on Communications, Computing, Cybersecurity, and Informatics (CCCI)*, 2022, October, DOI: 10.1109/CCCI55352.2022.9926598

12. Bahrini R., Qaffas A. A. Impact of Information and Communication Technology on Economic Growth: Evidence from Developing Countries. *Economies*, 2019, Vol. 7, Issue 1, p. 21. DOI: 10.3390/economies7010021
13. Habibi F., Zabardast A. Digitalization, Education and Economic Growth: A Comparative Analysis of Middle East and OECD Countries. *Technology in Society*, 2020, Vol. 63. Issue 9, p. 101370. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101370
14. Hai T. N., Van Q. N., Thi Tuyet M. N. Digital Transformation: Opportunities and Challenges for Leaders in the Emerging Countries in Response to COVID-19 Pandemic. *Emerging Science Journal*, 2021, No. 5, pp. 21–36.
15. Jiang X. Digital Economy in the Post-Pandemic Era. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 2020, Vol. 18, Issue 4, pp. 333–339. DOI: 10.1080/14765284.2020.1855066
16. Looney R. E., Frederiksen P. C. The Evolution and Evaluation of Saudi Arabian. Economic Planning. *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*, 1998, Vol. 9, Issue 2, pp. 3–19.
17. Lopez Gonzalez J., Jouanjean M.-A. Digital Trade: Developing a Framework for Analysis. *OECD Trade Policy Papers*, 2017, No. 205.

Поступила: 25.01.2025

Принята к печати: 13.02.2025

Сведения об авторе

Адиля Рашидовна Бяшарова
кандидат экономических наук, доцент
кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Byasharova.AR@rea.ru

Information about the author

Adilya R. Byasharova
PhD, Associate Professor
of the Department of World Economy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: Byasharova.AR@rea.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-177-196>

ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ АФРИКАНСКИХ СТРАН

Д. В. Приходько, В. Г. Шеров-Игнатьев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Актуальность темы обусловлена бурным развитием информационно-коммуникационных технологий и их влиянием на социально-экономическое развитие. Для развивающихся стран, включая африканские, информатизация и цифровизация стали важным направлением догоняющего развития. При этом процесс сталкивается с множеством проблем, включая отсутствие доступа к электричеству во многих сельских районах, низкие доходы и недостаточную грамотность части населения. Африканские рынки ИКТ-товаров и услуг имеют свою специфику и растут неравномерно. Цель статьи – исследовать влияние информационно-коммуникационных технологий на внешнюю торговлю африканских стран как с точки зрения рынка ИКТ-товаров, так и с точки зрения роли ИКТ-решений в повышении эффективности организации и регулирования торговых операций. Анализируются структура и динамика рынков ИКТ-товаров, охарактеризованы межгосударственные и частные проекты в сфере цифровизации логистических и таможенных процедур, в том числе в контексте создания Африканской континентальной зоны свободной торговли, дана оценка влияния цифровизации на развитие электронной коммерции, а также на неформальный сектор африканской торговли.

Ключевые слова: ИКТ-товары, упрощение торговли, электронная коммерция, неформальная торговля, Африка.

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES: IMPACT ON THE FOREIGN TRADE OF AFRICAN COUNTRIES

Dmitrii V. Prikhodko, Vladimir G. Sherov-Ignatev

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

The relevance of the topic is due to the rapid development of information and communication technologies and their impact on socio-economic development. For developing countries, including African ones, informatization and digitalization have become an important area of catch-up development. Africa is making impressive progress in this direction, although this process faces many challenges, including lack of access to electricity in some rural areas, low incomes and insufficient literacy of a part of the population. African markets for ICT goods and services have their own specifics and are developing unevenly. The purpose of the article is to study the impact of information and communication technologies on the foreign trade of African countries, both from the point of view of the ICT goods market and from the point of view of the

role of ICT solutions in improving the efficiency of the organization and regulation of trade operations. The structure and dynamics of ICT goods markets are analyzed, and interstate and private projects in the field of digitalization of logistics and customs procedures are also characterized, including in the context of the creation of an African continental Free Trade Zone. The impact of digitalization on the development of e-commerce, as well as on the informal sector of African trade, is assessed.

Keywords: ICT goods, trade facilitation, e-commerce, informal trade, Africa.

Введение

Африка – проблемный, но динамичный континент. «Страна контрастов» – журналистский штамп, вполне оправданный для африканских государств, где нехватка доступа к чистой воде и электроэнергии в сельской местности и мусор на улицах городов могут сочетаться с массовым распространением электронной коммерции и мобильных платежей. Информационная революция не обошла Африку стороной: здесь активно распространяются цифровые технологии, а рынок услуг мобильной связи растет рекордными темпами. По данным Международного союза электросвязи, на 2023 г. доступ к Интернету имели 37% жителей Африки¹; количество подписок мобильной связи на континенте давно превысило число жителей. Развитие сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во многом зависит от импорта ИКТ-товаров.

Информатизация и цифровизация африканского континента – актуальная тема публикаций российских, зарубежных исследователей и экспертов международных организаций. Авторы пишут о перспективности цифровизации стран региона с точки зрения ускорения их социально-экономического развития [3; 6; 8; 14]. Практически все они констатируют высокие темпы цифрового развития Африки, огромное значение информатизации и цифровизации для ускорения социально-экономического развития и решения хронических проблем стран континента [13; 23]. Многие авторы делают упор на проблемы и трудности, препятствующие повсеместному распространению и применению информационных технологий в Африке, а также некоторым негативным побочным эффектам распространения современных технологий для стран Африки [13; 14; 16].

Африка многообразна; региональная и страновая специфика информатизации и цифровизации – частый предмет исследований [1; 7]. При этом тяга к объединению, интеграции в рамках региональных инициатив очень характерна для Африки; в 2018 г. развитие этой тенденции привело к подписанию соглашения о создании Африканской континен-

¹ Africa's Internet Use Doubles in Decade Despite High Costs (report). – URL: <https://www.ecofinagency.com/telecom/2702-45230-africas-internet-use-doubles-in-decade-despite-high-costs-report>

тальной зоны свободной торговли. На эту инициативу возлагают надежды, поскольку прогресс взаимных экономических связей государств континента и цифровизация призваны сыграть важную роль в упрощении межафриканского хозяйственного взаимодействия¹ [2; 9; 11; 19; 20].

Растет число публикаций, посвященных влиянию информатизации и цифровизации на развитие внешней торговли африканских государств [10; 18], а также масштабам, специфике и динамике африканских рынков ИКТ-товаров и услуг [11; 24].

Цель данной статьи – выявить, как влияет информационная революция (и цифровизация как ее компонент и этап) на внешнюю торговлю африканских стран. Имеются в виду как количественные, так и качественные аспекты такого влияния. Авторы ставят задачу, во-первых, проанализировать масштаб и темпы роста импорта ИКТ-товаров африканскими странами, его структуру по товарным группам, выявить основных поставщиков. Анализируется тарифное регулирование ввоза ИКТ-товаров в страны Африки. Во-вторых, важна и оценка – влияния информатизации на способы организации международной торговли, работу национальных и региональных регулятивных систем, организацию международных расчетов. Затрагиваются и другие вопросы, такие как роль электронной коммерции в африканской торговле и влияние информатизации на неформальную торговлю.

Африканский рынок ИКТ-товаров: количественный анализ

Изучение ИКТ-рынка Африки надо начать с определения рамок анализируемого сегмента торговли. Товары информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ-товары) выделены в отдельную группу в базе статистических данных Комиссии ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Составители этой базы данных относят к ИКТ-товарам пять товарных групп: электронные компоненты, потребительская электроника, прочая электроника, компьютеры, периферийное оборудование и оборудование связи². На рис. 1 представлена структура мирового и африканского рынков ИКТ-товаров в разрезе указанных пяти товарных групп.

При сравнении структуры африканского и мирового ИКТ-импорта по товарным группам можно заметить, что наибольшая доля африканского сегмента данного рынка приходится на оборудование связи (вклю-

¹ Draft Protocol to the Agreement Establishing the ACFTA on Digital Trade. – URL: https://www.bilaterals.org/IMG/pdf/afcfta_digital_trade_protocol_-_9_february_2024_draft.pdf

² Структура подгрупп ИКТ-товаров в соответствии с Гармонизированной системой описания и кодирования товаров версии 2017 г. – URL: https://unctadstat.unctad.org/EN/Classifications/DimHS2017Products_Ict_Hierarchy.pdf; Модификации структуры 2022 года отражены в Correlation Tables HS 2017–2022. – URL: <https://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/hs-nomenclature-2022-edition/correlation-tables-hs-2017-2022.aspx>

чая мобильные телефоны), на втором месте – компьютеры и периферийное оборудование. На эти две товарные группы приходится около 60% ИКТ-импорта в Африку. В то же время электронные компоненты – главная составляющая мировой ИКТ-торговли – в Африку поставляются в незначительных объемах.

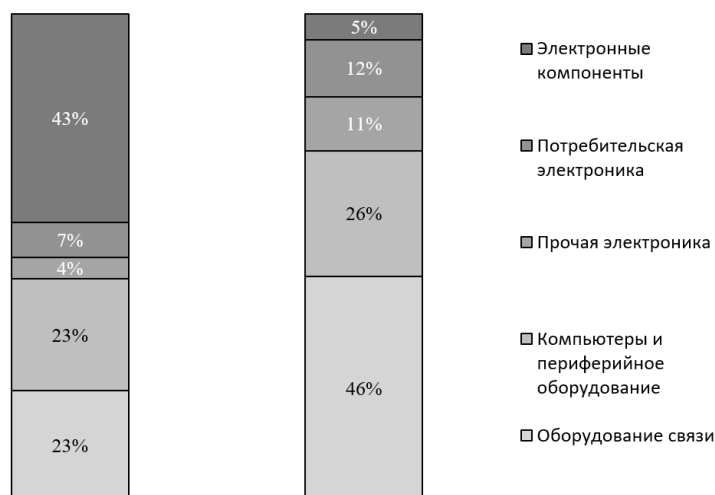

Рис. 1. Мировой (слева) и африканский (справа) импорт ИКТ-товаров в 2020 г. (в %)¹

Африка представлена главным образом в конечных звеньях глобальных стоимостных цепочек ИКТ-сектора: страны континента покупают прежде всего ИКТ-товары потребительского назначения. Подобная разница мировой и африканской структур импорта ИКТ-товаров обусловлена разным уровнем развития этих рынков и слабой включенностью стран Африки в глобальные технологические цепочки ИТ-сектора. Импорт ИКТ-товаров производственного назначения также растет, чему способствует активное развитие информационной и цифровой среды на континенте, в немалой степени – усилиями иностранных компаний, таких как Starlink, Google, Huawei, ZTE, которые все активнее инвестируют в развитие инфраструктуры связи и сети Интернет в регионе, осуществляют строительство дата-центров и т. п.

Африканский импорт ИКТ-товаров к началу третьего десятилетия составил лишь 0,8% их общемирового импорта. По данным Центра международной торговли, в 2023 г. объем импорта ИКТ-товаров в Африку составил 22,8 млрд долларов. Более половины поставок ИКТ в Африку (на 2023 г. – 55,9%) обеспечивает Китай. На второе место недавно вырвался Вьетнам (3,9%). Франция за счет позиций в своих бывших колониях

¹ Рис. 1 составлен по данным UNCTADSTAT.

удерживает третье место (3,8%), уступая КНР в 14 раз. Следующие по объемам поставок в Африку экспортеры – США, Гонконг, Индия, Тайвань, ЮАР (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Поставки ИКТ-товаров в Африку в 2023 г.*

Экспорт в Африку			Импорт в Африку			
Экспортеры	Млн долл.	%	Импортеры	Млн долл.	%	2023/2019, %
Все страны	22 849	100	Африка	22 849	100,0	95
Китай	12 779	55,9	ЮАР	6 434	28,2	98
Вьетнам	893	3,9	Марокко	2 916	12,8	147
Франция	859	3,8	Египет	2 084	9,1	50
США	721	3,2	Нигерия	1 411	6,2	87
Гонконг	613	2,7	Тунис	1 048	4,6	93
Индия	502	2,2	Алжир	1 027	4,5	71
Тайвань	470	2,1	Эфиопия	776	3,4	169
ЮАР	452	2,0	Ангола	584	2,6	147
Сингапур	418	1,8	Кения	553	2,4	90
Германия	370	1,6	Танзания	474	2,1	176
Остальные страны	4 773	20,9	Остальные страны	5 543	24,3	102

* Составлено по данным ИТС (Trademap.org)

Существенную роль в продвижении китайских интересов на африканском континенте играет компания Huawei, которая является одним из крупнейших инвесторов в ИКТ-инфраструктуру, реализуя свою стратегию Accelerate Intelligence for New Africa¹. Россия в 2021 г. экспортировала в Африку ИКТ-товаров на 222 (по другим данным 294) млн долларов (около 1% рынка, 16-е место, 12% экспорта ИКТ-товаров из России). Три четверти российских поставок ИКТ-товаров в Африку предназначались для Алжира, пятая часть – для Египта. По составу на 2/3 – это части для аппаратуры товарных позиций 8525–8528 – радионавигационного оборудования и передающей либо приемной аппаратуры для радиовещания или телевидения (код 852990 товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности – ТН ВЭД)².

Более четверти импортируемых странами Африки ИКТ-товаров поступает в Южноафриканскую Республику (на 2023 г. – 28,2%). Другими крупными покупателями ИКТ-продукции выступают Марокко, Египет и Нигерия (соответственно, 12,8, 9,1 и 6,2% африканского импорта на 2023 г.). Динамика импорта неравномерна, как в целом по континенту,

¹ Huawei Holds Digital Africa Summit, Accelerating Intelligence for New Africa. – URL: <https://e.huawei.com/eu/news/2024/branding/accelerate-intelligence-for-new-africa#:~:text=Huawei%20has%20put%20forward%20the,the%20Huawei%20Intelligent%20Future%20plan.>

² URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>

так и по отдельным государствам. Наиболее надежные данные есть за период 2019–2022 г., хотя и здесь они частично основаны на зеркальной статистике. Африканский рынок ИКТ-товаров в целом не вполне восстановился после спада периода пандемии COVID-19: в 2023 г. общий объем ИКТ-импорта составил 95% от уровня 2019 г. При этом цифры по отдельным странам показывают совершенно разную динамику. Так, в одном из крупных импортеров, Египте, ввоз ИКТ-продукции за эти четыре года упал вдвое, в Алжире – на 29%. Марокко, Эфиопия и Танзания, напротив, резко нарастили импорт ИКТ-товаров: соответственно, на 47, 69 и 76% (см.: табл. 1). Такого рода колебания обычно объясняются изменениями национального регулирования, хотя нельзя исключить и влияние проблем статистического учета внешнеторговых операций.

Африка не только импортирует ИКТ-товары, но и экспортирует их на 4,1 млрд долларов (в 2023 г. ИКТ-экспорт в 5,6 раз меньше ИКТ-импорта). Практически весь экспорт (95%) происходит из четырех государств: Марокко, Египта, Туниса и ЮАР. Марокко добилось здесь наибольших успехов: за 2019–2023 г. их ИКТ-экспорт вырос на 79%, превысив 1,2 млрд долларов. В трех других государствах ИКТ-экспорт больше 0,8 млрд долларов, но показатели роста – гораздо скромнее. Главные покупатели ИКТ-продукции стран Африки – Франция, Гонконг, ОАЭ, США, Нидерланды и др. (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Экспорт ИКТ-товаров из Африки в 2019–2023 г.: объемы, динамика, основные экспортеры и импортеры*

Экспорт из Африки				Импорт из Африки		
Экспортеры	млн долл.	%	2023/2019, %	Импортеры	млн долл.	%
Африка	4 117	100,0	127	Франция	522	12,7
Марокко	1 260	30,6	179	Гонконг	492	12,0
Египет	896	21,8	103	ОАЭ	465	11,3
ЮАР	896	21,8	114	США	279	6,8
Тунис	848	20,6	134	Нидерланды	162	3,9
Остальные страны	217	5,3	89	Остальные страны	2 197	64,4

* Составлено по данным ИТС (Trademap.org).

Географически наиболее глобализован ИКТ-экспорт из стран Северной Африки, тогда как ЮАР более половины вывозимых ИКТ-товаров поставляет в соседние африканские государства.

На 2023 г. 54% экспортируемой африканскими странами ИКТ-продукции относится в кодам 854129 – прочие транзисторы, кроме фототранзисторов (по этой товарной группе наблюдается наиболее динамичный рост; практически весь экспорт идет из Марокко), 852872 – аппарату-

ра приемная для телевизионной связи, прочая, цветного изображения и 851762 – машины для приема, преобразования и передачи или восстановления голоса, изображений или других данных, включая коммутационные устройства и маршрутизаторы¹.

Условия доступа на африканский ИКТ-рынок.

Тарифные барьеры

В начале XXI в. серьезно продвинулся процесс тарифной либерализации мировых товарных рынков. Сегодня поставщиков больше волнуют нетарифные барьеры, чем уровень ввозных пошлин. В сфере ИКТ это произошло в значительной мере благодаря заключению под эгидой Всемирной торговой организации Соглашения по информационным технологиям (Information Technology Agreement – ИТА), участники которого договорились о беспошлинной торговле ИКТ-товарами. Основные категории продукции, охватываемые ИТА: компьютеры, полупроводники, оборудование для их производства, телекоммуникационное оборудование, приборы и аппаратные средства, носители данных и программное обеспечение, а также запчасти и аксессуары. На 2024 г. число участников соглашения достигло 82 (включая страны Европейского союза), и их взаимная торговля составляет 97% мировой торговли ИКТ-товарами. Среди стран Африки участниками соглашения являются Египет, Марокко и Маврикий². Для многих африканских государств ввозные пошлины сохраняют фискальную роль как источник поступлений в госбюджет, и даже для ИКТ-товаров не всегда делается исключение.

Тарифная политика в отношении импорта ИКТ-товаров различается по странам и группам стран континента. Это можно проследить на примере компьютерной техники (код ТН ВЭД/HS 8471). По уровню ввозных пошлин на компьютеры среди африканских государств можно выделить три основные группы. Бывшие французские колонии из состава Экономического сообщества центральноафриканских государств (ЭСЦАГ) применяют единую пошлину 9,8% (кроме Республики Конго, где пошлина – 6,7%). Страны-участницы Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) применяют более низкие тарифные ставки – 4,7–5%. Государства – участники Восточноафриканского сообщества (ВАС), Общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА) и Южноафриканского таможенного союза (ЮАТС) (в большинстве своем – бывшие британские колонии) придерживаются более либеральной таможенной политики. Почти все они ввозят компьютеры беспошлинно. В ряде африканских государств пошлины дифференцированы по странам-поставщикам. Так, Алжир (средневзвешенный ввоз-

¹ URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>

² The WTO's Information Technology Agreement (ITA). – URL: https://www.wto.org/english/news_e/brief_ita_e.htm

ной тариф – 9,0%) применяет три разные ставки: для компьютеров, ввозимых из арабских стран – 0%, из стран ЕС – 3,0%, из прочих стран – 23,4%. Неудивительно, что из Франции страна ввозит вдвое больше компьютеров, чем из Китая, а общий объем официального импорта компьютеров в Алжир ниже, чем в соседний Тунис (население которого почти в четыре раза меньше), где ставка ввозной пошлины – нулевая для всех поставщиков компьютеров¹.

Роль информационно-коммуникационных технологий в упрощении торговых операций африканских стран

Как уже говорилось выше, сегодня нетарифные барьеры, замедляющие товаропотоки, оказываются более значимыми барьерами, чем ввозные пошлины. Речь идет о затратах времени и денег на пограничные процедуры, таможенные проверки, оформление разрешений и прочих документов, платежей, адаптацию к часто меняющимся правилам и процедурам и др. По оценкам ЮНКТАД, отмена импортных тарифов странами Африки может привести к росту торговли в Африке на 3,6 млрд долларов, в свою очередь снижение нетарифных барьеров (некоторые из них связаны с пограничным и таможенным администрированием) обеспечит рост торговли на 20 млрд долларов в год². Наибольшие выгоды принесут реформы таможенных процедур, а также модернизация транспортной инфраструктуры и другие реформы пограничных служб. Справиться с этими проблемами или, по крайней мере, смягчить их негативное воздействие в XXI в. помогают современные технические решения, основанные на достижениях информационной революции и цифровых технологиях. Такие решения разрабатываются, тестируются и применяются. Этим занимаются частные компании и международные организации, такие как Африканский союз и ЮНКТАД.

Проект ЮНКТАД ASYCUDA (Automated System for Customs Data) – автоматизированная система таможенных данных – один из масштабных проектов в сфере цифровизации процедур, связанных с организацией торговли. Система ASYCUDA позволяет интегрировать процессы и данные пограничного контроля, таможен и других государственных ведомств, обеспечивая электронный интерфейс единого окна. К примеру, в Джибути система ASYCUDA World была запущена в 2022 г. и за полтора года принесла ощутимые результаты: среднее время таможенного оформления сократилось с восьми до трех дней. Примерно 45% таможенных деклараций подаются в электронном виде; десятки экспедиторов пользуются системой из своих офисов и могут выполнять все этапы

¹ URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>

² "The task ahead is great" say African leaders as continent-wide free trade deal is signed. – URL: <https://unctad.org/es/isar/news/task-ahead-great-say-african-leaders-continent-wide-free-trade-deal-signed>

оформления онлайн, включая оплату в электронной форме. Намечена адаптация системы для ее использования со смартфона. Это весьма практично в африканских условиях, поскольку смартфоны часто заменяют компьютеры [15]. Началась работа по подключению к системе эфиопских таможенников, что упростит организацию транзита для этой страны, не имеющей своего морского порта. Таможни Эфиопии и Джибути ежедневно обмениваются транзитными декларациями на общей платформе, чтобы каждая страна могла сформировать необходимые транзитные формы по прибытии грузовика. Аналогичным образом работает система SIGMAT стран Западной Африки [21].

На 2024 г. система (в разных версиях) используется в 102 странах, в том числе в 39 африканских государствах¹, в частности, в 13 государствах – членах COMESA. По состоянию на 2024 г. система получила широкое, но не повсеместное распространение. Как видно из рис. 2, ее не использует ряд крупных стран Африки: ЮАР, Египет, Нигерия, Алжир, Марокко, Кения и др.

Рис. 2. Распространение автоматизированной системы таможенных данных ASYCUDA в странах Африки²

¹ ASYCUDA Systems. – URL: <https://asycuda.org/en/user-countries/>

² Источник рис. 2. – URL: <https://asycuda.org/en/user-countries/>

В Кении, например, есть собственная Интегрированная система таможенного управления (Integrated Customs Management Systems – iCMS), которая отслеживает перемещение грузов через порт Момбаса и облегчает обмен информацией с ASYCUDA, что приносит пользу государствам – членам Восточноафриканского сообщества (ВАС), таким как Руанда, и Уганда¹.

Наряду с межгосударственными проектами страны континента используют технологические решения и платформы, продвигаемые частными корпорациями. Так, компания Webb Fontaine продолжает реализацию проектов в 12 африканских странах, включая Эфиопию, Нигерию и Египет. Использование ее платформы «Единое окно для торговли» облегчает клиентам доступ к актуальной информации и выполнение торговых формальностей, в том числе оформление таможенных деклараций, получение разрешений и лицензий, оплату всех сборов и налогов с помощью функции электронных платежей. Представители этой компании утверждают, что их платформа доказала свою эффективность во время пандемии COVID-19, когда многие границы были закрыты. Так, в Нигерии порты оставались открытыми благодаря таможенным операциям, осуществляемым через онлайн-торговые платформы, а карантин в стране не оказал негативного влияния на сбор доходов от импорта/экспорта [10]. Интересно, что в Нигерии, а также в соседнем Бенине, компания внедряла свои решения на базе ранее использовавшейся системы ASYCUDA, причем бенинский проект заявлен как использующий искусственный интеллект². Руководитель Web Fontaine, сенегалец Alioune Cissé, родившийся в Нью-Йорке и проработавший более двух десятилетий в учреждениях системы ООН в Женеве, увлечен идеей упрощения систем организации торговли и портовой логистики в Африке на основе современных технологий и, судя по публикациям, добивается вместе со своей командой немалых успехов [21].

В то же время переход с одной системы управления и контроля на другую влечет издержки переучивания персонала и переналаживания взаимодействия с другими системами. Осознание серьезности такого рода проблем ведет к пониманию предпочтительности гибких и взаимно непротиворечащих друг другу систем автоматизации управления.

Отсутствие единого подхода, единой стандартизированной платформы автоматизации оформления внешнеторговых операций имеет свои плюсы и свои минусы. Плюсом является конкуренция подходов и систем, стимулирующая их совершенствование и удешевление. Однако есть и несомненные минусы – это проблемы совместимости информационных

¹ How the Integrated Customs Management System Works. – URL: <https://kenyanwallstreet.com/how-the-integrated-customs-management-system-works/>

² Benin adopts a new AI-based customs solution. – URL: <https://www.wearetech.africa/en/fils-uk/news/tech/benin-adopts-a-new-ai-based-customs-solution>

систем. Особенно это важно для таможенных союзов, где ввозные пошлины собираются в общий фонд и затем распределяются между странами-участницами по согласованным формулам, часто пропорционально объемам импорта в эти страны. Точность и своевременность информационного обмена здесь приобретает особую важность, но он не всегда организован на нужном уровне. К примеру, среди государств – членов Южноафриканского таможенного союза (ЮАТС) три (Лесото, Намибия и Эсватини) используют систему ASYCUDA, ЮАР предпочитает систему, разработанную собственной национальной южноафриканской компанией Interfront¹, а Ботсвана – систему, разработанную сингапурской компанией CrimsonLogic.

Многие страны Африканского континента не имеют выхода к морю и зависят от транзита импортируемых и экспортируемых товаров через территории стран-соседей. Автоматизация и создание сети пограничных постов облегчили управление транзитными операциями. Одна из важнейших функций таможни – не допустить товары, предназначенные для пересечения территории, на местный рынок. Для решения этой проблемы в отсутствие электронного контроля часто использовалось сопровождение автоколонн до границы. С начала 2000-х гг. таможенные системы адаптировались, связав банковскую гарантию с транзитной формой. Сумма гарантии списывается со счета декларанта в таможенной системе при отправлении грузовика и автоматически восстанавливается на границе. Однако этот механизм не препятствует частичной разгрузке во время транспортировки. Для решения этой проблемы многие страны внедрили технологию контроля перемещения грузовиков с помощью GPS, которая позволяет отслеживать скорость движения грузовика, его остановки, а также отклонения от маршрута. В случае отключения GPS-трекера грузовик может быть обездвижен [21].

Помимо оформления экспортно-импортных операций, важной сферой цифровизации является организация платежей. Одним из перспективных проектов в рассматриваемой области является Панафриканская платежно-расчетная система (the Pan-African Payment and Settlement System – PAPSS), позволяющая осуществлять платежные операции по всей Африке². Эта платформа была разработана усилиями Африканского союза в сотрудничестве с Африканским экспортно-импортным банком (Афрэксимбанк).

Стратегическая цель ее создания – обеспечить удобную современную инфраструктуру для внутриафриканской торговли товарами и услугами в рамках созданной в 2018 г. Африканской континентальной зоны свободной торговли (African Continental Free Trade Area – ACFTA).

¹ Interfront Customs and Border Management Solution (iCBS). – URL: <https://interfront.co.za/our-platforms/>

² Connecting Payments. Accelerating Africa's Trade. – URL: <https://papss.com/>

PAPSS работает в сотрудничестве с центральными банками континента, предоставляя платежный сервис, к которому коммерческие банки, поставщики платежных услуг и финтех-организации по всему континенту могут подключиться в качестве участников.

В настоящее время в Африке имеют хождение более 40 валют. PAPSS позволяет компаниям в Африке оплачивать товары в рамках внутриафриканской торговли в местной валюте. Ожидается, что PAPSS снизит затраты и ускорит расчеты и оплату торговых операций¹. По состоянию на июль 2024 г. сеть PAPSS состояла из 12 центральных банков, 51 коммерческого банка и 5 коммутаторов. По плану все центральные банки должны были зарегистрироваться в ней к концу 2024 г., а все коммерческие банки – к концу 2025 г.²

Одним из важнейших препятствий на пути расширения доступа к финансовым услугам и цифровой торговле является отсутствие функциональной совместимости цифровых платежных систем, особенно для мелких и микропредприятий, которые доминируют во внутриафриканской торговле. Налаживание работы Панафриканской платежно-расчетной системы со временем облегчит организацию трансграничной торговли не только для крупных компаний, но и для десятков миллионов небольших фирм и индивидуальных торговцев.

В феврале 2024 г. Секретариат Африканской континентальной зоны свободной торговли опубликовал проект Протокола о цифровой торговле к соглашению AfCFTA³. Проект включает положения, нацеленные на отказ от таможенного обложения цифровой торговли между странами-участницами, взаимное признание цифровых контрактов, цифровых сертификатов и иных необходимых документов, на обеспечение свободного обмена данными при должном внимании к проблемам защиты персональных данных и кибербезопасности в целом. Ожидается, что благодаря этой инициативе расширится внутриафриканская торговля, появятся новые рабочие места. В результате это будет способствовать привлечению инвестиций, стимулируя экономический рост и развитие по всей Африке. По некоторым оценкам, меры в области цифровой торговли, такие как переход к полностью безбумажной трансграничной торговле, могли бы почти удвоить сокращение торговых издержек, ожидаемое от реализации мер, предусмотренных Соглашением об упрощении процедур торговли, заключенным странами – членами ВТО [20].

¹ Pan-African Payment and Settlement System. – URL: <https://www.trade.gov/market-intelligence/pan-african-payment-and-settlement-system>

² The Pan-African Payments and Settlement System. – URL: <https://au-afcfta.org/operational-instruments/papss/>

³ Draft Protocol to the Agreement Establishing the AfCFTA on Digital Trade. 09.02.2024. – URL: https://www.bilaterals.org/IMG/pdf/afcfta_digital_trade_protocol_-_9_february_2024_draft.pdf

Электронная коммерция

Как и в большинстве регионов мира, одним из ярких проявлений аспектов влияния информатизации и цифровизации на сферу международной торговли стало развитие электронной коммерции. Африка – не исключение. По оценкам McKinsey, в 2025 г. в крупнейших экономиках Африки, Нигерии, ЮАР и Египте на долю электронной коммерции придется 10% розничного товарооборота [22]. Здесь представлены как африканские компании (Jumia, Konga, Naspers), так и глобальные игроки (Amazon, Alibaba, eBay, Avito). Причем интерес к африканскому рынку все растет. Ярким примером являются запланированные до 2029 г. инвестиции Amazon в размере 3,5 млрд долларов в облачную инфраструктуру Amazon Web Services (AWS) в Африке для расширения своего присутствия в регионе¹.

Точные оценки доли международных поставок в рамках электронной коммерции отсутствуют, но логично предположить, что товары из Китая, Юго-Восточной Азии, Европы и других регионов с развитым производством потребительских товаров занимают в продажах африканских маркетплейсов не меньший удельный вес, чем в других регионах мира. В работе International e-commerce in Africa, Key Players, Challenges and the Way Forward отмечаются проблемы, затрудняющие развитие электронной коммерции на континенте, такие как недоверие, плохая логистика, нехватка финансирования, недостаточно развитая инфраструктура ИКТ и цифровой разрыв, слабое распространение цифровых платежей в большинстве стран, проблемы регулирования, рост киберпреступности, бюрократия [19]. Тем не менее ожидается, что среднегодовой рост рынка электронной коммерции Африки в 2024–2032 гг. составит 14,4%².

Неформальная торговля и ИКТ

Внешняя торговля стран Африки не ограничивается официально регистрируемыми потоками товаров и легальными сделками. Теневая экономика широко распространена на континенте, и кросс-границная торговля является ее органичной частью. На долю неформального торгового сектора во многих африканских странах приходится от 30% до 72% международной торговли [25]. По другим оценкам, 30–40% региональной торговли в Африке является неформальной, а за пределами формальной экономики, вероятно, работают в четыре раза больше трансграничных торговцев, чем внутри нее [26]. Не приходится сомневаться, что распространение современных средств связи затронуло и неформальную торговлю, способы ее организации и масштабы. К примеру, в рамках неле-

¹ AWS to invest over a billion dollars to boost cloud, AI in Africa. – URL: <https://itweb.africa/content/dgp45vaB3Pb7X9l8>

² Africa E-Commerce Market Report by Business Model. – URL: <https://www.imarcgroup.com/africa-e-commerce-market>

гальной торговли между Мали и Алжиром с момента появления мобильных и спутниковых телефонов 90% поставок организуются по предварительным заказам и включают наборы товаров в различной комплектации, заранее оговоренной с покупателем [12]. Африканские государства и международные организации не ставят задачи сокращения масштабов неформальной торговли – она кормит десятки миллионов семей и часто является уделом женщин. Напротив, ставится задача облегчить осуществление торговых операций и снизить сопутствующие риски путем гармонизации регулятивных процедур, ликвидации барьеров на пути трансграничной торговли, распространения онлайн-платежей.

Информатизация и цифровизация предоставляют не только возможности, но и несут в себе угрозы и проблемы. Глобальной проблемой стало кибермошенничество – оно не обошло стороной и Африку (некоторые схемы здесь и появились). Развитие онлайн-торговли расширило возможности и преступников, например, оно дало толчок расширению наркотрафика, контрабанды оружия и другим видам антиобщественной деятельности. Это неизбежная сторона технического прогресса, приносящего не только добро. Задача добросовестных участников международной торговли и ее регуляторов – обеспечить преобладание позитивных эффектов ее информатизации и цифровизации.

Заключение

Информационная революция оказывает растущее влияние на международную торговлю стран Африки. На товары информационно-коммуникационных технологий за последнее десятилетие приходилось 3,3–4,5% импорта стран континента; при этом товары потребительского назначения (аппаратура мобильной связи, компьютеры и т. п.) занимают основное место в ИКТ-импорте. Некоторые государства (ЮАР, Марокко, Тунис) стали и экспортерами ИКТ-товаров, особенно заметны в данном секторе успехи Марокко. Страны Африки в большинстве своем пока не примкнули к Соглашению ВТО об информационных технологиях, но значительная их часть (это характерно для бывших британских колоний востока и юга Африки) не взимает пошлин при ввозе компьютеров и мобильных телефонов. Бывшие французские колонии обычно сохраняют 5–10%-ный тариф на такой импорт.

Информатизация и цифровая трансформация меняют не только структуру рынка товаров, но и способы организации и регулирования торговли, в том числе в Африке. Распространяется электронная коммерция, появляются многочисленные африканские маркетплейсы, все шире используются электронные платежи. Постепенно внедряется электронное декларирование, работа таможен и портов перестраивается на цифровой основе. Интернет-коммуникации облегчают координацию национальных регулятивных систем, региональные и общафриканские орга-

низации предпринимают усилия по их гармонизации в масштабах всего континента. На этом направлении активны и частные компании, предлагающие свои технологические решения, а также международные консультационные центры.

Российские ИКТ-компании и организации присутствуют в странах Африки, но пока недостаточно активны здесь [3]. Африканский рынок ИКТ-товаров и услуг – динамичный, перспективный и конкурентный. Нельзя упускать возможность предложить странам континента свои наработки в области информатизации и цифровой трансформации, адаптируя их к африканским условиям.

Список литературы

1. Дериглазова А. И. Применение информационных технологий при проведении посреднических операций во внешней торговле стран Восточной Африки // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9. – № 4.
2. Дробот Е. В., Сапунцов А. Л. Африканская континентальная зона свободной торговли в зеркале международной экономической интеграции: Quo Vadis? // Экономические отношения. – 2021. – Т. 11. – № 2.
3. Мама Африка, папа – спутник: на Gitex Africa 2023 обсудили, как идет цифровизация африканского континента. – URL: <https://www.rscs.ru/news/1256/>
4. Приходько Д. В., Шеров-Игнатъев В. Г. Цифровая экономика в Африке: состояние и проблемы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2024. – Т. 40. – № 1. – С. 3–35.
5. Рензяев К. Российская ИТ-экспансия в Африку: возможности и риски // Россия в глобальной политике. – 2023. – 28 сентября. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/it-ekspansiya-v-afriku/>
6. Хассан А. М. Цифровизация мировой экономики и управления в современной Африке: тенденции и перспективы развития. // Трансформация экономики и управления: новые вызовы и перспективы : сборник статей XII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–16 декабря 2022 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2023. – С. 296–298.
7. Шкваря Л. В. Страны Северной Африки: экономическое развитие и готовность к цифровизации // Международная торговля и торговая политика. – 2022. – Т. 8. № 2. – С. 105–117.
8. Accelerating Africa's Digital Transformation: Three Essential Policy Priorities for 2024. – URL: <https://www.telecomreviewafrica.com/articles/features/4141-accelerating-africa-s-digital-transformation-three-essential-policy-priorities-for-2024/>

9. Adams K., R. Attah-Boakye, Yu H., Chu I., Mali D. African Continental Free Trade Area and Regional Trade in ICT and Digital Technologies // Journal of International Management. – 2024. – Vol. 30. – Issue 4. – P. 101156.

10. Babalola O. Digital Trade Key to Unlocking Africa's Economic Potential. – URL: <https://webbfontaine.com/success-stories>; <https://webbfontaine.com/2022/08/08/digital-trade-key-to-unlocking-africas-economic-potential/>

11. Bastos P., Castro L., Cruz M. The Quality and Price of Africa's Imports of Digital Goods // World bank. Group Policy Research Working Paper 10718. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099023203062417297/pdf/IDU139a4bb921ca441476b197eb159bcb1d2248a.pdf>

12. Bensassi S., Brockmeyer A., Pellerin M., Raballand G. Commerce Algérie-Mali. La Normalité de l'Informalité. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/202591468195569460/pdf/101137-FRENCH-WP-P148610-PUBLIC-BOX393259B.pdf>

13. Digital Banking Transformation Report 2024. – URL: <https://www.backbase.com/insights/reports/key-insights-into-the-state-of-african-banking#download>

14. Digital Economy Report 2024. – URL: <https://www.uneca.org/digital-economy-report-2024>

15. Djibouti: Digital Customs Administration Using ASYCUDAWorld. Equitable growth, finance & institutions notes. Supported by the GovTech Global Partnership. – URL: <https://www.worldbank.org/govtech>. – URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099020224094541999/pdf/P169482159291d0c91bc431aa3a05eaf578.pdf?_gl=1*qcjlp4*_gcl_au*NTAyODcxMjg5LjE3MjE0NzE3NTE

16. Economic Development in Africa Report 2023: The Potential of Africa to Capture Technology-intensive Global Supply Chains. UNCTAD, 2023.

17. International E-Commerce in Africa. Key Players, Challenges and the way Forward. – URL: <https://assets.klasha.com/International+e-commerce+in+Africa+-+Klasha+x+TechCabal.pdf>

18. Kere S., Zongo A. Digital Technologies and Intra-African Trade // International Economics. – 2023. Vol. 173. – P. 359–383.

19. Klerk de K. Energising Africa's Digital Economy: Cross-Border Data Flows and the African Continental FTA. 2023. – July. – URL: <https://www.thecommonwealth-ilibrary.org/index.php/comsec/catalog/book/1118>

20. Lemma A. Framework to Assess the Impact of the AfCFTA Protocol on Digital Trade. ODI Report. – London: ODI, 2024. – URL: <https://odi.org/en/publications/framework-to-assess-the-impact-of-the-afcfta-protocol-on-digital-trade>

21. Minvielle P. Customs Information Systems: a Brief Historical Overview and Recommendations // WCO News 104. – 2024. – Issue 2.
22. Ngutjinazo O. Africa Sees Rise in E-Commerce, Digital Marketplace. 06/09/2024. – URL: <https://www.dw.com/en/africa-sees-rise-in-e-commerce-digital-marketplace/a-69290581>
23. Owolabi O. A., Adedeji A. O., Aderounmu B. et al. Do Information and Communications Technology (ICT) and Financial Development Contribute to Economic Diversification? Evidence from sub-Saharan Africa // Economic Structures. – 2023. Vol. 12. N 5. – URL: <https://doi.org/10.1186/s40008-023-00299-7>
24. Pandemic Drives ICT Goods Trade Rebound but Steep Declines Occur in Least Developed Countries and Africa. – 2021. November 2. – URL: <https://unctad.org/news/pandemic-drives-ict-goods-trade-rebound-steep-declines-occur-least-developed-countries-and>
25. Powering the One Africa Market Through the Digital Financial Inclusion of Small Traders. – 2024. – February 22. – URL: <https://african.business/2024/02/economy/powering-the-one-africa-market-through-the-digital-financial-inclusion-of-small-traders>
26. Zarrilli S., Lopez M. Leveraging Digital Solutions to Seize the Potential of Informal Cross-Border Trade. – 2020. – April 29. – URL: <https://unctad.org/news/leveraging-digital-solutions-seize-potential-informal-cross-border-trade>

References

1. Deriglazova A. I. *Primenenie informatsionnykh tekhnologiy pri provedenii posrednicheskikh operatsiy vo vneshney torgovle stran Vostochnoy Afriki* [The Use of Information Technologies in Conducting Intermediary Operations in the Foreign Trade of East African Countries]. *Ekonomicheskie otnosheniya* [Economic Relations], 2019, Vol. 9, No. 4. (In Russ.).
2. Drobot E. V., Sapuntsov A. L. *Afrikanskaya kontinentalnaya zona svobodnoy trgovli v zerkale mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii: Quo Vadis?* [African Continental Free Trade Zone in the Mirror of International Economic Integration: Quo Vadis?]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. [Economic Relations], 2021, Vol. 11, No. 2. (In Russ.).
3. *Mama Afrika, papa – sputnik: na Gitex Africa 2023 obsudili, kak idet tsifrovizatsiya afrikanskogo kontinenta* [Mom Africa, Dad Satellite: Gitex Africa 2023 Discussed How the Digitalization of the African Continent is Going]. (In Russ.). Available at: <https://www.rsc.ru/news/1256/>
4. Prikhodko D. V., Sherov-Ignatev V. G. *Tsifrovaya ekonomika v Afrike: sostoyanie i problemy razvitiya* [Digital Economy in Africa: the State

and Problems of Development] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. [Saint Petersburg University Journal of Economic Studies], 2024, Vol. 40, No. 1, pp. 3–35. (In Russ.).

5. Renzyaev K. Rossiyskaya IT-ekspansiya v Afriku: vozmozhnosti i riski [Russian IT Expansion into Africa: Opportunities and Risks]. *Rossiia v globalnoy politike* [Russia in Global Politics], 2023, September 28. (In Russ.). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/it-ekspansiya-v-afriku/>

6. Khassan A. M. Tsifrovizatsiya mirovoy ekonomiki i upravleniya v sovremennoy Afrike: tendentsii i perspektivy razvitiya [Digitalization of the World Economy and Management in Modern Africa: Trends and Development Prospects]. *Transformatsiya ekonomiki i upravleniya: novye vyzovy i perspektivy: sbornik statey XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 15–16 dekabrya 2022 goda* [Transformation of Economics and Management: New Challenges and Prospects: Collection of Articles of the XII International Scientific and Practical Conference]. Saint Petersburg, Scythia-Print LLC, 2023, pp. 296–298. (In Russ.).

7. Shkvarya L. V. Strany Severnoy Afriki: ekonomicheskoe razvitie i gotovnost' k tsifrovizatsii [North African Countries: Economic Development and Readiness for Digitalization]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2022, Vol. 8, No. 2, pp. 105–117. (In Russ.).

8. Accelerating Africa's Digital Transformation: Three Essential Policy Priorities for 2024. Available at: <https://www.telecomreviewafrica.com/articles/features/4141-accelerating-africa-s-digital-transformation-three-essential-policy-priorities-for-2024/>

9. Adams K., R. Attah-Boakye, Yu H., Chu I., Mali D. African Continental Free Trade Area and Regional Trade in ICT and Digital Technologies. *Journal of International Management*, 2024, Vol. 30, Issue 4, p. 101156.

10. Babalola O. Digital Trade Key to Unlocking Africa's Economic Potential. Available at: <https://webbfontaine.com/success-stories>; <https://webbfontaine.com/2022/08/08/digital-trade-key-to-unlocking-africas-economic-potential/>

11. Bastos P., Castro L., Cruz M. The Quality and Price of Africa's Imports of Digital Goods. *World bank. Group Policy Research Working Paper* 10718. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099023203062417297/pdf/IDU139a4bb921ca441476b197eb159bcb1d2248a.pdf>

12. Bensassi S., Brockmeyer A., Pellerin M., Raballand G. Commerce Algérie-Mali. La Normalité de l'Informalité. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/202591468195569460/pdf/101137-FRENCH-WP-P148610-PUBLIC-BOX393259B.pdf>

13. Digital Banking Transformation Report 2024. Available at: <https://www.backbase.com/insights/reports/key-insights-into-the-state-of-african-banking#download>
14. Digital Economy Report 2024. Available at: <https://www.uneca.org/digital-economy-report-2024>
15. Djibouti: Digital Customs Administration Using ASYCUDA World. Equitable Growth, Finance & Institutions Notes. Supported by the GovTech Global Partnership. Available at: <https://www.worldbank.org/govtech>. – URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099020224094541999/pdf/P169482159291d0c91bc431aa3a05eaf578.pdf?_gl=1*qcjlp4*_gcl_au*NTAyODcxMjg5LjE3MjE0NzE3NTE
16. Economic Development in Africa Report 2023: The Potential of Africa to Capture Technology-intensive Global Supply Chains. UNCTAD, 2023.
17. International e-commerce in Africa. Key Players, Challenges and the way Forward. Available at: <https://assets.klasha.com/International+e-commerce+in+Africa+-+Klasha+x+TechCabal.pdf>
18. Kere S., Zongo A. Digital Technologies and Intra-African Trade. *International Economics*, 2023, Vol. 173, pp. 359–383.
19. Klerk de K. Energising Africa's Digital Economy: Cross-Border Data Flows and the African Continental FTA, 2023, July. Available at: <https://www.thecommonwealth-ilibrary.org/index.php/comsec/catalog/book/1118>
20. Lemma A. Framework to Assess the Impact of the AfCFTA Protocol on Digital Trade. ODI Report. London: ODI, 2024. Available at: <https://odi.org/en/publications/framework-to-assess-the-impact-of-the-afcfta-protocol-on-digital-trade>
21. Minvielle P. Customs Information Systems: a Brief Historical Overview and Recommendations. *WCO News 104*, 2024, Issue 2.
22. Ngutjinazo O. Africa Sees Rise in E-Commerce, Digital Marketplace. 06/09/2024. Available at: <https://www.dw.com/en/africa-sees-rise-in-e-commerce-digital-marketplace/a-69290581>
23. Owolabi O. A., Adedeji A. O., Aderounmu B. et al. Do Information and Communications Technology (ICT) and Financial Development Contribute to Economic Diversification? Evidence from Sub-Saharan Africa. *Economic Structures*, 2023, Vol. 12, No. 5. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40008-023-00299-7>
24. Pandemic Drives ICT Goods Trade Rebound but Steep Declines Occur in Least Developed Countries and Africa, 2021, November 2. Available at: <https://unctad.org/news/pandemic-drives-ict-goods-trade-rebound-steep-declines-occur-least-developed-countries-and>
25. Powering the One Africa Market Through the Digital Financial Inclusion of Small Traders, 2024, February 22. Available at: <https://>

african.business/2024/02/economy/powering-the-one-africa-market-through-the-digital-financial-inclusion-of-small-traders

26. Zarrilli S., Lopez M. Leveraging Digital Solutions to Seize the Potential of Informal Cross-Border Trade, 2020, April 29. Available at: <https://unctad.org/news/leveraging-digital-solutions-seize-potential-informal-cross-border-trade>

Поступила: 14.12.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Сведения об авторах

Дмитрий Валентинович Приходько

ассистент кафедры мировой экономики СПбГУ.

Адрес: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

E-mail: prihodkodv@yandex.ru

Владимир Генрихович Шеров-Игнатъев

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, старший научный сотрудник Лаборатории азиатских экономических исследований СПбГУ.

Адрес: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

E-mail: vladimirsherov@mail.ru

Information about the authors

Dmitrii V. Prikhodko

Assistant at the Department of World Economy of SPbU.

Address: Saint Petersburg State University 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: prihodkodv@yandex.ru

Vladimir G. Sherov-Ignatev

PhD, Associate Professor at the Department of World Economy, Senior Researcher at the Asian Economic Research Laboratory of SPbU.

Address: Saint Petersburg State University 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: vladimirsherov@mail.ru

Требования, предъявляемые к статье для публикации в журнале

Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.

Структура статьи должна включать следующие обязательные элементы:

1. **Заглавие** статьи (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).
2. **Инициалы и фамилию** автора(ов).
3. **Резюме** статьи (100–150 слов).
4. **Ключевые слова** (5–10 слов).
5. **Основной текст** (не более 30 тыс. знаков).
6. **Список литературы**.
7. **Сведения об авторе** (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, включая почтовый индекс, научная специализация, e-mail).

Название, аннотация статьи, ключевые слова, информация об авторах даются на русском и английском языке, пристатейный библиографический список на русском языке должен быть транслитерирован латиницей и переведен на английский язык.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова) в англоязычной версии указывать как **Plekhanov Russian University of Economics**.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволят облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

Авторское резюме статьи является кратким изложением научной работы. Результаты работы описывают предельно точно и информативно. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение. В авторском резюме не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии статьи.

1. *Основная часть* статьи должна содержать в себе теоретико-методологическую часть, в которой определяется и обосновывается выбор методов для решения поставленного вопроса или проблемы; демонстрацию количественных и качественных данных, полученных в

ходе реализации указанных методов и методик; обобщение и встраивание полученных результатов в интеллектуальную историю исследуемого предмета. Статья должна быть написана языком, понятным как специалистам в данной области, так и широкому кругу читателей, заинтересованных в обсуждении темы. Оригинальность текста должна быть более 80%.

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в **квадратных скобках** порядкового номера упоминаемого произведения из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого произведения [3. – С. 5].

Текст печатается в редакторе MS Word через полтора интервала с одной стороны бумаги формата А4 шрифтом Times New Roman размером 12 пт, страницы нумеруются.

Рисунки должны иметь расширение, совместимое с MS Word. Все буквенные обозначения на рисунках необходимо пояснить в основном или подрисовочном тексте. Подписи к рисункам и заголовки таблиц обязательны. Поскольку журнал печатается в одну краску, использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

В математических формулах греческие и русские буквы следует набирать прямым шрифтом, латинские – курсивом. Нумеровать необходимо только те формулы, на которые есть ссылки в последующем изложении. Нумерация формул сквозная.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных списка литературы. Один список литературы для русскоговорящих читателей оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (**References**) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Транслитерировать можно автоматически с помощью **translit.ru**, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи, поступающие в редакцию журнала, проходят обязательное «слепое» рецензирование. По решению редколлегии журнала статьи могут быть отправлены автору на доработку или отклонены по формальным или научным причинам (автору направляется мотивированный отказ). Вместе со статьей авторы передают в редакцию лицензионный договор и акт передачи.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Плата за публикацию рукописи не взимается.